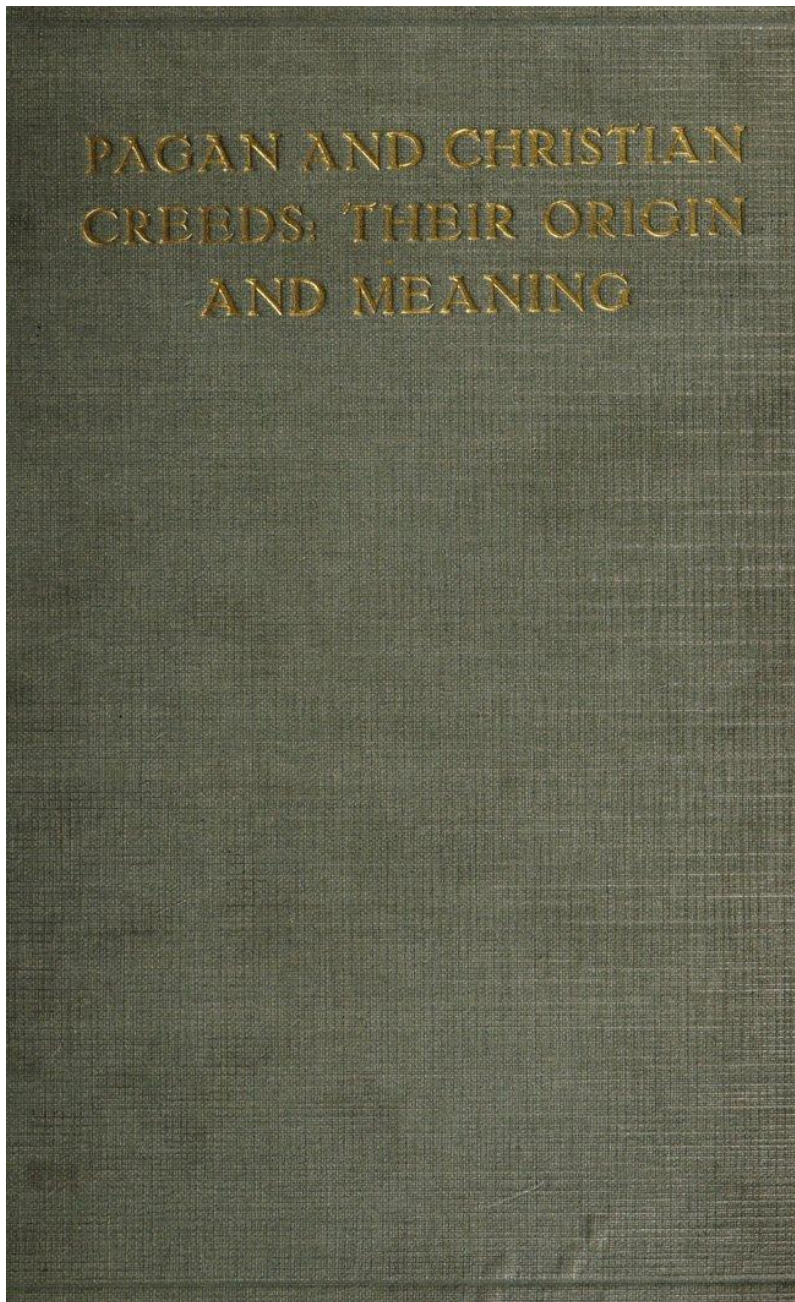

Языческие и христианские вероучения: их происхождение и значение

Эдвард Карпентер

Электронная книга проекта "Гутенберг" Языческие и христианские вероучения: их происхождение и значение

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Языческие и христианские вероучения: их происхождение и значение

Автор: Эдвард Карпентер

Дата выхода: 1 декабря 1998 г. [Электронная книга № 1561]

Последнее обновление: 26 ноября 2022 г.

Язык: Английский

В титрах: Чарльз Келлер и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЯЗЫЧЕСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ: ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ" ***

Языческие и христианские вероучения: их происхождение и значение

Эдвард Карпентер

“Поскольку различные религии являются неубедительными попытками представить под разными обличьями этот единый основополагающий факт центральной вселенской жизни, люди во все времена цеплялись за религиозные вероучения, ритуалы и обряды как неким грубым образом символизирующие искупление и реализацию их собственной самой сокровенной природы - и это происходит либо сознательно, понимая интерпретации, либо (что чаще всего) делая это бессознательно или совершенно подсознательно”.

Драма любви и смерти, стр. 96.

Содержание

ЯЗЫЧЕСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ: ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

I. ВВЕДЕНИЕ	
II. СОЛЯРНЫЕ МИФЫ И ХРИСТИАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ	
III. СИМВОЛИКА ЗОДИАКА	
IV. ТОТЕМ-ТАИНСТВА И ЕВХАРИСТИИ	
V. МАГИЯ ПИЩИ И РАСТИТЕЛЬНОСТИ	
VI. МАГИ, КОРОЛИ И БОГИ	
VII. ОБРЯДЫ ИСКУПЛЕНИЯ	
VIII. ЯЗЫЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ И ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ	
IX. МИФ О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ	
X. БОГ-СПАСИТЕЛЬ И ДЕВА-МАТЬ	
XI. РИТУАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ	
XII. ТАБУ На СЕКС	
XIII. ГЕНЕЗИС ХРИСТИАНСТВА	
XIV. ЗНАЧЕНИЕ ВСЕГО ЭТОГО	
XV. ДРЕВНИЕ МИСТЕРИИ	
XVI. ИСХОД ХРИСТИАНСТВА	
XVII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ПРИЛОЖЕНИЕ	

ЯЗЫЧЕСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ: ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

I. ВВОДНАЯ

Тема происхождения религии является увлекательной, о чем свидетельствует огромное количество книг по ней, опубликованных в последние годы. Действительно, большая трудность сегодня при рассмотрении этого предмета заключается в самой массе имеющегося под рукой материала — и это не только из-за труда, связанного с сортировкой материала, но и потому, что само обилие фактов создает соблазн для студента этого отделения антропологии (как это происходит и в других отраслях общей науки) слишком поспешно выдвигать то, что кажется правдоподобной теорией. Чем больше фактов, статистических данных и так далее имеется в распоряжении любого исследования, тем легче выделить значительное количество, которое будет соответствовать данной теории. Несмотря на то, что другие факты игнорируются, выдвигаемые взгляды какое-то время пользуются большой популярностью. Затем неизбежно, и в более позднее время, новые или забытые факты меняют мировоззрение, и устанавливается новая перспектива.

В этих вопросах Науки также присутствует (хотя многие ученые, несомненно, отрицали бы это) большая “Мода”. Общеизвестно, что подобное имеет место в политической экономии, медицине, геологии и даже в таких определенных науках, как физика и химия. В сравнительно недавней науке, подобной той, которой мы сейчас занимаемся, естественно было бы ожидать вариаций. Сто пятьдесят лет назад, со времен Руссо, “Благородный дикарь” был чрезвычайно популярен; и он до сих пор фигурирует в сборниках рассказов наших детей. Затем последовала реакция на эту крайнюю точку зрения, и в последние годы стало популярным (в основном, надо сказать, среди “кабинетных” путешественников и первооткрывателей) представлять религиозные обряды и обычаи первобытного народа как бессмысленную массу суеверий, а древнего человека - как совершенно лишенного приличных чувств и интеллекта. Опять же, когда в наше время впервые начали всерьез заниматься изучением происхождения религий — скажем, в начале прошлого века, — в области Богословия произошел большой бум. Каждое божество в Пантеоне было олицетворением Солнца, за исключением Луны (если она была женского рода). Аполлон, конечно, был богом солнца; Геркулес был богом солнца; Самсон был богом солнца; Индра и Кришна, и даже Христос - одно и то же. К. Ф. Дюпюи во Франции (“Происхождение наших культов”, 1795), Ф. Норк в Германии (“Библическая мифология”, 1842), Ричард Тейлор в Англии (“Кафедра дьявола”, (1) 1830) были одними из первых в наше время, кто выдвинул эту точку зрения. Чуть позже в моду вошло ФАЛЛИЧЕСКОЕ объяснение всего сущего. Все божества были вежливыми названиями органов и сил продолжения рода. Р. П. Найт (“Древнее искусство и мифология”, 1818) и доктор Томас Инман (“Древние веры и древние имена”, 1868) популяризировали эту идею в Англии; то же самое сделал Норк в Германии. Затем снова наступил период того, что иногда называют эвгемеризмом — теории, согласно которой боги и богини на самом деле когда-то были мужчинами и женщинами, историческими персонажами, вокруг которых сгустился ореол романтики и отдаленности. Еще позже возникла школа, которая мало думает о богах солнца и уделяет больше внимания духам Земли и Природы, гномам, демонам и духам растительности, а также магическим процессам, с помощью которых их (так предполагалось) можно было привлечь на службу человеку, если они дружелюбны, или изгнать, если они враждебны.

(1) Эта необычная книга, хотя и небрежно составленная и содержащая множество недоказанных утверждений, в целом была написана в правильном ключе. Но это вызвало бурю неприятия — тем более что его автором был священнослужитель! Его, конечно, выгнали из министерства и дважды отправляли в тюрьму.

Конечно, легко увидеть, что во ВСЕХ этих объяснениях есть доля истины; но, естественно, каждая школа в настоящее время максимально использует свои собственные утверждения. М. Робертсон (“Языческие христы”, “Христианство и мифология”), проделавший такую тонкую работу в этой области, (1) опирается главным образом на солнечное и астрономическое происхождение, хотя полностью не отрицает и другие; доктор Фрейзер, с другой стороны, — чей великий труд “Золотая ветвь” представляет собой монументальное собрание примитивных обычаев и станет неисчерпаемой добычей для всех будущих студентов — по-видимому, очень мало интересуется теориями о Солнце и звездах, но концентрирует свое внимание на собрании бесчисленных деталей (2) ритуалов, в основном магических, связанных с пищей и растительностью. Еще более поздние авторы, такие как С. Райнах, Джейн Харрисон и Э. А. Кроули, будучи в основном заняты обычаями очень примитивных народов, таких как греки-пеласги или австралийские аборигены, еще больше ограничились (по необходимости) Магией и колдовством.

(1) Если бы только он не тратил так много времени и так напрасно, убивая противников!

(2) Действительно, до такой степени, что иногда кажется, что связующий ключ к аргументации утерян.

Между тем христианская церковь держалась строго в стороне от этих спекуляций — как, конечно, представляющая уникальное божественное откровение, мало заинтересованное в подобном язычестве; и более того (во всяком случае, в этой стране) сумела убедить широкую общественность в своей собственной божественной уникальности до такой степени, что мало кто даже в наши дни осознает, что она произошла от того же корня, что и язычество, и что она разделяет с последним большую часть своих доктрин и обрядов. До совсем недавнего времени считалось (в Британии), что только секуляристы и немодные люди проявляют какой-либо интерес к солнечным богам; и хотя это правда, что ученые профессора могли указывать на веру в Магию как на один из первых источников религии, было легко в ответ сказать, что это, очевидно, не имеет ничего общего с христианством! Секуляристы тоже несколько подпортили себе дело, предположив в своем гневном протесте против Церкви, что все священники с начала мира были мошенниками и шарлатанами, и что все религиозные обряды были всего лишь дьявольскими уловками, изобретенными ими с целью наживаться на суевериях невежд ради собственного обогащения. Они (секуляристы) превзошли самих себя, сильно преувеличив то, что, без сомнения, частично верно.

Таким образом, тема религиозного происхождения несколько сложна и требует рассмотрения во многих аспектах. Я думаю, что только придерживаясь широкого курса и признавая вклад в истину различных сторон, можно получить ценные результаты. Абсурдно предполагать, что в этой или любой другой науке можно найти четкие системы, которые будут охватывать все факты. Природа и История не занимаются подобными вещами и не предоставляют их в качестве податки человеческому тщеславию.

Очевидно, что до сих пор существовало три основных направления, по которым развивались человеческие домыслы и исследования. Первый связывает религиозные обряды и наблюдения с движением Солнца и планет в небе и приводит к изобретению олимпийских и отдаленных богов, обитающих на небесах и правящих Землей на расстоянии, и вере в них; второй связывает религию со сменой времен года на Земле и с такими практическими вещами, как рост растительности и пищи, и приводит к смутной вере в духов земли и магические методы воздействия на таких духов или смешивается с ней; и третий связывает религию с собственным телом человека и заключенной в нем огромной силой секса — эмблемой бессмертной жизни, плодородия и могущества. Ясно также — и все исследования подтверждают это, — что упомянутая вторая фаза религии возникла в целом РАНЬШЕ упомянутой первой, то есть люди естественным образом задумывались об очень практических вопросах питания и растительности, а также о магических или других методах поощрения того же самого, прежде чем беспокоиться о небесных телах и законах ИХ движения или о зловещем или благоприятном влиянии, которое могут оказывать звезды. И опять же, чрезвычайно вероятно, что третий упомянутый аспект — тот, который связывал религию с детородными желаниями и феноменами человеческой физиологии, — действительно стоял на ПЕРВОМ МЕСТЕ. Эти желания и физиологические явления, должно быть, занимали большое место в примитивном сознании задолго до того, как смена времен года или неба была вообще определенно замечена или рассмотрена. Таким образом, мы считаем вероятным, что для понимания последовательности

фактических и исторических фаз религиозного поклонения мы должны примерно изменить приведенный выше порядок, в котором они были ИЗУЧЕНЫ, и заключить, что в целом фаллические культы были первыми, культ Магии и умилоствления земных божеств и духов был вторым, и только последней была вера в определенные Божества, обитающие на небесах.

В основе всего процесса, посредством которого были созданы божества и демоны и установлены обряды их умилоствления, лежал Страх - страх, стимулирующий воображение к фантастической деятельности. *Primus in orbe deos fecit Timor*. А страх, как мы увидим, стал ментальным стимулом только во время или после эволюции самосознания. До этого времени, в период ПРОСТОГО сознания, когда человеческий разум напоминал разум животных, страх действительно существовал, но по своей природе он был скорее механическим защитным инстинктом. Поскольку в животном разуме не было фигуры или образа "Я", соответственно, не было фигур или образов существ, которые могли бы угрожать этому "я" или уничтожить его. Так получилось, что сила воображениястраха началась с самосознания, и из этой силы воображения была развернута вся панорама богов, обрядов и вероучений Религии на протяжении веков.

Огромная сила и доминирование Страх на первых стадиях самосознания человеческого разума - это то, что вряд ли можно преувеличить, и что даже некоторым из нас, современных людей, трудно осознать. Но, естественно, как только Человек начал думать о себе — о хрупком призраке и беспризорнике среди огромных сил, о природе и способе действия которых он был в полном неведении, — его ОХВАТИЛИ ужасы; опасности надвигались на него со всех сторон. Даже сегодня врачи замечают, что одним из главных препятствий к излечению болезней у некоторых черных или туземных рас является чистый суеверный ужас; а Танатомания - общепризнанное слово, обозначающее состояние ума ("одержимость смертью"), которое часто приводит к тому, что дикарь погибает от простой царапины, которую трудно назвать раной. Естественной защитой от такого состояния ума было создание огромного количества табу — таких, какие мы находим у всех рас и по любому мыслимому предмету, — и эти табу представляли собой практически огромный свод предупреждений, которые регулировали жизнь и мысли сообщества, и в конечном итоге, после того, как они были отсеяны и до некоторой степени упрощены, превратились в очень строгие Обычаи и Законы. Естественно, вначале такие табу включали в себя избегание не только действий, которые можно было бы обоснованно считать опасными, таких как прикосновение к трупам, но и вещей гораздо более отдаленных и причудливых в их отношении к опасности, таких как простой взгляд на тещу или прохождение мимо дерева, пораженного молнией; и (что особенно следует отметить) они включали действия, которые предлагали какое—либо особое УДОВОЛЬСТВИЕ или искушение, например, секс, брак или наслаждение едой. Эти вещи тоже окружены табу, и психологическую связь легко угадать, но я коснусь этой общей темы позже.

Можно предположить, что столь сложная система правил отнюдь не облегчала жизнь древних народов; но какими бы нелепыми и неразумными ни были некоторые из табу, они, несомненно, способствовали росту самоконтроля. Страх кажется не очень достойным мотивом, но вначале он обуздывал буйство чисто животных страстей и вносил в них порядок и сдержанность. Одновременно оно стало самим собой, благодаря постепенному увеличению знаний и наблюдений, преобразованным и эфиризированным в нечто большее, похожее на чудо и благоговейный трепет, а (когда боги поднялись над горизонтом) - в благоговение. Во всяком случае, мы, кажется, понимаем, что с ранних зачатков (в каменном веке) самосознания в

человеке происходило постепенное развитие — от грубого суеверия, бессмысленного и случайного, к элементарной наблюдательности и, следовательно, к вере в Магию; отсюда к анимизму и персонификации сил природы в более или менее человеческой форме, как земных божеств или небесных богов или воплощений племени; и к умиротворению этих сил посредством обрядов, таких как жертвоприношение и Евхаристия, которые, в свою очередь, стали основой Морали. Графические изображения, сделанные для поощрения плодородия — например, на стенах скальных жилищ бушменов или потолках пещер Альтамиры, - стали кормилицей изобразительного искусства; наблюдения за растениями, погодой или звездами, проводимые племенными знахарями в целях колдовства или пророчества, послужили некоторым материалом для Науки; и человечество неуверенными шагами вышло на границу тех более тонких восприятий и рассуждений, которые, как предполагается, характерны для Цивилизации.

Процесс эволюции религиозных обрядов и церемоний в своих основных чертах был одинаковым во всем мире, как читатель сейчас увидит — и это в связи с многочисленными верованиями язычества или предположительно уникальным случаем христианства; и теперь непрерывность и тесное смешение этих великих потоков больше нельзя отрицать - и это действительно не отрицается теми, кто действительно изучал этот предмет. Видно, что религиозная эволюция на протяжении веков была практически одним целым - что фактически существовала Мировая религия, хотя и с различными фазами и ответвлениями.

Итак, в наши дни возникает новая проблема, а именно, как объяснить появление этого великого Явления с его упорядоченными фазами эволюции и его собственным спонтанным (1) ростом во всех уголках земного шара — этого явления, которое имело такое странное влияние на сердца людей, которое привлекало их таким таинственным очарованием, которое вызывало их преданность, любовь и нежность, которое утешало их в печали и невзгодах, и все же которое запятнало их историю такими ужасными жертвами, преследованиями и жестокостями. Что послужило причиной этого?

(1) Вопрос о спонтанности рассматривается в главе x и в других местах.

Ответ, который я предлагаю на этот вопрос и который в некоторой степени развивается в следующих главах, носит психологический характер. Дело в том, что этот феномен проистекает из роста самого Человеческого Сознания и является необходимым сопровождением этого роста - его роста, а именно, через три великие стадии его раскрытия. Этими стадиями являются (1) стадия простого, или животного, сознания, (2) стадия самосознания и (3) третья стадия сознания, которая еще не получила точного названия, но указания и предшествующие знаки которой мы тут и там замечаем в обрядах, пророчествах и мистериях ранних религий, а также в поэзии, искусстве и литературе в целом более поздних цивилизаций. Хотя я не ожидаю и не желаю поймать Природу и Историю в ловкую сеть фразы, все же я думаю, что в последовательности от вышеупомянутой первой стадии ко второй, а затем снова в последовательности от второй к третьей, будет найдено полезное объяснение обрядов и устремлений человеческой религии. Именно эта идея, иллюстрируемая деталями церемониала и так далее, формирует главный тезис настоящей книги. В этой последовательности роста христианство входит как эпизод, но не более чем эпизод. Это не равносильно нарушению или дислокации эволюции. Если бы это было так, или если бы это было уникальным или неклассифицируемым явлением (как утверждают некоторые из его приверженцев), это

казалось бы несчастьем, поскольку это, очевидно, лишило бы нас, по крайней мере, одного обещания прогресса в будущем. И обещание чего-то лучшего, чем язычество и христианство, очень ценно. Несомненно, пришло время исполнить его.

Таким образом, прослеживание роли, которую человеческое самосознание психологически сыграло в эволюции религии, проходит красной нитью через следующие главы и требует иллюстрации во множестве деталей. Идея повторялась в разных аспектах; иногда, возможно, она повторялась слишком часто; но разные аспекты в таком случае помогают, как в стереоскопе, придать солидность увиденному. Хотя поклонение солнечным богам и небесным фигурам появилось сравнительно поздно в религиозной эволюции, я затронул эту тему в начале книги (главы ii и iii), отчасти потому (как я уже объяснял), что это была фаза, впервые изученная в новое время, и, следовательно, наиболее знакомая современным читателям, а отчасти потому, что астрономические данные придают ей большую определенность и “доказуемость”, опровергая распространенное обвинение в том, что все изучение происхождения религий слишком расплывчато и неопределенно, чтобы иметь большую ценность. Возвращаясь назад во времени, две следующие главы (iv и v) посвящены тотемным таинствам и Магии, возможно, самым ранним формам религии. И эти четыре ведут далее (в главах vi–xi) к рассмотрению обрядов и верований, общих для язычества и христианства. XII и xiii посвящены, в частности, эволюции самого христианства; xiv и xv объясняют внутренний смысл всего процесса с самого начала; а xvi и xvii смотрят в будущее.

Приложение, посвященное доктринам Упанишад, может, я надеюсь, послужить для того, чтобы дать представление, хотя и недостаточное, о третьей стадии — о том, что следует за стадией самосознания; и изобразить ментальные установки, характерные для этой стадии. Здесь, на этой третьей стадии, казалось бы, человек сталкивается с реальными ФАКТАМИ внутренней жизни — в отличие от фантазий и вымыслов второй стадии; и таким образом он достигает конечной точки соединения Науки и Религии.

II. СОЛЯРНЫЕ МИФЫ И ХРИСТИАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Обычной публике — несмотря на огромный объем работы, проделанной в последнее время по этому вопросу, — связь между язычеством и христианством все еще кажется довольно отдаленной. Действительно, общепринятое представление состоит в том, что христианство на самом деле было чудесным вмешательством в старый мировой порядок и его смещением; и что языческие боги (как в Гимне Мильтона о Рождестве Христовом) в смятении бежали прочь при знамении Креста и при звуке имени Иисуса. Несомненно, эта точка зрения очень поощрялась самой ранней Церковью — хотя бы для того, чтобы повысить свой собственный авторитет и значимость; однако, как хорошо известно каждому изучающему, она вводит в заблуждение и противоречит фактам. Основные христианские доктрины и праздники, помимо огромной массы связанных с ними легенд и церемониалов, на самом деле совершенно напрямую происходят из предшествующих культов Природы и связаны с ними; и только благодаря значительной части преднамеренной мистификации и фальсификации это происхождение осталось незамеченным.

В этих поклонениях Природе можно различить три довольно независимых потока религиозного или квазирелигиозного энтузиазма: (1) тот, который связан с небесными явлениями,

движениями Солнца, планет и звезд, а также с благоговением и изумлением, которые они возбуждают; (2) тот, который связан со сменой времен года и очень важным вопросом роста растительности и пищи на Земле; и (3) тот, который связан с тайнами пола и размножения. Очевидно, что эти три потока в значительной степени смешивались друг с другом; но поскольку они были разделимы, первый имел тенденцию создавать Солнечных героев и мифы о Солнце; второй - богов растительности и персонификации Природы и земной жизни; в то время как третий набрасывал свое очарование на два других и способствовал проецированию божеств или демонов, которым поклонялись с помощью всевозможных сексуальных и фаллических ритуалов. Все три системы, конечно, имеют свои особые обряды, время и церемонии; но, как я уже сказал, обряды и церемонии одной системы редко можно найти чистыми и не смешанными с теми, что принадлежат двум другим. Тема в целом очень обширна; но по причинам, изложенным во Введении, я в этой и следующей главах — не игнорируя этапы (2) и (3) — уделю наибольшее внимание этапу (1) рассматриваемого нами вопроса.

Во времена жизни или зарегистрированного явления Иисуса из Назарета и за несколько столетий до этого Средиземноморье и соседний мир были ареной огромного количества языческих верований и ритуалов. Существовало бесконечное множество храмов, посвященных таким богам, как Аполлон или Дионис у греков, Геркулес у римлян, Митра у персов, Адонис и Аттис в Сирии и Фригии, Осирис, Исида и Гор в Египте, Ваал и Астарта у вавилонян и карфагенян, и так далее. Общества, большие или малые, объединяли верующих и набожных людей в служении или церемониях, связанных с их соответствующими божествами, и в верованиях, которые они исповедовали относительно этих божеств. И чрезвычайно интересным фактом для нас является то, что, несмотря на большие географические расстояния и расовые различия между приверженцами этих различных культов, а также различия в деталях их богослужений, общие очертания их верований и церемоний были если не идентичны, то настолько заметно похожи, насколько мы их находим.

Я, конечно, не могу подробно останавливаться на этих различных культах, но могу сказать примерно, что обо всех или почти всех вышеупомянутых божествах говорилось и в это верили, что:

- (1) Они родились в День нашего Рождества или очень близко к нему.
- (2) Они были рождены от Матери-Девственницы.
- (3) И в пещере или Подземном помещении.
- (4) Они вели тяжелую жизнь на благо Человечества.
- (5) И были названы именами Несущего Свет, Целителя, Посредника, Спасителя, Избавителя.
- (6) Однако они были побеждены Силами Тьмы.
- (7) И спустился в Ад или Преисподнюю.
- (8) Они воскресли из мертвых и стали первопроходцами человечества в Небесном мире.
- (9) Они основали Общины Святых и Церкви, в которые ученики принимались через Крещение.
- (10) И они были отмечены евхаристическими трапезами.

Позвольте мне привести несколько кратких примеров.

Митра родился в пещере 25 декабря. (1) Он родился от Девственницы. (2) Он путешествовал повсюду как учитель и просветитель людей. Он убил Быка (символ грубой Земли, которую оплодотворяет солнечный свет). Его великими праздниками были зимнее солнцестояние и весеннее равноденствие (Рождество и Пасха). У него было двенадцать спутников или учеников (двенадцать месяцев). Он был похоронен в гробнице, из которой, однако, воскрес; и его воскресение ежегодно праздновалось великими торжествами. Его называли Спасителем и Посредником, а иногда изображали в виде Агнца; и его последователи устраивали священные праздники в память о нем. Эта легенда, по-видимому, частично астрономическая, а частично растительная; и то же самое можно сказать о следующем об Осирисе.

(1) Праздник рождения Митры проводился в Риме на 8-й день перед январскими календами, а также в день черкесских игр, которые были посвящены Солнцу. (See F. Nork, *Der Mystagog*, Leipzig.)

(2) Во всяком случае, об этом сообщили его более поздние ученики (см. "Языческие христы" Робертсона, стр. 338).

Осирис родился (сообщает нам Плутарх) на 361-й день года, скажем, 27 декабря. Он тоже, подобно Митре и Дионису, был великим путешественником. Будучи царем Египта, он обучал людей гражданским искусствам и "укрошал их музыкой и кротостью, а не силой оружия"; (1) он был первооткрывателем зерна и вина. Но он был предан Тифоном, силой тьмы, убит и расчленен. "Это произошло, - говорит Плутарх, - 17-го числа месяца Атир, когда солнце входит в Скорпиона" (знак Зодиака, указывающий на приближение Зимы). Его тело было помещено в ящик, но впоследствии, 19-го числа, снова оживо, и, как в культах Митры, Диониса, Адониса и других, так и в культе Осириса изображение, помещенное в гроб, выносилось перед верующими и приветствовалось радостными криками "Осирис воскрес". (1) "Его страдания, его смерть и его воскресение разыгрывались год за годом в великой мистерии в Абидосе". (2)

(1) См. Плутарха об Исиде и Осирисе.

(2) Древнее искусство и ритуал, автор Джейн Э. Харрисон, глава I.

Две следующие легенды более отчетливо носят характер мифов о растительности.

Адонис, или Таммуз, сирийский бог растительности, был очень красивым юношей, рожденным Девственницей (Природой), и настолько прекрасным, что Венера и Прозерпина (богини Верхнего и Подземного Миров) обе влюбились в него. Чтобы примирить их претензии, было решено, что он должен провести половину года (лето) в верхнем мире, а зимнюю половину - с Прозерпиной внизу. Осенью он был убит кабаном (Тифоном). И каждый год девушки "оплакивали Адониса" (см. Иезекииль viii. 14). Весной был проведен праздник его воскрешения — женщины отправились на его поиски и, найдя предполагаемое тело, поместили его (деревянное изваяние) в гроб или дупло дерева и исполнили дикие обряды и причитания, за которыми последовало еще более дикое ликование по поводу его предполагаемого воскрешения. В Афаке на севере Сирии, на полпути между Библусом и Баальбеком, находилась знаменитая роща и храм Астарты, рядом с которыми находилось дикое романтическое ущелье, полное деревьев, место рождения некоей реки Адонис — воды, текущей из пещеры под высокими утесами. Здесь (говорили) каждый год юноша Адонис снова был смертельно ранен, и

река покраснела от его крови, (1) в то время как алый анемон цвел среди кедров и грецких орехов.

(1) Изменение цвета, вызванное красной землей, смытой дождем с гор, и которое наблюдали современные путешественники. Всю историю об Адонисе и Аттисе читайте в "Золотой ветви" Фрейзера, часть iv.

История Аттиса очень похожа. Он был красивым молодым пастухом из Фригии, возлюбленным Кибелы (или Деметры), Матери богов. Он родился от Девственницы по имени Нана, которая зачала, положив себе на грудь спелый миндаль или гранат. Он умер, либо убитый кабаном, символом зимы, как Адонис, либо подвергшийся самокастрации (как его собственные жрецы); и он истек кровью у подножия сосны (сосна и сосновая шишка были символами плодородия). Принесение в жертву его крови возобновило плодородие земли, и в ритуальном праздновании его смерти и воскресения его изображение было прикреплено к стволу сосны (сравните Распятие). Но вскоре я вернусь к этой легенде. Поклонение Аттису стало очень распространенным и почитаемым и в конечном итоге было включено в общепризнанную религию Рима где-то в начале нашей эры.

Следующие две легенды (о Геркулесе и Кришне) носят скорее скорее солярный характер и в меньшей степени связаны с растительным мифом о них. Оба героя считались великими благодетелями человечества, но первый больше на материальном плане, а второй - на духовном.

Геркулес или Гераклес был, подобно другим солнечным богам и благодетелям человечества, великим Путешественником. Он был известен во многих странах, и везде к нему обращались как к Спасителю. Он был чудесным образом зачат от божественного Отца; еще в колыбели он задушил двух змей, посланных погубить его. Его многочисленные труды на благо мира были в конечном счете сведены к двенадцати, символизируемым знаками Зодиака. Он убил Немксанского Льва, Гидру (потомство Тифона) и Кабана. Он победил Критского Быка и очистил Конюшни Авгия; он победил Смерть и, спустившись в Ад, вывел оттуда Цербера и вознесся на Небеса. Со всех сторон за ним следовали благодарность и молитвы смертных.

Что касается Кришны, индийского бога, то пункты, совпадающие с общей божественной карьерой, указанные выше, слишком заметны, чтобы их упускать из виду, и слишком многочисленны, чтобы их можно было полностью зафиксировать. Он также был рожден от Девственницы (Деваки) и в Пещере, (1) и о его рождении возвестила Звезда. Его пытались уничтожить, и с этой целью было приказано убивать младенцев. Повсюду он творил чудеса, воскрешая мертвых, исцеляя прокаженных, глухих и слепых, защищая бедных и угнетенных. У него был любимый ученик, Арджуна (ср. Иоанн), перед которым он преобразился. (2) Его смерть описывается по-разному - как пронзенный стрелой или распятый на дереве. Он спустился в ад; и воскрес из мертвых, вознесшись на небеса на глазах у многих людей. Он вернется в последний день, чтобы быть судьей живых и мертвых.

(1) "Мифы арийских народов" Кокса, стр. 107.

(2) Бхагават-гита, глава xi.

Таковы некоторые из легенд, касающихся языческих и дохристианских божеств, - сейчас они представлены лишь вкратце, чтобы мы могли получить нечто вроде истинного представления обо всем предмете; но к большинству из них, и более подробно, я вернусь по ходу обсуждения.

Пока мы в основном замечаем два момента: с одной стороны, общее сходство этих историй с историей Иисуса Христа; с другой - их аналогию с ежегодными явлениями Природы, иллюстрируемыми движением Солнца по небу и изменениями растительности на земле.

(1) Сходство этих древних языческих легенд и верований с христианскими традициями было действительно настолько велико, что привлекло внимание и нескрываемый гнев отцов раннего христианства. Они не сомневались в сходстве, но, не зная, как это объяснить, вернулись к невинной теории о том, что дьявол — чтобы сбить с толку христиан — столетия НАЗАД заставил язычников принять определенные верования и обычаи! (Очень хитрый, можно сказать, Дьявол, но и очень невинный со стороны Отцов, поверивших в это!) Юстин Мученик, например, описывает (1) установление Вечери Господней, как описано в Евангелиях, а затем продолжает говорить: “Которой злые дьяволы ПОДРАЖАЛИ в мистериях Митры, повелевая делать то же самое. Ибо то, что хлеб и чашка воды кладутся вместе с определенными заклинаниями в мистических ритуалах того, кто проходит посвящение, ты либо знаешь, либо можешь выучить”. Тертуллиан также говорит (2), что “дьявол посредством мистерий своих идолов подражает даже основной части божественных мистерий”.... “Он крестит своих верующих в воде и заставляет их верить, что это очищает их от их преступлений”.... “Митра ставит свой знак на лбу своих солдат; он празднует жертвоприношение хлеба; он предлагает изображение воскресения и одновременно вручает корону и меч; он ограничивает своего верховного жреца одним браком; у него даже есть свои девственницы и аскеты”. (3) Кортес, как мы помним, тоже жаловался, что дьявол определенно научил мексиканцев тому же, чему Бог научил христианский мир.

(1) I Апол. с. 66.

(2) De Praescriptione Hereticorum, с. 40; De Bapt. с. 3; De Corona, с. 15.

(3) Ссылки на оба этих примера см. в книге Дж. М. Робертсона "Языческие христы", стр. 321, 322.

Иустин Мученик снова в Диалоге с Трифоном говорит, что Рождение в Хлеву было прототипом (!) рождения Митры в пещере зороастризма; и хвастается, что Христос родился, когда Солнце родилось в Авгиевых хлевах, (1) придя как второй Геркулес, чтобы очистить нечестивый мир; и св. Августин говорит: “Мы почитаем этот день (Рождества) святым, не как язычники, из-за рождения Солнца, но из-за рождения того, кто сотворил его”. У Ранних Отцов Церкви есть множество других примеров того, как они с негодованием приписывали это сходство работе дьяволов; но нам нет необходимости останавливаться на них. Нам нет нужды возмущаться. Напротив, теперь мы можем видеть, что эти оживленные высказывания христианских авторов являются свидетельством того, как и до какой степени в процессе распространения христианства по миру оно слилось с существовавшими ранее языческими культами.

(1) Зодиакальный знак Козерога, iii.

Примерно в 530 году нашей эры — через пять столетий после предполагаемого рождения Христа — скифскому монаху Дионисию Эксигусу, римскому аббату и астроному, было поручено установить день и год этого рождения. Приятная проблема, учитывая историческую науку того периода! В качестве года он назначил дату, которую мы сейчас принимаем, (2) а в качестве дня

и месяца он принял 25 декабря — дату, которая была в популярном употреблении примерно с 350 г. до н.э., и саму дату, с точностью до дня или двух, предполагаемого рождения предыдущих Солнечных Богов. (3) Только из этого факта мы можем справедливо заключить, что к 530 году или ранее существующие культы природы в значительной степени слились с христианством. На самом деле даты главных языческих религиозных праздников к тому времени стали настолько популярными, что христианство было вынуждено приспосабливаться к ним. (1)

(1) Как, например, праздник Иоанна Крестителя в июне заменил языческий праздник воды и купания в середине лета; успение пресвятой Богородицы в августе заменило праздник Дианы в том же месяце; а фестиваль всех душ в начале ноября - всемирные языческие праздники мертвых и их призраков в то же время года.

(2) См. Энциклопедию. Брит. статья. “Хронология”.

(3) “Однако существует трудность принять 25 декабря за настоящую дату Рождества Христова, поскольку декабрь - это разгар сезона дождей в Иудее, когда ни стада, ни пастухи не могли находиться ночью на полях Вифлеема” (!). Энциклопедия. Брит. искусство. “Рождество”. Согласно Энциклопедии Гастингса, искусство. “Рождество”, “Узнер говорит, что праздник Рождества Христова первоначально отмечался 6 января (Богоявление), но в 353-4 годах папа Либерий перенес его на 25 декабря... но нет никаких свидетельств того, что праздник Рождества вообще имел место до четвертого века нашей эры .” Только в 534 году нашей эры Рождество и Богоявление были признаны судами как *dies non*.

Это подводит нас ко второму пункту, упомянутому несколькими страницами ранее, — аналогии между христианскими праздниками и ежегодными явлениями Природы в виде Солнца и Растительности.

Давайте сначала обратимся к Рождеству. Митра, как мы видели, родился 25 декабря (который по Юлианскому календарю считался днем Зимнего солнцестояния И Рождества Солнца); Плутарх говорит ("Исида и Осирис", с. 12), что Осирис родился на 361-й день года, когда раздался Голос, провозглашающий Господа Всего Сущего. Гор, по его словам, родился на 362-й день. Аполлон в тот же день.

Зачем все это было? Почему друиды во время Святочного прилива зажигали горящие костры? Почему петух должен был петь весь Сочельник (“Птица рассвета поет всю ночь напролет”)? Почему Аполлон родился только с одним волосом (молодое Солнце с одним слабым лучом)? Почему Самсон (имя, производное от Шемеш, солнца) потерял всю свою силу, когда лишился волос? Почему так много этих богов — Митра, Аполлон, Кришна, Иисус и другие - родились в пещерах или подземных помещениях? (1) Почему в канун Пасхи, на празднике Гроба Господня в Иерусалиме, свет приносится из могилы и передается свечам тысяч людей, которые ждут снаружи и с радостью устремляются вперед, чтобы нести новую славу по всему миру? (2) В самом деле, почему? за исключением того, что древнее, чем вся история и все письменные свидетельства, был страх и изумление детей человеческих по поводу потери силы Солнца осенью — увядания их Бога; и тревога, как бы он каким-либо образом не возродился или не появился вновь?

(1) Достаточно любопытно, что об этой же легенде о рождении богов (или идолов) в пещерах сообщают из Мексики, Гватемалы, Антильских островов и других мест Центральной Америки. See C. F. P. von Martius, *Etnographie Amerika*, etc. (Лейпциг, 1867), том i, стр. 758.

(2) Сравните ацтекский церемониал зажигания священного огня и передачи его толпе из израненной груди человеческой жертвы, отмечаемый каждые 52 года в конце одного цикла и начале другого — когда созвездие Плеяд находится в зените ("Завоевание Мексики" Прескотта, Вк. I, гл. 4).

Задумайтесь на мгновение о временах далекого прошлого, когда не существовало абсолютно НИКАКИХ Альманахов или Календарей, ни красиво напечатанных, ни других, когда все, что могли видеть робкие смертные, это то, что их великий источник Света и Тепла с каждым днем угасал, с каждым днем опускаясь все ниже в небе. Как теперь всем известно, в конце года бывает около трех недель, когда дни самые короткие и изменений очень мало. Что происходило? Очевидно, для бога настали тяжелые времена. Тифон, князь тьмы, предал его; Далила, царица Ночи, остригла ему волосы; ужасный Вепрь ранил его; Геракл боролся с самой Смертью; он попал под влияние этих зловещих созвездий — Змеи и Скорпиона. Будет ли бог становиться все слабее и в конце концов уступит, или же он все-таки победит? Мы можем представить себе тревогу, с которой те древние мужчины и женщины ожидали первых признаков удлинения дня; и всеобщую радость, когда Священник (представитель примитивной науки), сделав несколько простых наблюдений, объявил со ступеней Храма, что день удлиняется - что Солнце действительно родилось заново для новой и славной карьеры. (1)

(1) Именно подобные вещи, несомненно, придавали Священству его силу.

Давайте рассмотрим элементарную науку тех дней немного ближе. Как без Альманахов или Календарей можно было бы установить день или вероятный день возрождения Солнца? Выйдя на улицу следующим рождественским вечером, в полночь вы увидите самую яркую из неподвижных звезд, Сириус, сверкающую на южном небе — однако не прямо к югу от вас, а несколько левее линии Меридиана. Около трех тысяч лет назад (из-за прецессии равноденствий) эта звезда в день зимнего солнцестояния стояла не в полночь, где вы ее сейчас видите, а почти точно НА линии меридиана. Таким образом, выход Сириуса на меридиан в полночь стал знаком и гарантией того, что Солнце достигло самой низкой точки своего пути и, следовательно, достигло момента своего повторного рождения. Где же тогда было Солнце в тот момент? Очевидно, в подземном мире у нас под ногами. Каковы бы ни были взгляды древних на форму земли, для массы людей было очевидно, что Бог Солнца, осветив мир днем, спустился на Западе и оставался там в течение нескольких часов темноты в какой-то пещере под землей. Здесь он отдохнул и, искупавшись в великом океане, обновил свои одежды, прежде чем снова появиться на Востоке на следующее утро.

Но в эту долгую ночь его величайшей зимней слабости, когда весь мир надеялся и молился о восстановлении его сил, очевидно, что новое рождение наступит — если оно вообще наступит — в полночь. Это был священный час, когда в подземном мире (Конюшне, или Пещере, или как бы там это ни называлось) родился ребенок, которому было суждено стать Спасителем людей. В тот момент Сириус находился на южном меридиане (а в более южных странах, чем наша, он был бы ближе кверху); и эта звезда — нет никаких сомнений — является Звездой на Востоке, упомянутой в Евангелиях.

Справа, когда предполагаемый наблюдатель смотрит на Сириус в полночь кануна Рождества, стоит великолепный Орион, могучий охотник. В его поясе есть три звезды, которые, как хорошо известно, лежат по прямой, указывающей на Сириус. Они не такие яркие, как Сириус, но достаточно яркие, чтобы привлекать внимание. Давняя традиция дает им имя Трех Королей.

Dupuis (1) says: “Orion a trois belles etoiles vers le milieu, qui sont de seconde grandeur et posees en ligne droite, l’une pres de l’autre, le peuple les appelle les trois rois. On donne aux trois rois Magis les noms de Magalat, Galgalat, Saraim; et Athos, Satos, Paratoras. Les Catholiques les appellent Gaspard, Melchior, et Balthasar.” Последняя упомянутая группа названий появилась в католическом календаре в связи с праздником Богоявления (6 января); и сегодня французские и швейцарские крестьяне обычно дают этим звездам название “Trois Rois”.

(1) Шарль Ф. Дюпюи (“Происхождение наших культов”, Париж, 1822) был одним из первых современных авторов на эти темы.

Затем, сразу после Полночи, 25 декабря, рождается Возлюбленный Сын (или Бог Солнца). Если мы мысленно вернемся к периоду, примерно трем тысячам лет назад, когда в момент небесного рождения Сириус, заходящий с Востока, действительно стоял на Меридиане, мы столкнемся с еще одним любопытным астрономическим совпадением. Ибо в тот же самый момент мы увидим восходящее зодиакальное созвездие Девы, которое становится видимым на Востоке, разделенное посередине линией горизонта.

Созвездие Девы представляет собой Y-образную группу, из которой [gr a], звезда у подножия, является хорошо известной Спикой, звездой первой величины. Другие главные звезды, [gr g] в центре и [gr b] и [gr e] на концах, имеют вторую величину. Все это в целом больше напоминает чашу, чем человеческую фигуру; но когда мы вспоминаем символическое значение чаши, это кажется очевидным объяснением названия Дева, которое созвездие носило с древнейших времен. (Три звезды [gr b], [gr g] и [gr a] лежат очень близко к Эклиптике, то есть к пути Солнца — факт, к которому мы вскоре вернемся.)

Таким образом, в тот момент, когда Сириус, звезда с Востока, своим появлением на Меридиане в полночь возвестил о новом рождении Солнца, Дева была замечена только что восходящей на восточном небосклоне — линия горизонта проходила через ее центр. И многие люди думают, что этот астрономический факт является объяснением очень распространенной легенды о Непорочном зачатии. Я не думаю, что это единственное объяснение - ибо действительно, во всех или почти во всех этих случаях принятие мифа, по-видимому, зависит не от единственного аргумента, а от совпадения ряда значений и причин в одном и том же символе. Но, безусловно, упомянутый выше факт любопытен, и его важность подчеркивается следующими соображениями.

В храме Дендера в Египте и на внутренней стороне купола есть или БЫЛО замысловатое круглое изображение Северного полушария неба и Зодиака. (1) Здесь созвездие Девы представлено, как и на наших звездных картах, женщиной с колосом кукурузы в руке (Spica). Но на полях рядом есть поясняющий рисунок — фигура Исиды с младенцем Гором на руках, весьма напоминающая по стилю христианскую Мадонну с Младенцем, за исключением того, что она сидит, а ребенок у нее на коленях. Это, по-видимому, показывает, что — что бы ни делали другие народы, связывая Деву с Деметрой, Церерой, Дианой (2) и т.д. — египтяне не сомневались в связи этого созвездия с Исидой и Гором. Но из истории хорошо известно, что поклонение Исиде и Гору пришло в раннехристианские века в Александрию, где приняло форму поклонения Деве Марии и младенцу-Спасителю и таким образом перешло в европейский церемониал. Таким образом, мы имеем Деву Марию, связанную линейной преемственностью и нисхождением с этим отдаленным зодиакальным скоплением на небе! Также можно упомянуть,

что на арабских и персидских глобусах Абенезры и Абуазара Дева с Младенцем изображены в связи с одним и тем же созвездием. (3)

(1) Тщательно описанный и нанесенный на карту Дюпюи, см. цит. по.

(2) О празднике урожая Дианы, Девственницы, и ее параллелизме с Девой Марией см. "Золотую ветвь", т. i, 14 и ii, 121.

(3) See F. Nork, *Der Mystagog* (Leipzig, 1838).

Любопытное подтверждение той же астрономической связи дает римско-католический календарь. Ибо, если обратиться к этому, то окажется, что праздник Успения Пресвятой Богородицы приходится на 15 августа, в то время как праздник Рождества Пресвятой Богородицы датирован 8 сентября. Я уже указывал, что звезды [gr a], [gr b] и [gr g] Девы находятся почти точно на Эклиптике, или пути Солнца по небу; и краткая ссылка на знаки Зодиака и звездные карты покажет, что Солнце каждый год входит в знак Девы примерно в первую указанную дату и покидает его примерно во вторую. В настоящее время знаки Зодиака (вследствие прецессии) сместились на некоторое расстояние от одноименных созвездий. Но в то время, когда составлялся Зодиак и были даны эти названия, первая дата, очевидно, означала фактическое исчезновение скопления Девы в лучах Солнца — то есть Вознесение Девы во славу Бога, — в то время как вторая дата означала повторное появление созвездия или Рождение Девы. Предполагается, что церковь Нотр-Дам в Париже находится на первоначальном месте Храма Исиды; и говорят (но я сам не смог это проверить), что один из боковых входов, а именно слева при входе с Северной (монастырской) стороны, изображен знаками Зодиака, ЗА исключением того, что знак Девы заменен фигурой Мадонны с Младенцем.

Так странны небесные писания! Бесчисленные легенды и обычаи связывают возрождение Солнца с рождением Девственницей. Фрейзер в своей части IV "Золотой ветви" (1) говорит: "Если мы можем доверять свидетельству малоизвестного схолиаста, греки (при поклонении Митре в Риме) обычно праздновали рождение светила полуночной службой, выходя из внутренних святилищ и восклицая: 'Дева родила! Свет прибывает!' ([гр. пархенос тетокен, auzei rws].)" В маленькой книге Эли Реклюса "Первобытный народ" (2) об эскимосах говорится, что "В самую длинную ночь в году двое ангаку (священников), один из которых переодет ЖЕНЩИНОЙ, переходят от хижины к хижине, гася все огни, разжигая их от пламени весталки и выкрикивая: 'От нового солнца исходит новый свет!'"

(1) Книга II, глава vi.

(2) В серии "Современная наука", I. 92.

Все это, написанное выше о Солнечном или астрономическом происхождении мифов, конечно, не означает, что растительное происхождение следует отрицать или игнорировать. Эти последние, несомненно, были самыми ранними, но нет причин — как сказано во Введении (глава i), — почему эти два элемента не должны были в какой-то степени протекать бок о бок или не были слиты друг с другом. На самом деле совершенно ясно, что они должны были это сделать; и слишком жестко разделять их или относиться к ним как к антагонистическим — ошибка. Пещера или Подземный мир, в котором рождается Новый Год, — это не только место зимнего ухода Солнца, но и скрытая камера под Землей, куда уходит отмирающая Растительность и откуда она вновь возникает весной. Любовные отношения Адониса с Венерой

и Прозерпиной, прекрасными богинями верхнего и нижнего миров, или Аттиса с Кибелой, цветущей матерью-Землей, являются очевидными символами растительности; но они не исключают интерпретации, согласно которой Адонис (Адонай) может также фигурировать как бог Солнца. Зодиакальные созвездия Овна и Тельца (к которым я сейчас вернусь) правят на небесах как раз в то время, когда на земле видны Ягненок и Бык; и ежегодное принесение в жертву этих двух животных и растущей Кукурузы на благо человечества проходит параллельно драме неба, поскольку затрагивает не только указанные созвездия, но и Деву (мать-Землю, которая держит в руке сноп кукурузы).

Поэтому я продолжу (в следующей главе) указывать на эти астрономические ссылки, которые полны значения и поэзии; но в то же время порекомендую читателю не забывать поэтичность и значимость земных интерпретаций.

Между Рождеством и Пасхой есть несколько второстепенных праздников или святых дней, таких как 28 декабря (Избиение невинных), 6 января (Богоявление), 2 февраля (День Сретения (1)), период Великого поста (немецкое Lenz, Весна), Благовещение Пресвятой Богородицы и так далее, которые обычно отмечались в языческих культах до христианства и в которых можно проследить элементы поклонения Звездам и природе; но останавливаться на всех них заняло бы слишком много времени; поэтому давайте перейдем к следующему. один раз в период самой Пасхи.

(1) Этот праздник Очищения Пресвятой Девы соответствует древнеримскому празднику Юноны Февруата (то есть очищенной), который проводился в последний месяц (февраль) римского года и который включал процессию со свечами Цереры в поисках Прозерпины. (Ф. Норк, Der Mystagog.)

III. СИМВОЛИКА ЗОДИАКА

День весеннего равноденствия во всем древнем мире с самых ранних времен был периодом ликования и праздников в честь Бога Солнца. Нет необходимости вдаваться в подробности, которые так хорошо известны. Каждый понимает и ценит радость от того, что долгая тьма отступает, что Солнце набирает силу и что дни одерживают победу над ночами. Снова появляются птицы и цветы, и в воздухе витает обещание весны. Но, возможно, стоит дать элементарное объяснение АСТРОНОМИЧЕСКОГО значения этого периода, потому что это не всегда понимается, и все же это очень важно в своем влиянии на обряды и верования ранних религий. Священники, которые, как я уже сказал, были первыми учениками и исследователями, разработали эту астрономическую сторону и таким образом смогли установить даты и сформулировать в интересах населения мифы и легенды, которые в определенном смысле были объяснениями порядка вещей в Природе и своего рода “популярной наукой”.

Экватор, как всем известно, представляет собой воображаемую линию или окружность, опоясывающую Землю на полпути между Северным и Южным полюсами. Если вы представите прозрачную Землю со светом в самом ее центре, а также представите ТЕНЬ от этой экваториальной линии, отбрасываемую на обширную вогнутость Неба, эта тень, выражаясь

астрономическим языком, совпадет с Экватором Неба, образуя воображаемый круг на полпути между Северным и Южным полюсами небес.

Таким образом, Экватор можно изобразить пересекающим небо днем или ночью и всегда на одной и той же высоте, то есть таким, каким его видно из любого места. Но Эклиптику (другой важный большой небесный круг) можно рассматривать только как линию, пересекающую созвездия, когда они видны НОЧЬЮ. На самом деле это путь Солнца среди неподвижных звезд. Ибо (на самом деле из-за движения Земли по своей орбите) Солнце, по-видимому, совершает круговое движение по небу один раз в год — перемещаясь, всегда влево, от созвездия к созвездию. Точный путь солнца называется Эклиптикой; а полоса неба по обе стороны от Эклиптики, которая, как можно предположить, включает указанные созвездия, называется Зодиаком. Как же тогда — конечно, будет задан вопрос, — учитывая, что Солнце и Звезды никогда нельзя увидеть вместе, Жрецы СМОГЛИ наметить путь первого среди последних? В этот вопрос нам нет необходимости вдаваться. Достаточно сказать, что им это удалось; и их успех — даже с помощью очень примитивных инструментов, которые у них были, — показывает, что их астрономические знания и острота рассуждений были немалого уровня.

Вернемся к нашему Весеннему равноденствию. Предположим, что Экватор и Эклиптика неба в весенний сезон представлены двумя линиями Eq. и Ecl., пересекающимися друг друга в точке P. Солнце, представленное маленьким кругом, медленно движется по своему годовому курсу вдоль Эклиптики влево. Когда оно достигает точки P (пунктирный круг), оно находится на Экваторе неба, а затем в течение дня или двух, не находясь ни на Севере, ни на Юге, оно одинаково сияет над двумя земными полушариями, и день и ночь равны. ДО этого времени, когда солнце находится низко в небе, ночь имеет преимущество, а дни короткие; ВПОСЛЕДСТВИИ, когда Солнце переместилось еще левее, дни одерживают победу над ночами. Тогда будет видно, что эта точка P, где путь Солнца пересекает Экватор, является очень критической точкой. Это астрономическое место триумфа Бога Солнца и прихода Весны.

Как было определено это местоположение? Среди каких звезд находилось Солнце в тот критический момент? (Ибо, конечно, понималось или предполагалось, что Солнце находится под сильным влиянием созвездия, через которое оно движется или казалось, что движется.) Таким образом, представляется, что в период, когда эти вопросы занимали умы людей — скажем, около трех тысяч лет назад, — точка, где Эклиптика пересекала Экватор, на самом деле находилась в районе созвездия Овна или Агнца. Таким образом, триумф Бога Солнца был вполне естественно приписан влиянию Овна. АГНЕЦ СТАЛ СИМВОЛОМ ВОСКРЕСШЕГО СПАСИТЕЛЯ И ЕГО ПЕРЕХОДА ИЗ ПОДЗЕМНОГО МИРА НА ВЫСОТУ НЕБЕС. На первый взгляд такое объяснение звучит рискованно; но тысячи текстов и ссылок подтверждают его; и только накопив доказательства в этих случаях, изучающий убеждается в правильности теории. Следует также помнить (о чем я упоминал ранее), что эти мифы и легенды были широко распространены не только по одной строгой причине, но и потому, что в общих чертах они представляли собой конвергенцию различных символов и умозаключений.

Позвольте мне перечислить несколько моментов, касающихся Весеннего равноденствия. В Библии этот праздник называется Пасхой, и о его предполагаемом установлении Моисеем рассказывается в книге Исход, гл. xii. В каждом доме должен был быть заклан агнец, и его кровью нужно было окропить дверные косяки дома. Тогда Господь прошел бы мимо и не поразил тот дом. Еврейское слово *pasach* - проходить. (1) Закланный агнец назывался

Пасхальным агнцем. Но что это был за агнец? Очевидно, не земной агнец (хотя, конечно, земные агнцы на склонах холмов как раз тогда были готовы к тому, чтобы их зарезали и съели), а небесный Агнец, который был заклан или принесен в жертву, когда Господь “перешел” экватор и стер созвездие Овна. Это был Агнец Божий, которого заклали каждый год, и “Закланный от основания мира”. Этот период Пасхи (примерно 25 марта) должен был стать (2) началом нового года. Жертва Агнца и его кровь должны были стать обещанием искупления. Дверные косяки домов — символы вступления в новую жизнь — должны были быть окроплены кровью. (3) Позже образы спасительной силы крови Агнца стали более популярными, более ярко окрашенными. (См. Послания Святого Павла и первых Отцов Церкви.) И у нас есть выражение “омытый кровью Агнца”, принятое в христианской церкви.

(1) Говорят, что *pasach* иногда означает не столько “проходить”, сколько “нависать” и, таким образом, защищать. Возможно, здесь присутствуют оба значения. См. Исаию xxxi. 5.

(2) См. Исход xii. i.

(3) Даже говорится (см. “Золотую ветвь”, т. iii, 185), что дверные проемы домов и храмов в Перу на весеннем празднике обмазывались кровью первенцев, которую впоследствии заменяли кровью священного животного, ламы. А что касается Мексики, то Саагун, великий испанский миссионер, рассказывает нам, что у тамошних людей был обычай “мазать снаружи свои дома и двери кровью, взятой из собственных ушей и лодыжек, чтобы умиловать бога Урожая” (Kingsborough's Mexican Antiquities, vol. vi, стр. 235).

Чтобы полностью понять это необычное выражение и его происхождение, мы должны на мгновение обратиться к поклонению как Митре, персидскому Богу Солнца, так и сирийскому богу Аттису, которые проливают яркий свет на христианский культ и церемонии. Следует помнить, что в первые века нашей эры культ Митры был распространен по всему западному миру. Он оставил много памятников здесь, в Британии. В Риме это богослужение было чрезвычайно популярно, и можно почти сказать, что это было делом случая, победит ли митраизм христианство или же более молодая религия, переняв многие обряды более старой, утвердится (как это и произошло) перед лицом последней.

Мы уже упоминали, что в культе Митры заклание Быка Богом Солнца занимает такое же место, как заклание Ягненка в христианском культе. Это происходило в день весеннего равноденствия, и кровь Быка приобрела в сознании людей магическую силу. Митраизм был гораздо более древней религией, чем христианство; но его происхождение было схожим. Фактически, из-за прецессии Равноденствий место пересечения Эклиптики и Экватора во времена установления культа Митры отличалось от того, что было в христианский период; и Солнце вместо того, чтобы находиться в созвездии Агнца, или Овна, в день Весеннего равноденствия находилось примерно двумя тысячами лет раньше (как указано пунктирной линией на диаграмме), в этом самом созвездии Быка. (1) Таким образом, бык стал символом торжествующего Бога, а жертвоприношение быка — священным таинством. (Здесь мы также не должны упускать из виду сельскохозяйственную пригодность быка как символа весенней вспашки и служения человеку.)

(1) По этому поводу смотрите статью Э. В. Маундера из Гринвичской обсерватории в “Девятнадцатом веке” за сентябрь 1900 года о “Старейшей книге с картинками” (Зодиаке). Мистер Маундер подсчитал, что Весеннее равноденствие было в центре Знака Быка 5000 лет назад. (Следовательно, он находился бы в центре Овна 2845 лет назад, что позволяет учесть

2155 лет времени, затраченного на переход из одного Знака в другой.) В более ранний период Летнее солнцестояние приходилось на центр Льва, Осеннее равноденствие — на центр Скорпиона, а Зимнее солнцестояние - на центр Водолея, что примерно соответствует, как указывает м-р Маундер, положению четырех “Королевских Звезд”: Альдебарана, Регула, Антареса и Фомальгаута.

Принесение в жертву Быка стало образом искупления. В одной хорошо известной скульптуре или группе Митры Бог Солнца изображен вонзающим свой кинжал в быка, в то время как скорпион, змея и другие животные сосут кровь последнего. С одной точки зрения это может быть воспринято как символ Солнца, оплодотворяющего грубую Землю, проникая в нее своими лучами и таким образом вытягивая ее кровь для пропитания всех существ; в то время как с другой, более астрономической точки зрения это символизирует победу Солнца над зимой в момент “прохождения” знака Быка и истощение воспроизводительной силы Быка Скорпионом, который, конечно же, является осенним знаком Зодиака и вестником зимы. Одна из таких митраистских групп была обнаружена в Остии, где находился большой подземный храм “непобедимого бога Митры”.

В поклонении Аттису было (как я уже указывал) много общего с христианским культом. 22 марта (день весеннего равноденствия) в лесу срубили сосну и принесли в храм Кибелы. К нему относились почти как к божеству, оно было украшено фиалками, а к стеблю привязано изображение молодого человека (ср. Распятие). 24-е число называлось “Днем крови”; первосвященник первым пустил кровь из собственных рук; а затем остальные били себя порезами и забрызгали кровью алтарь и священное дерево; в то время как послушники делали себя евнухами “ради царства небесного”. Впоследствии изображение было положено в могилу. Но когда наступила ночь, говорит доктор Фрейзер, (1) печаль сменилась радостью. Принесли свет, и гробница оказалась пустой. На следующий день, 25-го, был праздник Воскресения, который закончился карнавалом и распутством (Илария). Далее, говорит доктор Фрейзер, эти мистерии, “по-видимому, включали в себя таинственную трапезу и крещение кровью”.

(1) См. “Адонис, Аттис и Осирис”, часть IV “Золотой ветви” Дж. Г. Фрейзера, стр. 229.

“Во время крещения преданный, увенчанный золотой короной и лентами, спускался в яму, устье которой было закрыто деревянной решеткой. Быка, украшенного гирляндами цветов, с лбом, сверкающим листовым золотом, затем загнали на решетку и там закололи освященным копьем. Его горячая вонючая кровь потоками лилась через отверстия, и верующий с благоговейным рвением впитывал ее каждой частью своего тела и одеждой, пока он не вылезал из ямы, промокший, истекающий кровью и алый с головы до ног, чтобы принять почтение, нет, обожание своих братьев — как тот, кто был рожден свыше для вечной жизни и смыл свои грехи кровью быка”. (1) И Фрейзер продолжает: “Считалось, что ванна с кровью, полученной в результате забоя быка (*tauro-bolium*), восстанавливает преданного навечно, что подтверждается надписью, найденной в Риме, в которой говорится, что некий Секстилий Агесилай Эдизиус, посвятивший алтарь Аттису и матери богов (Кибеле), был *taurobolio criobolio que in aeternum renatus*”. (2) “В процедуре Тауроболии и Криоболии, — говорит м-р Дж. М. Робертсон, (3) - которая стала очень популярной в римском мире, мы имеем буквальное и первоначальное значение фразы “омытый кровью агнца” (4); доктрина заключалась в том, что воскресение и вечная жизнь обеспечивались путем обливания настоящей кровью жертвенного быка или барана”. (5) Для объяснения ПОПУЛЯРНОСТИ обряда мы можем процитировать

Франца Кумона, который говорит: “*Cette douche sacree* (тауроболиум).) лучше избегать администрации в Каппадокии, чтобы не было великого номбра святилищ и, в частности, чтобы не было бога коренных народов и не было бога Анахиты”.

(1) См. том i, стр. 334 и далее.

(2) Адонис, Аттис и Осирис, стр. 229. Ссылки на Пруденция и Фирмика Матернуса, *De errore* 28. 8.

(3) То есть “Через заклание быка и барана рожден свыше в вечность”.

(4) Языческие христы, стр. 315.

(5) *Mysteres de Mithra*, Bruxelles, 1902, p. 153.

Прав ли мистер Робертсон, приписывая священникам (как он, по-видимому, и делает) столь материалистический взгляд на силу настоящей крови, я бы сказал, сомнительно. Сам я не вижу никаких оснований предполагать, что жрецы Митры или Аттиса относились к крещению кровью совсем иначе, чем христианская церковь обычно относилась к крещению водой, а именно как к СИМВОЛУ некоего внутреннего возрождения. Конечно, в старых религиях могло быть немного больше МАГИЧЕСКОГО взгляда и немного меньше символического; но разница, вероятно, в целом заключалась скорее в степени, чем в существенном несоответствии. Но как бы то ни было, мы не можем не быть поражены необычайной аналогией между надписями на надгробиях того периода “возрожденный в вечность кровью Быка или барана” и соответствующими текстами на наших кладбищах в наши дни. Ф. Кумон в своей тщательно разработанной работе “Тексты и памятники, относящиеся к мистериям Митры” (2 тома., Брюссель, 1899) приводит большое количество текстов и эпитафий того же характера, что и процитированная выше, и они заслуживают изучения теми, кто интересуется этим предметом. Следует отметить, что Кумон (том i, стр. 305) считает, что история о Митре и умерщвлении Быка, должно быть, возникла среди какого-то скотоводческого народа, для которого бык был источником всей жизни. Бык на небесах — символ торжествующего Бога Солнца — и земной бык, принесенный в жертву на благо человечества, были одним и тем же; бог, по сути, ПРИНЕС В ЖЕРТВУ СЕБЯ ИЛИ СВОЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ. И Митра был героем, который первым завоевал для человечества эту концепцию божественности — хотя, конечно, по сути она очень похожа на концепцию, выдвинутую христианской церковью.

В качестве иллюстрации веры в то, что Крещение Кровью сопровождалось реальным возрождением преданного, Фрейзер цитирует древнего писателя (1), который говорит, что в течение некоторого времени после церемонии фикция о новом рождении поддерживалась тем, что преданного кормили МОЛОКОМ, как новорожденного младенца. И в этой связи интересно обнаружить, что даже в наши дни диета, СОСТОЯЩАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО из МОЛОКА в течение шести-восьми недель, многими врачами рекомендуется как единственное средство избавления от глубоко укоренившихся заболеваний и дающее возможность организму пациента начать жизнь с чистого листа.

(1) Sallustius philosophus. См. Адонис, Аттис и Осирис, примечание, стр. 229.

“В Риме, ” говорит он далее (стр. 230), - новое рождение и отпущение грехов через пролитие бычьей крови, по-видимому, совершались прежде всего в святилище фригийской богини

(Кибелы) на Ватиканском холме, на том месте или поблизости, где сейчас стоит великая базилика Святого Петра; поскольку многие надписи, относящиеся к обрядам, были найдены при расширении церкви в 1608 или 1609 годах. Из Ватикана как центра, - продолжает он, - эта варварская система суеверий, по-видимому, распространилась на другие части Римской империи. Надписи, найденные в Галлии и Германии, доказывают, что провинциальные святилища строили свой ритуал по образцу ватиканского”.

Таким образом, представляется, что в Риме в спокойные первые дни существования христианской церкви обряды и церемонии Митры и Кибелы, вероятно, сильно перемешанные, были чрезвычайно популярны. Обе религии были признаны римским государством, и христианам, какими бы гонимыми и презираемыми они ни были, было трудно добиться каких—либо успехов в борьбе с ними - возможно, тем более, что христианские доктрины во многих отношениях казались всего лишь слабыми копиями старых вероучений. Робертсон утверждает (1), что в митраистских мистериях приносили в жертву ягненка, и он цитирует слова Порфирия (2), что “место около равноденственного круга было отведено Митре в качестве подходящего места; и по этой причине он носит меч Барана (Овна), который является знаком Марса (Ареса)”. Говорят, что точно так же у ранних христиан в пасхальной мистерии приносили в жертву барана или агнца.

(1) Языческие христы, стр. 336.

(2) De Antro, xxiv.

Многие люди думают, что ассоциация Бога-Агнца с Крестом возникла из-за того факта, что созвездие Овна в то время НАХОДИЛОСЬ на небесном кресте (пересечении Эклиптики и Экватора - см. Диаграмму, гл. iii) и в том самом месте, через которое Бог Солнца должен был пройти непосредственно перед своим окончательным триумфом. И любопытно обнаружить, что Иустин Мученик в своем Диалоге с Трифоном (1) (евреем) ссылается на старую еврейскую практику запекания ягненка на вертелах, расположенных в форме Креста. “Ягненок, ” говорит он, имея в виду, по-видимому, пасхального ягненка, “ запекается и украшается в виде креста. Потому что один вертел протыкается прямо через нижнюю часть до головы, а другой - через спину, к которой прикреплены ножки (передние конечности) ягненка”.

(1) Глава xl.

Сегодня в Марокко на празднике Ид-эль-Кебир, соответствующем христианской Пасхе, мусульмане приносят в жертву молодого барана и спешат доставить его, еще истекающего кровью, за пределы мечети, в то же время каждая семья закалывает ягненка, как в библейском обряде, для семейного застолья.

Но, возможно, кто-то скажет: “Ты действуешь слишком быстро и доказываешь слишком многое. Стремясь показать, что бог-Агнец и жертвоприношение Ягненка почитались почитателями Митры и Кибелы в Риме христианской эры, вы забываете, что жертвоприношение Быка и крещение бычьей кровью были характерными чертами персидских и фригийских церемоний несколькими веками ранее. Как вы можете примирить параллельное существование божеств, принадлежащих к таким разным периодам, или приписать им обоим астрономическое происхождение?” Ответ достаточно прост. Как я объяснял ранее, прецессия Равноденствий привела к тому, что Солнце в момент своего триумфа над силами тьмы находилось в один период в созвездии Быка, а примерно через две тысячи лет - в созвездии Барана. Поэтому было

совершенно естественно, что с течением времени произошли изменения в священных символах; но также совершенно естественно, что эти символы, однажды освященные и принятые, продолжали почитаться и сохраняться еще долгое время после того, как прошло время их астрономического соответствия, и, таким образом, их можно было найти бок о бок в последующие столетия. Почитатель Митры или Аттиса на Ватиканском холме в Риме в 200 году н.э., вероятно, имел такое же малое представление об истинном происхождении священного Быка или Барана, которому он поклонялся, как христианин в соборе Святого Петра сегодня о происхождении бога-Агнца, заместителем которого на земле является папа римский.

Действительно, легко представить, что переход от поклонения Быку к поклонению Агнцу, который, несомненно, имел место у различных народов с течением времени, был всего лишь ритуальным изменением, инициированным священниками для того, чтобы зафиксировать и согласовать с астрономическим изменением. В любом случае любопытно, что, хотя Митра в ранние времена ассоциировался с быком, его ассоциация с ягненком больше относилась к римскому периоду. Примерно то же самое произошло и с Аттисом. В Библии мы читаем о негодовании Моисея по поводу установки израильтянами Золотого Тельца ПОСЛЕ того, как было установлено жертвоприношение барана-агнца, как будто действительно восставший народ возвращался к более раннему культу Аписа, который им следовало бы оставить в Египте. В самом Египте мы также находим поклонение Апису, со временем уступившее место богу с головой Барана Амону, или Юпитеру Амону. (1) Таким образом, как из Библии, так и из египетской истории мы можем заключить, что поклонение Агнцу или Барану сменило поклонение Быку.

(1) Тацит (Hist. v. 4) говорит о жертвоприношении евреями барана в честь Юпитера Амона. Смотрите также у Геродота (ii. 42) о том же в Египте.

Наконец, было указано, и в этом совпадении может быть какая-то реальная связь, что в довольно ранние годы христианства РЫБА стала общепринятым символом Иисуса Христа. Учитывая, что после господства Тельца и Овна Рыба (Pisces) является следующим по порядку зодиакальным знаком Весеннего равноденствия и теперь является созвездием, в котором в этот период находится Солнце, не кажется невозможным, что астрономические изменения стали причиной принятия этого нового символа.

Как бы то ни было, с учетом возможных ошибок или преувеличений, становится ясно, что путешествия Солнца через пояс созвездий, образующих Зодиак, должно быть, с древнейших времен оказывали глубокое влияние на возникновение религиозных мифов и легенд. Сказать, что это было единственное влияние, безусловно, было бы ошибкой. Несомненно, этому способствовали и другие причины. Но это было главное влияние. Происхождение Зодиака неясно; мы не знаем с какой-либо уверенностью причин, по которым его составным частям были даны различные названия, и мы не можем измерить точную древность этих названий; но — предполагая, что названия знаков были когда-то даны — нетрудно представить рост легенд, связанных с движением Солнца среди них.

Из всех древних божеств, возможно, Геркулес является тем, чья роль Бога-Солнца наиболее общепризнанна. Помощник богов и людей, могучий Путешественник, которого повсюду называли Спасителем, его труды на благо мира в конечном счете были определены и систематизированы как двенадцать и соответствовали по количеству знакам Зодиака. Верно, что эта систематизация произошла лишь в более поздний период, вероятно, в Александрии;

также не всегда ясно отождествление некоторых Трудов с реальными знаками, какими мы располагаем в настоящее время. Но, учитывая широкое распространение мифа о Геракле по всему древнему миру и очень разнообразные астрономические системы, с которыми он, должно быть, был связан в своем происхождении, вряд ли стоит удивляться такому отсутствию точного соответствия.

Подвиги Геракла, которые нас больше всего интересуют, это: (1) поимка Быка, (2) заклание Льва, (3) уничтожение Гидры, (4) Кабана, (5) очищение конюшен Авгия, (6) сошествие в Ад и укрощение Цербера. Первое из них соответствует митраистскому завоеванию Быка; Лев, конечно, является одним из самых выдающихся созвездий Зодиака, и его завоевание, очевидно, является работой Спасителя человечества; в то время как последние четыре подвига вполне естественно связаны с зимним конфликтом Солнца против сил тьмы. Кабана (4) мы уже видели как образ Тифона, князя тьмы; Гидра (3), как говорили, была отпрыском Тифона; нисхождение в Аид (6) — обычно связываемое с борьбой Геракла со Смертью и победой над Ней — связано с нисхождением Солнца в подземный мир и его долгой и сомнительной борьбой с силами зимы; и очищение конюшен Авгия (5) имеет то же значение. Фактически оказывается, что конюшни Авгия — это другое название знака Козерога, через который проходит Солнце в день зимнего солнцестояния (1) — конюшня, конечно же, представляет собой подземное помещение - и миф гласил, что там, в этом самом низком участке и заводи Эклиптики, были собраны все пагубные влияния неба, и Бог Солнца пришел, чтобы смыть их (декабрь был разгаром сезона дождей в Иудее) и очистить год для его возрождения.

(1) Смотрите диаграмму зодиака.

Не следует также забывать, что еще ребенком, в колыбели, Геракл убил двух змей, посланных на его гибель, — змея и скорпиона как осенние созвездия, всегда считающиеся врагами Бога Солнца, — с чем можно сравнить силу, данную Иисусом своим ученикам (1) “наступать на змей и скорпионов”. Геракл также как Бог Солнца любопытно сравнивается с Самсоном (упомянутый выше, ii), но нам нет необходимости останавливаться на всех сложных аналогиях, которые были прослежены (2) между этими двумя героями.

(1) От Луки х. 19.

(2) См. "Библейские мифы" Доана, глава viii (Нью-Йорк, 1882)

История Иисуса, как мы теперь увидим, имеет огромное количество соответствий с историями о бывших Богах Солнца и с действительным путешествием Солнца по небу — действительно, так много, что их нельзя отнести к простому совпадению или даже к богохульным уловкам дьявола! Давайте перечислим некоторые из них. Есть (1) рождение от матери-девственницы; (2) рождение в конюшне (пещере или подземном помещении); и (3) 25 декабря (сразу после зимнего солнцестояния). Есть (4) Звезда на Востоке (Сириус) и (5) прибытие Волхвов (“Трех царей”); есть (6) угроза Массового убийства Невинных и последующее бегство в далекую страну (рассказывается также о Кришне и других Богах Солнца). Существуют церковные праздники: (7) Сретение (2 февраля) с процессиями свечей, символизирующих растущий свет; (8) Великий пост, или приход весны; (9) День Пасхи (обычно 25 марта), посвященный пересечению Солнцем Экватора; и (10) одновременная вспышка огней у Гроба Господня в Иерусалиме. Есть (11) Распятие и смерть Бога-Агнца в Страстную пятницу, за три дня до Пасхи; есть (12) пригвождение к дереву, (13) пустая могила, (14) радостное Воскресение (как в случаях с Осирисом, Аттисом и

другими); есть (15) двенадцать учеников (знаки Зодиака); и (16) предательство одним из двенадцати. Затем, позже, есть (17) День Летнего солнцестояния, 24 июня, посвященный Рождеству Иоанна Крестителя и соответствующий Рождеству Христову; есть праздники (18) Успения Богородицы (15 августа) и (19) Рождества Богородицы (8 сентября), соответствующие движению бога через Деву; есть конфликт Христа и его учеников с осенними астеризмами, (20) Змеем и Скорпионом; и, наконец, есть любопытный факт, что Церковь (21) посвящает сам день Рождества Пресвятой Богородицы. день зимнего солнцестояния (когда любой человек вполне естественно может усомниться в возрождении Солнца) посвящается святому Фоме, который сомневался в истинности Воскресения!

Таковы некоторые, но далеко не все, совпадения, о которых идет речь. Но я думаю, их достаточно, чтобы доказать — даже с учетом возможных погрешностей — истинность нашего общего утверждения. Вдаваться в параллелизм карьеры Кришны, индийского Бога Солнца, и Иисуса заняло бы слишком много времени, потому что на самом деле соответствие настолько необычайно тесное и проработанное. (1) Однако в конце этой главы я предлагаю на мгновение остановиться на христианском празднике Евхаристии, частично из-за его связи с астрономическими обрядами и празднованиями Природы, о которых уже упоминалось, а частично из—за того света, который этот праздник в целом, будь то христианский или языческий, проливает на истоки религиозной магии - тему, которой мне придется заняться в следующей главе.

(1) См. "Христианство и мифология" Робертсона, часть II, стр. 129-302; также "Библейские мифы" Доана, гл. xxviii, стр. 278.

Я уже (Гл. II) упомянул евхаристический обряд, проводимый в память о Митре, и возмущенное приписывание этого Юстином Мучеником козням дьявола. Иустин Мученик явно не сомневался в сходстве митраистского обряда с христианским. Священная трапеза, как упоминалось несколькими страницами ранее, по-видимому, проводилась поклоняющимися Аттису (1) в память о своем боге; и 'мистерии' языческих культов обычно, по—видимому, включали в себя обряды - иногда полудикие, иногда более эстетичные, — в ходе которых съедалось расчлененное животное или употреблялись хлеб и вино (духи зерна и Виноградной лозы), представляющие тело бога, которого его приверженцы желали почтить. Но лучшим примером такой практики являются обряды Диониса, которым я посвящу несколько строк. Дионис, как и другие божества Солнца или Природы, был рожден от Девственницы (Семелы или Деметры), не запятнанной никаким земным мужем; и родился 25 декабря. Декабрь. Он воспитывался в Пещере и даже в том раннем возрасте отождествлялся с Бараном или Агнцем, в чью форму он на время превратился. Временами ему также поклонялись в образе Быка. (2) Он путешествовал повсюду; и принес человечеству великий дар вина. (3) Его называли Освободителем и Спасителем. "Его могила" была показана в Дельфах, в самом сокровенном святилище храма Аполлона. Туда приносились тайные подношения, в то время как женщины, отмечавшие праздник, будили новорожденного бога.... Фестивали такого рода в честь исчезновения и воскрешения божества проводились (только женщинами и девушками) среди гор ночью, каждый третий год, примерно во время самого короткого дня. Обряды, призванные выразить чрезмерную скорбь и радость по поводу смерти и повторного появления бога, были дикими даже до дикости, и поэтому женщины, которые их совершали, были известны под выразительными именами Вакханок, Менад и Тиад. Они бродили по лесам и горам, их развевающиеся локоны были увиты плющом или змеями, они размахивали жезлами и

факелами под глухие звуки барабана или пронзительные ноты флейты, с дикими танцами, безумными криками и ликованием”.

(1) См. "Золотую ветвь" Фрейзера, часть IV, стр. 229.

(2) "Золотая ветвь", Часть II, Книга II, стр. 164.

(3) “Я есмь ИСТИННАЯ Виноградная Лоза”, — говорит Иисус из четвертого Евангелия, возможно, с неявной и враждебной ссылкой на культ Диониса, в котором, как предполагает Робертсон (Христианство и мифология, стр. 357), произошло ритуальное чудо превращения воды в вино.

Быки, козы, даже оленята и косули из леса были убиты, разорваны на куски и съедены сырыми. Это имитация обращения титанов с Дионисом (1), который, как предполагалось, разорвал бога на куски, когда был ребенком.

(1) См. статью. Дионис. Словарь классических древностей, Неттлшип и Сэндис, 3-е изд., Лондон, 1898).

Дюпюи, один из первых авторов (в начале прошлого века) на эту тему, говорит, описывая мистические обряды Диониса (1): “Священные двери Храма, в котором проходило посвящение, открывались только раз в год, и никто посторонний никогда не мог войти. Ночь придавала этим августейшим тайнам завесу, которую было запрещено отдергивать — кому бы это ни было. (2) Это был единственный повод для представления страстей умершего Вакха (Диониса), сошедшего в ад и воскресшего вновь — в подражание представлению страданий Осириса, которые, согласно Геродоту, отмечались в Саисе в Египте. Именно в этом месте произошло расчленение тела бога, (3) которое затем было съедено — церемония, фактически, отражением которой является наша Евхаристия; тогда как в мистериях Вакха раздавалось настоящее сырое мясо, которое каждый из присутствующих должен был съесть в память о смерти Вакха, расчлененного Титанами, страсти которого на Хиосе и Тенедосе возобновлялись каждый год жертвоприношением человека, олицетворявшего бога. (4) Возможно, именно этот последний факт заставил людей поверить, что христиане (чей *hoc est corpus meum* и совместное участие в евхаристической трапезе были не более чем тенью более древнего обряда) действительно приносили в жертву ребенка и пожирали его конечности ”.

(1) See Charles F. Dupuis, “Traite des Mysteres,” ch. i.

(2) Павсан, Коринф, гл. 37.

(3) Клем, проба Eur. Bacch.

(4) См. Porphyry, De Abstinencia, lii, Раздел 56.

То, что евхаристические обряды были очень, очень древними, ясно из тотемных таинств дикарей; и к этому предмету мы сейчас и обратимся.

IV. ТОТЕМНЫЕ ТАИНСТВА И ЕВХАРИСТИИ

Много было написано о происхождении тотемной системы, то есть системы наименования племени или части племени (скажем, КЛАНА) в честь какого—либо ЖИВОТНОГО, а иногда также в честь какого-либо растения, дерева или Природного элемента, такого как огонь, дождь или гром; но нам, современным людям, в лучшем случае трудно понять этот предмет. Это было тщательно изучено Саламоном Райнахом в его "Культурах, мифах и религиях" (1), где он формулирует свои выводы в двенадцати утверждениях или определениях; но даже в этом случае, хотя его предложения полезны, он проливает очень мало света на реальное происхождение системы. (2)

(1) См. Английский перевод некоторых глав (опубликованный Дэвидом Наттом в 1912 году), озаглавленный "Культы, мифы и религии", стр. 1-25. Французский оригинал состоит из трех больших томов.

(2) То же самое можно сказать и о сформулированном изложении предмета в книге Морриса Джастроу "Справочники по истории религии", том iv.

Есть три основные трудности. Первый - понять, почему первобытный человек вообще назвал свое Племя в честь животного или объекта природы; второй - понять, по какому принципу он выбрал конкретное название (лев, крокодил, женская особь, определенное дерево); третий - почему он должен сделать из указанного тотема божество и воздавать ему почести и поклонение. Возможно, стоит на мгновение остановиться на них.

(1) Тот факт, что Племя было одним из первых явлений, для которого Человек считал необходимым иметь название, интересен, поскольку показывает, насколько рано была признана солидарность и психологическая актуальность племени; а что касается выбора имени для какого-либо животного или конкретного объекта Природы, то это было неизбежно по той простой причине, что дикарю не из чего было выбирать. Просто назвать свое племя "Странниками", или "Пионерами" или "Пацифистами", или "Непобедимыми", или любым из тысячи и одного названия, которые принимают современные ассоциации, было бы невозможно, поскольку таких абстрактных терминов в его сознании было мало или вообще не существовало. И опять же, назвать его в честь животного было самым очевидным решением, просто потому, что животные были, безусловно, самыми важными чертами или сопровождением его собственной жизни. Поскольку в этой книге я имею дело в основном с определенными психологическими условиями эволюции человека, необходимо отметить, что для первобытного человека животное было ближайшим и наиболее тесно связанным из всех объектов. Обладая тем же уровнем сознания, что и он сам, животное очень сильно привлекало его как свою пару и равного. Он практически не отличал его от себя. Мы очень ясно видим это на примере детей, которые, конечно, представляют собой дикий ум и которые рассматривают животных просто как своих товарищей и равных и быстро устанавливают с ними взаимопонимание, не дифференцируя себя от них.

(2) Что касается конкретного животного или другого объекта, выбранного для того, чтобы дать название Племени, то это, без сомнения, было бы в значительной степени случайным. Любое необычное происшествие может суеверно ускорить создание названия. Мы с трудом можем представить себе Племя, почесывающее голову в сознательном усилии придумать для себя

подходящую эмблему. Это не тот способ, которым сегодня придумываются прозвища в школе или где-либо еще. В то же время геральдическая привлекательность определенного объекта природы, живого или неодушевленного, была бы глубоко и широко ощутима. Сила льва, быстрота оленя, пищевая ценность медведя, полет птицы, ужасные челюсти крокодила могут легко загипнотизировать целое племя. Райнах с большой справедливостью указывает, что многие племена ставили себя под защиту животных, которые, как предполагалось (справедливо или ошибочно), выступали в роли проводников и авгуров, предсказывающих будущее. “Диодор,” говорит он, - ясно утверждает, что в Египте ястреба почитали, потому что он предсказывал будущее”. (Птицы обычно действуют так же, как кенгуру, ворона и сова на Самоа, предупреждая своих собратьев по клану о грядущих событиях. Одно время самоанские воины зашли так далеко, что выращивали сов за их пророческие качества на войне. (Шакал, или "следопыт", чьи следы иногда приводят к останкам пищевого животного, убитого львом, а также многие птицы и насекомые имеют ценность такого рода.) “Использование тотемов животных в целях предсказания, по всей вероятности, имеет глубокую древность. Люди, должно быть, вскоре поняли, что чувства животных острее их собственных; неудивительно, что они ожидали, что их тотемы — то есть их естественные союзники — будут предупреждать их как о неожиданных опасностях, так и о тех дарах природы, особенно о КОЛОДЦАХ, которые животные, по-видимому, чувствуют инстинктивно”. (1) И опять же, помимо всего этого, я почти не сомневаюсь, что существуют подсознательные симпатии, которые объединяют определенные племена с определенными животными или растениями, симпатии, происхождение которых мы сейчас не можем проследить, хотя они вполне реальны — те же самые симпатии, которые, как мы признаем, существуют между отдельными ЛЮДЬМИ и определенными объектами природы. У. Х. Хадсон — сам во многих отношениях имеющий такое глубокое и примитивное отношение к природе — говорит в очень интересном и автобиографическом томе (2) о необычайном очаровании, которое оказывали на него в детстве не только змеи, но и определенные деревья, и особенно конкретный вид. цветущее растение “не более фута в высоту, с пушистыми мягкими бледно-зелеными листьями и гроздьями красноватых соцветий, чем-то похожих на валериану”. ... “Один из моих священных цветов”, - называет он его и настаивает на “необъяснимой привлекательности”, которую он имел для него. С помощью различных способов такого рода можно понять, как определенные тотемы стали выбираться определенными народами.

(1) См. Райнах, английский перевод, указ. соч., стр. 20, 21.

(2) Далеко и давным-давно (1918), главы. xvi и XVII.

(3) Что касается тенденции обожествлять эти тотемы, то это, без сомнения, частично вытекает из вопроса (2). Животное или другой объект, которым восхищаются из-за его силы или быстроты, или которого принимают в качестве защитника племени из-за его острого зрения или пророческих качеств, или бесконечно ценят из-за его пищевой ценности, или по какой-либо другой причине считают имеющим особое отношение и близость к племени, выделяется этим фактом. Это становится табу. Его нельзя убивать — за исключением случаев необходимости и с санкции всего племени — или наносить увечья; и все действия с ним должны быть огорожены правилами. Именно из этого табу или системы табу, согласно Райнаху, возникла религия. “Я предлагаю (говорит он) определить религию как СУММУ УГРЫЗЕНИЙ СОВЕСТИ (ТАБУ), КОТОРЫЕ ПРЕПЯТСТВУЮТ СВОБОДНОМУ ПРОЯВЛЕНИЮ НАШИХ СПОСОБНОСТЕЙ”. (1) Очевидно, что это определение является крайне несовершенным, просто потому, что оно чисто негативное и не учитывает положительный аспект предмета. У человека позитивным

содержанием религии является инстинктивное чувство — сознательное или подсознательное — внутреннего единства и непрерывности с окружающим миром. Это материал, из которого сделана религия. Угрызения совести или табу, которые “препятствуют свободе” этих отношений, являются негативными силами, придающими этим отношениям очертания и форму. Это те вещи, которые порождают религиозные ОБРЯДЫ; и поскольку Райнах подразумевает под религией ПРОСТО обряды и церемонии, он прав; но очевидно, что он охватывает только половину предмета. Тенденция обожествлять тотем по меньшей мере в такой же степени зависит от позитивного чувства единства с ним, как и от негативных сомнений, которые ограничивают отношения в каждом конкретном случае. Но вскоре я вернусь к этой теме, и не один раз, с целью прояснения ее. Именно сейчас будет лучше всего проиллюстрировать природу тотемов в целом и в некоторых деталях.

(1) См. "Орфей" С. Райнаха, стр. 3.

Как можно заключить из того, что я только что сказал, у всех наиболее примитивных народов и во всех частях света встречается огромное разнообразие тотемных имен. Динки, например, довольно интеллигентный, хорошо развитый народ, населяющий верховья Нила в окрестностях великих болот. По словам доктора Селигмана, у их кланов в качестве тотемов есть лев, слон, крокодил, гиппопотам, лиса и гиена, а также определенные птицы, которые заражают и повреждают кукурузу, некоторые растения и деревья, а также такие явления, как дождь, огонь и т.д. “Каждый клан говорит о своем тотеме как о своем предке и воздерживается (как правило) от нанесения ему увечий или поедания его”. (1) Члены клана Крокодилов называют себя “братьями крокодила”. У племен страны бечуана есть очень похожий список тотемных названий — буйвол, рыба, дикобраз, дикая лоза и т.д. У них тоже есть клан крокодилов, но они называют крокодила своим ОТЦОМ! Племена Австралии во многом похожи, с отличиями, соответствующими их стране; и краснокожие индейцы Северной Америки такие же. Гарсиласо делла Вега, испанский историк, сын принцессы инков от одного из испанских завоевателей Перу и автор хорошо известной книги “*Commentarias Reales*”, говорит в этой книге (i, 57), говоря о доинкском периоде: “Индеец (Перу) не считался благородным, если он не происходил отисточника, реки или озера, или даже от моря, или от дикого животного, такого как медведь, лев, тигр, орел, или птицы, которую они называют кунтур (кондор), или какой-либо другой птицы древнего мира”. добыча.” (2) Согласно Льюису Моргану, у североамериканских индейцев различных племен в качестве тотемов были волк, медведь, бобр, черепаха, олень, бекас, цапля, ястреб, журавль, гагара, индеек, ондатра; щука, сом, карп; буйвол, лось, северный олень, орел, заяц, кролик, змея; тростниковая трава, песок, камень и табачное растение.

(1) См. "Золотую ветвь", том iv, стр. 31.

(2) См. Эндрю Лэнг, "Обычай и миф", стр. 104, также "Миф, ритуал и религия", том i, стр. 71, 76 и т.д.

Так что мы могли бы продолжать довольно долго. Вряд ли нужно говорить, что в более современной и цивилизованной жизни реликты тотемной системы все еще можно найти в формах геральдических существ, принятых различными семьями для своих гербов, а также в медведях, львах, орлах, солнце, луне и звездах и так далее, которые все еще украшают флаги и выставляются напоказ в качестве отличительных знаков различных наций. Имена, возможно, изначально не были заимствованы из какой-либо определенной веры в кровное родство с животным или другим объектом, о котором идет речь; но когда, как говорит Робертсон

(“Языческие христы”, стр. 104), “дикарь узнавал, что он “Медведь” и что его отец, дед и праотцы были таковыми до него, было действительно невозможно, после веков, в течение которых тотемные имена были в ходу, чтобы он не предположил, что его народ произошел от медведя”.

Как правило, как можно себе представить, дикарь-туземец ни в коем случае не БУДЕТ ЕСТЬ тотемное животное своего племени. Это, естественно, было бы расценено как своего рода святотатство. Также следует отметить, что некоторые тотемы вряд ли пригодны для употребления в пищу. Тем не менее, важно отметить, что время от времени старейшины племени, соблюдая церемонию с большими предосторожностями, почти повсеместно созывали пир, на котором животное (тотем или что-то другое) присутствовало на церемонии. Убивают и обычно съедают — и это для того, чтобы члены племени могли усвоить некоторые присущие ему добродетели и могли подтвердить свою идентичность с племенем и друг с другом. Поедание медведя или другого животного, окропление его кровью и общий ритуал, в котором участники делились его мясом, или одевались в его шкуру, или иным образом отождествляли себя с ним, были для них символом их общности жизни друг с другом и средством их обновления и спасения в священной эмблеме. И этот обычай, как поймет читатель, лег в основу евхаристий и Святых Причастий более поздних религий.

Знаменитый “Верблюд” профессора Робертсона-Смита является примером этого. (1) Похоже, что святой Нил (пятый век) оставил подробный отчет о случавшихся в его время жертвоприношениях безупречно белого верблюда среди арабов Синайского региона, что очень напоминает тотемический праздник причастия. Сырая кровь и мясо животного должны были быть полностью съедены верующими до рассвета. “Заклание жертвы, священное питье крови и пожирание в дикой спешке кусков еще трепещущей плоти напоминают подробности дионисийских и других празднеств”. (2) Сам Робертсон-Смит говорит: “Простой смысл заключается в том, что жертва была съедена до того, как жизнь покинула еще теплую кровь и плоть ... и что, таким образом, самым буквальным образом все те, кто участвовал в церемонии, впитали в себя часть жизни жертвы. Можно видеть, насколько более убедительно, чем любая обычная трапеза, такой обряд выражает установление или подтверждение уз совместной жизни между верующими, а также, поскольку кровь проливается на сам алтарь, между верующими и их богом. Таким образом, в этом жертвоприношении важными факторами являются два: передача живой крови божеству и поглощение живой плоти и крови плотью и кровью верующих. Каждый из них осуществляется самым простым и непосредственным образом, так что смысл ритуала совершенно прозрачен”.

(1) См. его “Религию семитов”, стр. 320.

(2) Они также вспоминают обряды Пасхи, хотя на этой последней кровь больше не пили, а мясо не ели сырым.

Конечно, кажется странным, что люди едят свои тотемы; и ни в коем случае не следует предполагать, что эта практика является (или была) универсальной; но она, несомненно, встречается в некоторых случаях. Как говорит мисс Харрисон (Themis, стр. 123); “Вы, как правило, не едите своих родственников”, и, как правило, поедание тотема является табу и запрещено, но (продолжает мисс Харрисон) “в определенное время и при определенных ограничениях мужчина не только может, но и ОБЯЗАН есть свой тотем, хотя и очень умеренно, как священную вещь”. Церемониал, проводимый племенем сообща, не только отождествляет племя с тотемом (животным), но и проводится, согласно ранним магическим представлениям,

когда животное желанно в пищу, чтобы способствовать манипулированию им. Человеческое племя получает ману, или жизненную силу животного, и укрепляется; животное племя благожелательно обновляется церемониалом и чрезвычайно размножается. Заклание священного животного и (часто) одновременное пролитие человеческой крови скрепляют договор и подтверждают магию. Это хорошо иллюстрируется церемонией племени эму, на которую ссылается доктор Фрейзер:

“Чтобы размножить эму, которые являются важным продуктом питания, мужчины тотема эму в племени Арунта поступают следующим образом: они расчищают небольшой участок ровной земли и, вскрыв вены на руках, выпускают кровь до тех пор, пока поверхность земли на площади около трех квадратных ярдов не пропитается ею. Когда кровь высыхает и спекается, она образует твердую и довольно непроницаемую поверхность, на которой они рисуют священный рисунок тотема эму, особенно те части птицы, которые они больше всего любят есть, а именно жир и яйца. Вокруг этой картины сидят мужчины и поют. После этого исполнители, одетые в длинные головные уборы, символизирующие длинную шею и маленькую головку эму, имитируют внешний вид птицы, когда она стоит, бесцельно озираясь по сторонам”. (1)

(1) Золотая ветвь, i, 85 — со ссылкой на книгу Спенсера и Гиллена "Коренные племена Центральной Австралии", стр. 179, 189.

Таким образом, начинается кровавое жертвоприношение; и — (происходило ли это когда—либо на самом деле в случае жителей Центральной Австралии, я не знаю) - мы можем легко представить, что члена племени эму, замаскированного под настоящего эму, церемониально забивают в качестве первого плода и обещания ожидаемого урожая эму, о котором молились; точно так же, как то же самое, несомненно, произошло в случае людей в звериных масках Быков, баранов или Медведей, приносимых в жертву в умиловление богов-Быков, богов-баранов или богов-Медведей или просто в погоне за успехом. о какой-то магии, способствующей размножению этих пищевых животных.

“В свете тотемистического образа мышления мы достаточно ясно видим отношение человека к животным, употребляемым в пищу. Ты нуждаешься в мясной пище или, по крайней мере, желаешь ее, но при этом боишься зарезать ‘своего брата быка’; ты жаждешь его маны, но соблюдаешь его табу, ибо в тебе и в нем одинаково течет общая жизненная кровь. Под вашу личную ответственность вы бы никогда не убили его; но дляобщего блага, в торжественных случаях и способом, проводимым со скрупулезной осторожностью, целесообразно, чтобы он умер за свой народ и чтобы они насладились его мясом”. (1)

(1) Фемида, стр. 140.

В своей небольшой книге "Древнее искусство и ритуал" (1) Джейн Харрисон описывает посвящение священного Быка, которое проводилось в Греции в Элиде, Магнезии и других городах. “Там на ежегодной ярмарке из года в год управляющие города покупали Быка, "самого лучшего, какого только можно было достать", и в новолуние месяца, в начале посевного периода (? Апрель) Быка вели в процессии, во главе которой шли главный жрец и жрица города. С ними шли глашатай и жрица для жертвоприношений, а также две группы юношей и дев. Бык был настолько свят, что ничто несчастливое не могло приблизиться к нему. Герольд громко произнес молитву о ‘безопасности города и земли, граждан, женщин и детей, о мире и богатстве, о выращивании зерна и всех других плодов, а также скота’. Вся эта жажда

плодородия, пищи и детей сосредотачивается вокруг священного Быка, святость которого заключается в его силе и плодovitости". Быка приносят в жертву. Мясо делится на торжественном пиру между теми, кто принимает участие в процессии. "Священное мясо не предлагается богу, его съедает — каждому человеку свою порцию — каждый гражданин, чтобы он мог получить свою долю силы Быка, удачи государства". Но в Афинах за Бофонией, как ее называли, последовала любопытная церемония. Шкура была набита соломой и зашита, а затем чучело животного поставили на ноги и впрягли в плуг, как будто оно пахало. За смертью следует Воскрешение. Теперь все это важно. Мы привыкли думать о жертве как о смерти, отказе от чего-либо. Но ЖЕРТВА вовсе не означает 'смерть'. Это означает ДЕЛАТЬ СВЯТЫМ, освящать; а святость была для первобытного человека просто особой силой и жизнью. Чего они хотели от Быка, так это той особой жизни и силы, которые они весь год вкладывали в него, лелеяли и лелеяли. Эта жизнь была у него в крови. Они не могли есть эту плоть и пить эту кровь, пока не убьют его. Поэтому он должен умереть. Но они убили его не для того, чтобы отдать его богам, не для того, чтобы "принести в жертву" его в нашем смысле, а для того, чтобы обладать им, содержать его, есть его, жить им и через него, по его милости".

(1) Библиотека домашнего университета, стр. 87.

Нам уже приходилось сталкиваться со случаями церемониального поедания священного Ягненка или Барана, приносимого в жертву весной и принимаемого в качестве своего рода общего застолья - не без отсылки (по крайней мере, в более поздние времена) к предполагаемому богу-Агнцу. У айно на севере Японии, как и у гиляков в Восточной Сибири, Медведь является основным пищевым животным, и ему поклоняются как верховному дарителю здоровья и силы. Там также происходит аналогичный ритуал жертвоприношения. Пойман и посажен в клетку идеальный Медведь. Его кормят и даже балуют до дня его смерти. "Ему предлагают рыбу, бренди и другие деликатесы. Некоторые люди падают ниц перед ним; его приход в дом приносит благословение, и если он понюхает пищу, это тоже приносит благословение". Затем его выводят и убивают. Происходит великий пир, мясо разделяется, мужчины выпивают полные кубки крови; племя объединяется и укрепляется, и бог-Медведь благословляет церемонию - идеальный Медведь, отдавший свою жизнь за народ. (1)

(1) См. Искусство и ритуал, стр. 92-98; Золотая ветвь, ii, 375 след.; Фемида, стр. 140, 141; и т.д.

Идея о том, что поедание мяса животного или человека передает вам некоторые качества, жизненную силу, ману этого животного или человека, часто встречается у первобытных народов. Отсюда распространенная тенденция поедать вражеских воинов, убитых в битве против вашего племени. Поступая так, вы поглощаете часть их доблести и силы. Даже скальпы врагов, которые индеец-апач мог повесить у себя на поясе, были чем-то магическим, что увеличивало силу апачей. Как говорит Гилберт Мюррей, (1) "вы пожирали священное животное, чтобы получить его ману, его быстроту, его силу, его огромную выносливость, точно так же, как дикарь теперь съедает мозг, сердце или руки своего врага, чтобы обрести в них какое-то особое качество". Даже — как он объясняет на предыдущей странице — простого КОНТАКТА часто считалось достаточным — "у нас есть священные столбы, святость которых заключается в том, что к ним прикоснулась кровь быка". И в этой связи мы можем отметить, что почти все христианские Церкви свято верят в добродетель, которую дает простое "возложение рук".

(1) Четыре стадии греческой религии, стр. 36.

Совсем в другой связи — мы читаем (1), что у спартанцев мальчик-воин часто умолял о любви старшего воина, которым он восхищался (то есть о контакте с его телом), чтобы таким образом получить часть мужества и доблести последнего. Идея о том, что при посредничестве губ чей-то дух может соединиться с духом другого человека, не чужда современному уму; в то время как обмен кровью, одеждой, прядями волос и т.д. Между влюбленными - обычай, известный во всем мире. (2)

(1) Элиан, VII, iii, 12: [гр. автои гун (ой пайдес) деонтей и эраствуд] [гр. эйспнейн автои]. See also E. Bethe on "Die Dorische Knabenliebe" in the *Rheinisches Museum*, vol. 26, iii, 461.

(2) См. "Мистическую розу" Кроули, стр. 238, 242.

Предполагать, что, поедая другого человека, вы поглощаете его душу, конечно, несколько наивно. Возможно, это более естественно, более примитивно. Но даже в этой идее может быть ДОЛЯ истины. Безусловно, пища, которую человек ест, оказывает психологическое воздействие, и плотоядные представители человеческой расы, как правило, отличаются по темпераменту от тех, кто ест фрукты и овощи, в то время как среди животных (хотя здесь могут быть и другие причины) плотоядные животные определенно более жестоки и менее нежны, чем травоядные.

Возвращаясь к обрядам Диониса, Гилберт Мюррей, говоря об орфизме — великой волне религиозных реформ, прокатившейся по Греции и Южной Италии в шестом веке до нашей эры, — говорит: (1) "Любопытный пережиток примитивных суеверий и жестокости прочно укоренился в орфизме, доктрине иррациональной и непонятной, и именно по этой причине окутанной глубочайшей и наиболее священной тайной: верой в ЖЕРТВУ САМОГО ДИОНИСА И ОЧИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ЕГО КРОВЬЮ. Представляется возможным, что дикие фракийцы в ярости своего поклонения в горах, когда они были одержимы богом и превратились в "диких зверей", на самом деле разрывали зубами и руками всех зайцев, коз, оленей или тому подобное, которые попадались им на пути.... Орфические общины более поздних времен на своих самых священных собраниях торжественно вкушали кровь быка, которая по таинству была кровью самого Диониса-Загрея, Быка Бога, принесенного в жертву для очищения человека". (2)

(1) См. Примечания к его переводу "Вакханки" Еврипида.

(2) Описание этой оргии см. у Феокрита, Идиллия ххvi; также для объяснения этого, "Миф, ритуал и религия" Ланга, том. ii, стр. 241-260, о Дионисе. Энциклопедия дия Брит., статья "Орфей", гласит: "Орфей, судя по способу его смерти, считался олицетворением бога Диониса и, таким образом, был представителем бога, которого каждый год разрывали на куски - церемония, разыгрывавшаяся вакханками в древнейшие времена с человеческой жертвой, а затем с быком, чтобы представлять бога, образованного быком. Отличительной чертой этого ритуала была [гримофагия] (поедание плоти жертвы сырой), при помощи которой участники воображали, что они поглощают и ассимилируют бога, представленного жертвой, и таким образом наполнялись божественным экстазом". Сравните также индуистское учение о Прадже [пати, расчлененном Владыке Творения.

Можно найти множество примеров ранних общественных праздников, которые выполняли двойную задачу: подтверждали, с одной стороны, солидарность племени, а с другой - приводили племя путем пролития крови божественной Жертвы в тесную связь с самим источником его жизни. "Священный обряд," говорит профессор Робертсон-Смит (1), "это

также искупительный обряд, который снова приводит общину в гармонию с ее отчужденным богом — искупление является просто актом общения, призванным стереть всякую память о предыдущем отчуждении”. Более подробно я рассмотрю этот вопрос в главе vii ниже. Между тем, в качестве примеров ранних евхаристий мы можем упомянуть следующие случаи, всегда помня, что, поскольку кровь рассматривается как Жизнь, питье, вкушение или окропление кровью всегда является признанием общей жизни; и что виноградный сок рассматривается как кровь Виноградной лозы, вино в более поздних церемониях довольно легко и естественно заменяет кровь в ранних жертвоприношениях.

(1) Религия семитов, стр. 302.

Так, П. Андрада Ла Крозиус, французский миссионер и один из первых христиан, побывавших в Неполе и Тибете, говорит в своей “Истории Индии”: “Их Великий лама совершает своего рода жертвоприношение ХЛЕБОМ и ВИНОМ, в котором, отведав немного сам, он распределяет остальное среди лам, присутствующих на этой церемонии”. (1) “Древние египтяне праздновали воскресение Осириса посредством таинства, вкушая священный пирог или облатку после того, как они были освящены жрецом, и таким образом становясь настоящей плотью от его плоти”. (2) Как хорошо известно, таинственное вкушение хлеба или теста (иногда смешанного с кровью или семенами) как символа общности жизни с божеством, является чрезвычайно древней практикой или ритуалом. Доктор Фрейзер (3) говорит об ацтеках, что “дважды в год, в мае и декабре, изображение великого бога Уицилопочтли делалось из теста, затем разбивалось на куски и торжественно съедалось его почитателями”. А лорд Кингсборо в своих “Мексиканских древностях” (том vi, стр. 220) приводит запись о “Пресвятой Вечере”, на которой эти люди вкусили плоть своего бога. Это был пирог, приготовленный из определенных семян, “и, приготовив его, они благословили его по-своему и разломали на кусочки, которые первосвященник положил в определенные очень чистые сосуды, и взял шип магуи, похожий на очень толстую иглу, которой он с величайшим почтением брал отдельные кусочки, которые он клал в рот каждому человеку на манер причастия”. Acostas (4) подтверждает эту и подобные учетные записи. Перуанцы принимали участие в таинстве, состоящем из пудинга из кукурузы грубого помола, часть которого была намазана на идола. Священник окропил его кровью жертвы, прежде чем раздать людям. Затем священник и люди по очереди взяли свои доли, “с большой осторожностью следя за тем, чтобы ни одна частица не упала на землю — на это смотрят как на великий грех”. (5)

(1) См. Библейские мифы Доана, стр. 306.

(2) Из Великого Закона религиозного происхождения: У. Уильямсон (1899), стр. 177.

(3) “Золотая ветвь”, том ii, стр. 79.

(4) Естественная и нравственная история Индии. Лондон (1604).

(5) См. “Обряды и законы инков” Маркхэма, стр. 27.

Перемещаясь из Перу в Китай (вместо ‘из Китая в Перу’), мы обнаруживаем, что “китайцы поливают вином (очень распространенный заменитель крови) соломенное изображение Конфуция, а затем все присутствующие пьют его и вкушают принесенную в жертву жертву, чтобы приобщиться к благодати Конфуция”. (Здесь снова Кукуруза и Вино смешиваются в рамках одного ритуала.) А о Татарии отец Грубер свидетельствует так: “Единственное, что я

утверждаю, что дьявол настолько подражает тамошней католической церкви, что, хотя ни один европеец или христианин там никогда не бывал, тем не менее, во всем существенном они настолько полностью согласны с римской церковью, что даже в том, что касается празднования Праздника хлебом и вином: я видел это собственными глазами”. (1) Этим несколькими примеров достаточно, чтобы показать необычайно широкое распространение тотемных таинств и евхаристических обрядов по всему миру.

(1) Эти две цитаты приведены во Введении Джевонса к истории религии, стр. 148 и 219.

V. МАГИЯ ПИЩИ И РАСТИТЕЛЬНОСТИ

В поисках тотемов и Евхаристии я несколько отклонился от астрономической темы глав II и III, и теперь кажется, что для того, чтобы понять религиозные истоки, мы должны забрести еще дальше. Упомянутые главы были в основном посвящены Солнечным Богам и астрономическим явлениям, но теперь мы должны рассмотреть более ранний период, когда не существовало определенных форм богов и когда не существовало ничего, кроме самых смутных астрономических знаний. Иногда в исторических вопросах лучше и безопаснее всего двигаться таким образом назад во времени, от вещей недавних и довольно хорошо известных к вещам более древним и менее известным. Таким образом, мы более надежно приближаемся к некоторому пониманию смутного и отдаленного прошлого.

Ясно, что до того, как в человеческом сознании возникли какие-либо определенные рассуждения о обитающих на небесах богах или божественных существах — или какие-либо четкие теории о том, как солнце, луна и звезды могут быть связаны со сменой времен года на земле, — все еще существовали определенные очевидные вещи, которые привлекали всех, как образованных, так и неученых. Одним из них было возвращение Растительности, приносящей с собой плоды или обещание плодов земли, в пищу человеку, а также приносящей с собой увеличение численности животных, в пищу в другой форме; а другим было возвращение Света и Тепла, облегчающее жизнь во всех отношениях. Пища, избавляющая от страха голодной смерти; Свет и Тепло, избавляющие от страха опасности и холода. Это были три замечательные вещи, которые вернулись вместе и принесли спасение и обновленную жизнь человеку. Периодом их возвращения была "Весна", и хотя весна и ее преимущества могли со временем исчезнуть, все же всегда оставалась НАДЕЖДА на ее возвращение — хотя даже в этом случае могло пройти много времени в эволюции человека, прежде чем человек обнаружил, что она действительно всегда возвращается, и (с определенными оговорками) через равные промежутки времени.

Задолго до того, как можно было призвать каких-либо Солнечных или Звездных богов, возвращение Растительности, должно быть, привлекло внимание человека и наполнило его надеждой и радостью. Однако, поскольку его возвращение было несколько изменчивым и неопределенным, вопрос: что может сделать человек, чтобы способствовать этому возвращению? естественно, стал насущным. В настоящее время принято считать, что использование Магии - симпатической магии — возникло именно таким образом. Симпатическая магия, по-видимому, была порождена верой в то, что ваши собственные действия вызывают аналогичную реакцию у окружающих вас вещей и людей. Однако эта вера

не основывалась на какой-либо философии или аргументе, а была чисто инстинктивной и иногда носила характер простой телесной реакции. Каждый школьник знает, как, наблюдая за прыжками товарища в высоту на спортивных состязаниях, он часто ловит себя на том, что в этот момент поднимает колено, "чтобы помочь ему перебраться"; на футбольных матчах между зрителями иногда возникают ссоры из-за неудачного удара ногой, нанесенного слишком восторженным зрителем сзади; студенты, бегущие по буксирной дорожке рядом с лодкой своего колледжа, на гонках спешат даже быстрее лодки, чтобы увеличить ее скорость; в каждом случае существует автоматическая реакция тела, усиленная собственным желанием. Человек ИГРАЕТ ту роль, в которой он желает добиться успеха. Он думает таким образом передать свою энергию. Опять же, если случайно кто-то становится свидетелем болезненного несчастного случая, раздробленной ноги или чего-то еще, обычно случается, что он сам чувствует боль в той же части тела — симпатическую боль. Что может быть естественнее, чем предположить, что боль действительно передается от одного человека к другому? и насколько легко сделать вывод, что, мучая несчастного козла отпущения или распиная человеческую жертву, в некоторых случаях можно облегчить страдания людей или искупить их грехи?

Следует помнить, что Симета во второй Идиллии Феокрита проклиная своего неверного возлюбленного Дельфиса и, расплавляя его восковое изваяние, молится, чтобы ОН ТОЖЕ РАСПЛАВИЛСЯ. Все это имеет природу Магии, независимо от Теологии или философии и, как правило, более примитивно, чем они. И все же это интересует нас, потому что указывает на устойчивый инстинкт древнего человека, на который я уже ссылаясь, — инстинкт его единства и непрерывности с остальным творением и общей жизни, настолько тесной, что самые незначительные его действия могут вызвать далеко идущую реакцию во внешнем мире.

Таким образом, человек, независимо от какой-либо веры в богов, может способствовать приходу Весны с помощью магических церемоний. Если вы хотите, чтобы появилась Растительность, вам нужен дождь; а создатель дождя почти во всех первобытных племенах был САМЫМ важным персонажем. Обычно он основывал свои ритуалы на довольно причудливых ассоциациях, например, когда вызывающий дождь у манданов носил на голове шкуру ворона (птица бури) или разрисовывал свой щит красными зигзагами молний (1); но частично, без сомнения, он наблюдал реальные факты или ему передали знание о них — например, что когда надвигается дождь, громкие звуки приведут к его быстрому падению, факт, который мы, современные люди, имели возможность заметить на полях сражений. Возможно, он заметил, что во время грозы за особенно громким раскатом грома обычно следует сильно усилившийся ливень. Он даже заметил (в чем я часто убеждался в окрестностях Шеффилда), что обильный дым от костров создает дождевые облака, и поэтому вполне естественно он пришел к выводу, что именно его ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ курением возымели желаемый эффект. Пока что он был на пути элементарной науки. И поэтому он делал "ревунов-быков", имитирующих шум ветра и благословенный гром, приносящий дождь, или бил в большие бронзовые тарелки одним и тем же предметом. Бычий голос, громовые барабаны и звон тарелок использовались в этой связи греками и упоминаются Эсхилом (2); но бычий рев в виде деревянного ромба, вращающегося на конце веревки, по-видимому, известен или был известен во всем мире. Это довольно подробно описано мистером Эндрю Лэнгом в его книге "Обычай и миф" (стр. 29-44), где он говорит, что "это всегда находили как священный инструмент, используемый в религиозных мистериях в Нью-Мексико, Австралии, Новой Зеландии, Древней Греции и Африке".

(1) См. "Североамериканские индейцы" Кэтлина, Письмо 19.

(2) Фемида, стр. 61.

Иногда, конечно, вызыватель дождя добивался успеха; но о внутренних причинах дождя он почти ничего не знал; он был даже более невежественен, чем мы! Его основная идея была более 'магической', а именно, что сам звук будет взывать к ДУХАМ дождя и грома и заставит их откликнуться. Ибо, конечно, гром (на иврите Бат-Кол, "дочь Голоса") повсюду считался проявлением духа. (1) Следовательно, издавать звуки, подобные грому, естественно, привлекло бы внимание такого духа; или же он, вызывающий дождь, мог бы издавать звуки, подобные дождю. Он изготовил тыквенные погремушки (известные во многих частях света), в которых он растирал сухие семена или мелкие камешки с самой соблазнительной настойчивостью, подобной дождю; или иногда, подобно библейским жрецам Ваала (2), он резал себя ножами, пока кровь не падала на землю крупными каплями, наводящими на мысль о надвигающемся ливне с грозой. "В Мексике бога дождя умиловляли жертвоприношениями детей. Если дети плакали и проливали много слез, те, кто нес их, радовались, будучи убеждены, что дождя тоже будет много". (3) Иногда он, вызывающий дождь, СВИСТЕЛ, призывая ветер, или, подобно индейцам Омахи, хлопал своими одеялами с той же целью.

(1) См. А. Ланг, указ. соч.: "Говорят, что раскаты грома - это его голос, призывающий дождь пролиться и сделать траву зеленой". Это те самые слова Умбары, менестреля Племена (австралийца).

(2) I Царств XVIII.

(3) Цитируется из "Саагуна II, 2, 3" А. Ланга в "Мифе, ритуале и религии", том. ii, стр. 102.

В древнем мифе о Деметре и Персефоне, который был принят столькими народами в стольких формах, Деметра—мать-Земля теряет свою дочь Персефону (которая, конечно же, олицетворяет Растительность), унесенную в подземный мир злыми силами Тьмы и Зимы. А в Греции существовал ежегодный церемониал и магический ритуал с целью восстановления утраченной и возвращения ее снова в мир. Женщины носили определенные талисманы, "еловые шишки, змей и безымянные предметы, сделанные из клейстера, чтобы обеспечить плодородие; приносились в жертву свиньи, которых бросали в глубокую расщелину в земле, а их останки впоследствии собирали и разбрасывали в качестве талисмана по полям". (1) Еловые шишки и змеи по самой своей форме были символами мужской плодовитости; змеи также из-за своей привычки вылезать из собственной кожи с обновленной яркостью и окраской наводили на мысль о воскрешении и возрождении к жизни; свиньи и свиноматки своей чрезвычайной плодовитостью в час жертвоприношения напоминали старой матери-Земле о том, чего от нее ожидали! Более того, без сомнения, было замечено, что разбрасывание мертвой плоти по земле или смешивание с семенами благословляло землю на большее плодородие; и таким образом, благодаря странной смеси примитивных наблюдений с определенной детской верой в то, что с помощью символов и внушений можно воззвать к Природе и побудить ее откликнуться на желания и нужды ее детей, возник этот вид церемониальной Магии. Это была не совсем Наука и не совсем Религия, но это было наивное и, возможно, не совсем ошибочное представление о связи между Природой и Человеком.

(1) См. "Четыре стадии греческой религии" Гилберта Мюррея, стр. 29.

Ибо мы можем понять, что древнейший человек еще не был сознательно отделен от Природы. Мы не только видим, что племенная жизнь была настолько сильной, что индивид редко считал

себя отличным от остального племени, или отделенным, или противопоставленным ему; но и что нечто подобного рода было верно в отношении его отношения к Животным и к Природе в целом. Этот внешний мир был частью его самого, тоже им самим. Его подсознательное чувство единства было настолько велико, что в значительной степени доминировало в его жизни. Той сообразительности и мозговой активности, которые заставляют современного человека осознавать такую пропасть между ним и животными или между ним самим и Природой, у древнего человека не существовало. Поэтому ему не составило труда поверить, что он Медведь или эму. Подсознательно он был мудрее нас. Он знал, что он медведь, или эму, или любое другое подобное животное, на котором его тотемное кредо заставляло его сосредоточивать свой ум. Следовательно, мы обнаруживаем, что между первобытным человеком и многими его животными-компаньонами существовали близость и общее согласие, которые были утрачены или значительно ослаблены в наше время. Элизи Реклус в своей очень интересной статье "Большая семья" (1) подтверждает идею о том, что так называемое приручение животных первоначально возникло не в результате какого-либо насильственного порабощения их человеком, а в результате естественной дружбы с ними, которая изначально выросла из общих интересов, стремлений и привязанностей. Так, четах из Индии (и, вероятно, пума из Бразилии) с давних времен охотился в компании своего двуногого друга, вооруженного луком и стрелами, с которым он делил добычу. У. Х. Хадсон (2) заявляет, что пума, какой бы дикой и свирепой она ни была и способная убить самую крупную дичь, никогда даже в наши дни не нападет на человека, но при жестоком обращении со стороны последнего подчиняется насилию, не сопротивляясь, с жалобными криками и всеми признаками горя. Лама, хотя и была в некотором смысле одомашнена, никогда не допускала доминирования кнута или удил, но ее все еще можно увидеть идущей рядом с бразильским крестьянином и несущей его ношу в своего рода гордом товариществе. Взаимоотношения Женщины и Коровы или Мужчины и Лошади (3) (также Слона) уходят так далеко в прошлое, что их происхождение невозможно проследить. Ласточка по-прежнему любит устраивать себе жилище под карнизом коттеджа, и ее по-прежнему приветствуют обитатели как приносящую удачу. Элизи Реклус уверяет нас, что человек-динка на Ниле называет определенных змей по имени и делится с ними молоком своих коров.

(1) Первоначально опубликовано в Le Magazine International, январь 1896 года.

(2) См. "Натуралист в Ла-Плате", глава ii.

(3) "Несомненно, что первобытный индоевропейец выращивал стада ручных или полуручных лошадей на протяжении поколений, если не столетий, прежде чем ему пришлось в голову оседлать их" (Ф. Б. Джевонс, Введение. к истории. Религия, стр. 119).

Так же и с Природой. Чувство общности, или подсознательное восприятие, которое заставляло первобытных людей ощущать свое единство с другими членами своего племени и их очевидное родство с окружающими их животными, также настолько приблизило их к общей Природе, что они смотрели на деревья, растительность, дождь, солнечное тепло как на часть своего тела, часть самих себя. Сознательная дифференциация еще не наступила. Чтобы вызвать дождь или гром, вы должны были издавать звуки, похожие на дождь или гром; чтобы побудить Растительность и посевы пробиться из земли, вы должны были прыгать и танцевать. "В Швабии и среди трансильванских саксов распространен обычай (говорит доктор Фрейзер), когда мужчина, у которого есть немного конопли, высоко прыгает в поле в надежде, что от этого конопля вырастет высокой". (1) Местные майские танцы у шеста и джеки ин Грин еще не

вымерли — даже в этой самой цивилизованной Англии. Беседка из зеленых ветвей, музыка свирелей, прыжки и кружение - все это было ободрением к приходу Весны и выражением Симпатической Магии. Когда вы чувствовали в себе прилив жизни, энергии и мужественности, вы естественным образом прыгали и танцевали, так почему бы вам не сделать это с сочувствием для придания энергии урожаю? В каждой стране мира весенний сезон и восход Солнца встречали танцами и звуками музыки. Но если вы хотели успеха на охоте или в военном деле, то вы танцевали перед собой имитационные танцы, предполагающие успешную охоту или битву. Это было не больше, чем делают наши дети сегодня, и все это было и остается частью природно-магической тенденции в человеческом мышлении.

(1) См. "Золотую ветвь", i, 139 след. Также "Искусство и ритуал", стр. 31.

Позвольте мне сделать здесь небольшую паузу. Нам с нашими академическими и отчасти школьными умами трудно проникнуть во все это и понять чувство (бессознательное или подсознательно) отождествления с окружающим миром, которое характеризовало первобытного человека, или смотреть на Природу его глазами. Дерево, Змея, Бык, початок кукурузы. Мы так хорошо знаем из наших книг по ботанике и естественной истории, что это такое. Почему наш разум должен продолжать заикливаться на них или питать сомнения относительно нашего совершенного понимания их?

И все же (невольно задаешься вопросом): видел ли кто-нибудь из нас на самом деле когда-нибудь Дерево? Я, конечно, не думаю, что видел — разве что очень поверхностно. Этот очень проницательный наблюдатель и натуралист, Генри Д. Торо, рассказывает нам, что он часто назначал встречу, чтобы посетить определенное дерево за много миль отсюда, но что или кого он видел, когда добирался туда, он не говорит. Уолт Уитмен, также проницательный наблюдатель, говорит о тюльпанном дереве, возле которого он иногда сидел - "Аполлон лесов — высокий и грациозный, но в то же время крепкий и жилистый, неподражаемый в свисании листвы и раскидывании ветвей; как будто прекрасное, жизнерадостное, покрытое листвой создание могло бы ходить, если бы только захотело"; и упоминает, что однажды во сне-трансе он действительно увидел, как его "любимые деревья выходят и с ЛЮБОПЫТСТВОМ прогуливаются вверх, по земле и вокруг". (1) Однажды автору настоящего произведения показалось, что у него было частичное видение дерева. Это был бук, стоявший несколько изолированно и еще безлистный довольно ранней весной. Внезапно я осознал его тянущиеся к небу руки и загнутые вверх кончики пальцев, как будто какая-то яркая жизнь (или электричество) струилась через них далеко в небесные просторы, и его корни, погруженные в землю и черпающие ту же энергию снизу. День был совершенно тихий, и ветви не шевелились, но в этот момент дерево больше не было отдельным организмом, а огромным существом, простирающимся далеко в космос, разделяющим и объединяющим жизнь Земли и Неба и полным самой удивительной активности.

(1) Дни образцов, издание 1882-3, стр. iii.

У читателя этой книги, вероятно, был какой-то подобный опыт. Возможно, он видел пышнолиственный ломбардский тополь, раскачивающийся во время сильного июньского шторма - ветер и солнце струятся по каждой веточке и листику, дерево в каком-то экстазе раскидывает свои ветви и купает их в страстно-неистовых ласках двух своих посетителей; или он слышал глубокое радостное бормотание какого-нибудь огромного платана с созревающими гроздьями семян, когда после нескольких недель засухи постоянный теплый дождь утоляет его

жажду; и он будет знать, что эти создания - всего лишь подобия его самого, близкие и неповторимые. глубоко связанные с ним своей любовью и голодной тоской, и, как и он сам, непостижимые.

Было бы абсурдно приписывать раннему человеку подобные сознательные умозрения, принадлежащие, скорее, двадцатому веку; и все же, я думаю, неоспоримо, что в некотором смысле первобытные народы с их быстрой подсознательной интуицией и их умами, не затуманенными простым книжным знанием, воспринимали истины, к которым мы, современные люди, слепы. Подобно животным, они пришли к своему восприятию без (индивидуальных) мозговых усилий; они узнавали вещи, не думая. Когда они ДУМАЛИ, конечно, они ошибались. Их многообещающая наука легко сбивалась с пути. Религия у них еще не приняла определенной формы; наука была столь же протоплазменной; и все, что у них было, - это странная смесь того и другого в форме Магии. Когда в более позднее время Наука постепенно определила свое мировоззрение и свои наблюдения, а религия из смутного подсознательного чувства приобрела четкие очертания в виде богов и вероучений, тогда человечество постепенно вышло на ту стадию эволюции, НА КОТОРОЙ МЫ СЕЙЧАС НАХОДИМСЯ. НАШИ научные законы и доктрины, конечно, являются лишь временными формулами, как и боги и вероучения нашей собственной и других религий; но эти вещи с их четкими и угловатыми очертаниями служили в прошлом и будут служить в будущем ступенями к другому виду знания, о котором в настоящее время мы только мечтаем, и приведут нас к обновленной силе восприятия, которое снова будет не трудоемким продуктом мысли, а прямой и мгновенной интуицией, подобной интуиции животных - и ангелов.

Вернемся к нашему Дереву. Хотя первобытный человек не размышлял об этих вещах в современном стиле, у меня все же нет обоснованных сомнений в том, что он чувствовал (и ЧУВСТВУЕТ в тех случаях, когда мы все еще можем проследить работу его разума) свое сущностное родство с обитателями леса более глубоко, хотя и менее аналитично, чем мы сегодня. Если животные со всеми их чудесными способностями являются (как мы охотно признаем) подлинной частью Природы — так что они живут, двигаются и более или менее погружены в дух окружающего их огромного мира, — то Человек, когда он впервые начал отличать себя от них, должен был долгое время оставаться в этом подсознательном единстве, отчетливо ОСОЗНАВАЯ его только тогда, когда он уже начал его терять. Этот ранний рассвет отчетливого сознания соответствовал периоду веры в Магию. В том первом мистическом озарении почти каждый предмет был окутан ореолом таинственности, ужаса или обожания. Вещи были либо табу, и в этом случае они были опасны, и часто к ним нельзя было прикасаться или даже смотреть на них, — либо они были переполнены магической благодатью и влиянием, и в этом случае они были святы, и любой ритуал, который высвобождал их влияние, также был святым. Уильям Блейк, этот современный ребенок-пророк, видел Дерево, полное ангелов; уроженец Центральной Австралии верит, что кусты являются обителью духов, которые вселяются в тела проходящих женщин и являются причиной зачатия детей; Моисей увидел в пустыне куст (возможно, мимозу), подобный пламени огня, посреди которого обитал Иегова, и он снял обувь, потому что почувствовал, что это место святое; Осириса иногда считали духом Древа (1); и в надписях упоминается как “одиноким в акации” — что любопытно напоминает нам о “неопалимой купине”. То же самое верно и в отношении других богов; в древнескандинавской мифологии Игдрасиль был великим ветвистым Мировым Ясенем, обителью души вселенной; дерево Пипул или Бо в Индии очень священно, и его ни в коем случае нельзя срубить, поскольку среди его ветвей обитают боги и духи. По своей природе он

подобен Осине и практически бесполезен (2), но настолько свят, что самый бедный крестьянин не потревожит его. Бирманцы верят, что предметы природы, но особенно деревья, являются обителью духов. “Для современного бирманца, не меньше, чем для грека давних времен, вся природа живая. Лес, река и горы полны духов, которых бирманцы называют натами. Вокруг нас сейчас живут все виды натов, хорошие и плохие, великие и маленькие, мужчины и женщины. Некоторые из них живут на деревьях, особенно на огромном фиговом дереве, которое затеняет половину акра за пределами деревни; или среди похожих на папоротник листьев тамаринда”.

(3)

(1) "Золотая ветвь", iv, 339.

(2) Хотя говорят, что сок содержит каучук.

(3) Душа народа, Х. Филдинг (1902), стр. 250.

В Индии и других странах также существуют популярные обряды ЖЕНИТЬБЫ женщин (и мужчин) на деревьях; которые предполагают, что деревья считались очень близкими к людям существами! В "Золотой ветви" (1) упоминаются многие из них, включая идею о том, что некоторые деревья мужские, а другие женские. Э. Б. Тайлор предполагает, что хорошо известная ассирийская эмблема сосновой шишки, преподносимой священником Пальме, символизирует оплодотворение — сосновая шишка мужского рода, а Пальма женского. Церемония бракосочетания бога Кришны с растением Базилик до сих пор отмечается в Индии вплоть до наших дней; и беременные женщины обнимают некоторые деревья - идея, без сомнения, заключается в том, что они даруют плодородие тем, кто их обнимает. В других случаях, по-видимому, это приносит пользу деревьям, поскольку говорят, что мужчины иногда голышом отправляются ночью на Гвоздичные плантации, чтобы посредством своего рода полового акта оплодотворить их. (2)

(1) Том i, стр. 40, Том iii, стр. 24 кв.

(2) Там же, том ii, стр. 98.

Можно продолжать множить примеры в этом направлении до бесконечности. Им нет конца. Все они указывают на то, что инстинктивно ощущал древний человек и что совершенно очевидно сегодня всем, кто не ослеплен “цивилизацией” (и Гербертом Спенсером!). что мир вокруг нас действительно глубочайшим образом сродни нам самим, что он не мертв и не бессмыслен, а чрезвычайно жив, наделен инстинктивными чувствами и интеллектом, похожими на наши собственные. Именно это восприятие, эта убежденность в нашем сущностном единстве со всем творением с самого начала лежала в основе любой Религии; однако поначалу, как я уже сказал, это вряд ли было сознательным восприятием. Только позже, когда оно постепенно стало более осознанным, оно развилось в определенные формы богов и верований — но об этом процессе я сейчас расскажу более подробно.

Следовательно, Дерево было самым близким присутствием Человека. Оно росло в самой гуще его Эдемского сада. Это обладало магической силой, которую его предварительная наука могла объяснить только случайными аналогиями и уподоблениями. Привлекательный, любимый и почитаемый из-за своих многочисленных даров человечеству — благодарного убежища, изобилия фруктов, древесины и других бесценных продуктов — почему бы ему не стать естественной эмблемой женщины, к которой через секс всегда притягивается поклонение

мужчины? Если Змея имеет несомненное сходство с мужским органом в его активном состоянии, то листва дерева или куста в равной степени напоминает женский. Что может быть более ясным, чем то, что соединение Дерева и Змеи является осуществлением в природе той сексуальной тайны, которая так сильна в жизни человека и животных? и что магический ритуал, наиболее очевидный для того, чтобы вызвать плодородие в племени или стадах (или даже посевах), заключается в создании изображения Дерева и Змеи вместе взятых, и чтобы все члены племени вместе поклонялись им и оказывали почтение. В Библии с более или менее завуалированным сексуальным значением мы встречаем это сочетание в Эдемском саду и снова в медном Змее и Шесте, которые Моисей установил в пустыне (как лекарство от огненных змей похоти); говорят, что иллюстрации того же самого можно найти в храмах Египта и Южной Индии, и даже в древних храмах Центральной Америки. (1) В мифе о Геракле золотые яблоки из сада Гесперид охраняет дракон. У этрусков, персов и вавилонян также были легенды о грехопадении человека из-за змея, искушавшего его отведать плодов священного Дерева. И Де Губернатис, (2) указывая на фаллический смысл этих историй, говорит: “легенды о дереве с золотыми яблоками или инжиром, дающем мед или амброзию, охраняемом драконами, с которого начинаются жизнь, удача, слава, сила и богатство героя, многочисленны среди всех народов арийского происхождения: в Индии, Персии, России, Польше, Швеции, Германии, Греции и Италии”.

(1) См. Древний языческий и современный христианский символизм Томаса Инмана (Trubner, 1874), стр. 55.

(2) Зоологическая мифология, том ii, стр. 410 кв.

Таким образом, мы видим, как природно-магическая тенденция человеческого разума заявляет о себе. Для некоторых из нас эта тенденция даже сильнее в случае со Змеей, чем в случае с Деревом. У. Х. Хадсон в книге "Далеко и давным-давно" говорит о "том чувстве чего-то сверхъестественного в змее, которое, по-видимому, было универсальным среди народов на примитивном уровне культуры и до сих пор сохраняется в некоторых варварских или полуварварских странах". Очарование Змеи — очарование ее таинственно скользящих движений, ее яркой энергии, ее сверкающих глаз, ее интенсивности жизни в сочетании с ее смертоносным дротиком Смерти — это то, что женщины ощущают даже больше, чем мужчины, и по причине (о которой мы уже говорили) недалеко ушли. Именно Женщина в истории о Грехопадении первой прислушалась к его предложениям. Неудивительно, что, как говорит профессор Мюррей, (1) греки поклонялись гигантскому змею (Мейлихиосу), владыке Смерти и Жизни, с церемониями умиротворения и жертвоприношениями задолго до того, как пришли к поклонению Зевсу и олимпийским богам.

(1) Четыре стадии греческой религии, стр. 29.

Или давайте возьмем пример с початком кукурузы. Некоторые люди удивляются — слыша в наши дни, что в древности люди поклонялись духу Кукурузы или богу Кукурузы, — удивляются, что какие-то человеческие существа могли быть такими глупыми. Но, вероятно, добрые люди, которые задаются таким вопросом, никогда ПО-НАСТОЯЩЕМУ НЕ СМОТРЕЛИ (своими ошеломленными городом глазами) на растущий колос пшеницы. (1) Из всех чудесных вещей в Природе я едва ли знаю что—либо, что вызывает у человека большее чувство волшебства, чем именно это — каждый год наблюдать раскрытие Колоса внутри Лезвия - сначала вздутие ножен, затем прозрачность и бело—зеленое лицо под саваном с капюшоном, а затем идеальный колос

зерна отделяется и по спирали устремляется к небу - “воскрешение пшеницы с бледным ликом, появляющимся из земли”.

(1) Даже трижды ученый доктор Фамелл цитирует, по-видимому, с одобрением, презрительные слова Ипполита, который (по его словам) “говорит об афинянах, подражающих людям в элевсинских мистериях и показывающих эпоптам (посвященным) эту великую и чудесную тайну совершенного откровения — в торжественном молчании — СРЕЗАННЫМ КУКУРУЗНЫМ СТЕБЛЕМ ([gr teqerismenon] [gr stacon])”. — Культы греческих государств, т. iii, стр. 182.

Если это зрелище поражает кого-то сегодня, то какие эмоции оно не должно было вызывать в сердцах древних людей, чей взгляд на мир был намного более прямым, чем наш, — более “анимистичным”, если хотите! Какое изумление, какая благодарность, какое избавление от страха (голодной смерти), какая уверенность в том, что это существо, которое было безжалостно убито и принесено в жертву в прошлом году для пропитания людей, действительно возродилось как спаситель людей, какая готовность принести какую—нибудь человеческую жертву взамен, как в знак признания долга, так и в качестве подарка чего—то, что, несомненно, будет милостиво принято! — (ибо разве не было хорошо известно, что там, где на землю пролилась кровь, будущий урожай был намного щедрее?) - какая готовность принять какой-нибудь магический ритуал, способный умиловить людей? невидимая сила - даже при том, что очертания и форма последней были до крайности расплывчатыми и неопределенными! Доктор Фрейзер, говоря о египетском Осирисе как об одном из многих богов кукурузы вышеупомянутого характера, говорит (1): “Примитивное представление о нем как о боге кукурузы ясно проявляется в празднике его смерти и воскресения, который отмечался в месяц Атир. Этот праздник, по-видимому, был по сути праздником посева, который должным образом приходился на то время, когда земледелец действительно бросал семя в землю. По этому случаю изображение бога кукурузы, вылепленное из земли и кукурузы, было похоронено с соблюдением погребальных обрядов в земле, чтобы, умерев там, он мог снова ожить с новыми посевами. Церемония на самом деле была заклинанием, обеспечивающим рост кукурузы с помощью симпатической магии, и мы можем предположить, что как таковая она практиковалась в простой форме каждым египетским фермером на его полях задолго до того, как она была принята и преобразована жрецами в величественном ритуале храма ”. (2)

(1) “Золотая ветвь”, iv, стр. 330.

(2) См. главу xv.

Магия в данном случае была описана мягко; глиняное изображение Осириса, покрытое молодой зеленой травинкой, было трогательно поэтичным; но, как было высказано предположение, кроважидные церемонии также были достаточно распространены. Говорят, что когда-то на могиле Осириса приносились человеческие жертвы. Мы слышали, что индейцы Эквадора приносили в жертву человеческие сердца и проливали человеческую кровь на свои поля, когда засевали их; индейцы пауни точно так же использовали человеческую жертву, позволяя его крови капать на семена кукурузы. Говорят, что в Мексике приносили в жертву девочек, и что мексиканцы иногда РАЗМАЛЫВАЛИ свою жертву (мужчину), как кукурузу, между двумя камнями. (“Я перемелю его кости, чтобы испечь себе хлеб”). У кхондов Восточной Индии, которые были особенно преданы такого рода ритуалам, сами СЛЕЗЫ страдальца были подстрекательством к новым жестокостям, поскольку слезы, конечно же, были магией Дождя.

(1)

(1) "Золотая ветвь", том vii, "Хлебный дух", стр. 236 кв.

И так далее. Мы много раз упоминали Быка как в его астрономическом аспекте первооткрывателя Весеннего Солнца, так и в его более прямой роли пахаря полей и добытчика пищи из собственного тела. "Огромная мана дикого быка," говорит Гилберт Мюррей, "занимает почти половину стадии предолимпийского ритуала". (1) Даже для нас есть что-то гипнотическое и ошеломляющее в ощущении великолепия силы, ярости и сексуальной мощи этого животного. Неудивительно, что первобытные люди поклонялись ему, или что они изобрели ритуалы, которые должны были передавать его силу и жизненную силу простым прикосновением, или что на священных праздниках они ели его плоть и пили его кровь как магический символ и средство спасения.

(1) Четыре этапа, стр. 34.

VI. МАГИ, КОРОЛИ И БОГИ

Возможно, необходимо в начале этой главы сказать еще несколько слов о природе и происхождении веры в Магию. Магия, с одной стороны, представляла собой, и достаточно ясно, зачатки религии, то есть инстинктивное ощущение внутренней неразрывности Человека с окружающим его миром, ОБРЕТАЮЩЕЕ ФОРМУ: причудливую форму, это правда, но с очень реальным воздействием на его практическую жизнь и чувства. (1) С другой стороны, это было началом науки. Это была его первая попытка не просто ПОЧУВСТВОВАТЬ, но и ПОНЯТЬ тайну вещей.

(1) Превосходный отчет об отношении магии к религии см. У. Макдугалл, Социальная психология (1908), стр. 317-320.

Неизбежно, что эти первые попытки понять были очень ребяческими, очень поверхностными. Как говорит Э. Б. Тайлор (1) о первобытных людях в целом, "они ошибочно принимали воображаемую связь за реальную". И он приводит в пример случай с жителями города Эфеса, которые протянули веревку длиной в семь фарлонгов от Города к храму Артемиды, чтобы поместить первых под защиту вторых! Нам следовало бы проложить телефонный провод и считать, что мы установили гораздо более эффективную связь; но вначале, и это вполне естественно, мужчины, как дети, полагаются на поверхностные ассоциации. У даяков Борнео (2) когда мужчины уходят сражаться, ЖЕНЩИНЫ должны использовать своего рода телепатическую магию, чтобы защитить их, то есть они сами должны рано вставать и бодрствовать весь день (чтобы темнота и сон не давали преимущества врагу); они не должны СМАЗЫВАТЬ маслом волосы (чтобы их мужья не допустили каких-либо ПРОМАХОВ); они должны есть умеренно и откладывать рис при каждом приеме пищи (чтобы мужчины не испытывали недостатка в еде). И так далее. Подобные суеверия распространены. Но постепенно они приводят к небольшим размышлениям, а затем и к большему, и так к открытию реальных и доказуемых влияний. Возможно, однажды шнур, соединяющий храм с Эфесом, был туго натянут, и было обнаружено, что по нему можно передавать сообщения, постукивая. Таким образом, был открыт факт. В эпоху, когда поклонялись плодородию, будь то у людей или животных, БЛИЗНЕЦЫ всегда считались особенно благословенными и им приписывали

магическую силу. (Созвездие Близнецов считалось особенно удачливым.) Возможно, со временем было обнаружено, что близнецы иногда рождаются в семьях, и в таких случаях они действительно приносят с собой плодovitость. В настоящее время известно, что у крупного рогатого скота больше близнецов женского пола, чем мужского. (3)

(1) Первобытная культура, том i, стр. 106.

(2) См. "Золотую ветвь", i, 127.

(3) См. "Эволюция пола" Геддеса и Томсона (1901), стр. 41, примечание.

Наблюдения такого рода, естественно, производились наиболее способными членами племени, которые, по всей вероятности, были знахарями и волшебниками, и, как следствие, в их руки попала сила. На самом деле путь к власти — и особенно это имело место в обществах, которые еще не развили богатство и собственность, — лежал через Магию. Поскольку магия олицетворяла ранние суеверия и религию, она завладевала *сердцами* людей — их надеждами и страхами; поскольку она олицетворяла науку и зачатки реальных знаний, она вселяла в их умы ощущение силы и придавала форму их жизни и обычаям. У нас нет оснований предполагать, что ранние маги и знахари были особенно порочны или стремились к простому самовозвеличиванию — не больше, чем мы должны думать то же самое о среднестатистическом сельском викарии или сельском враче наших дней. Они были просто людьми, немного более мудрыми или обученными, чем их паства. Но хотя, вероятно, в большинстве случаев их первоначальные намерения были достаточно благопристойными, они не были защищены от искушений, которые всегда приносит обладание властью, и со временем они стали склонны все больше и больше использовать эту власть для своего собственного продвижения. В вопросе религии история христианского священства на протяжении веков достаточно показывает, к какому злоупотреблению может привести такая власть; а в вопросе науки это предупреждение нам об опасностях, сопутствующих формированию научного священства, такого, какое мы видим растущим вокруг нас сегодня. В обоих случаях — будь то наука или религия — тщеславие, личные амбиции, жажда господства и сотня других пороков, если их не исправлять подлинной преданностью общественному благу, могут легко принести с собой столько же зол, сколько и тех, от которых они якобы излечиваются.

Знахарь, или Волшебник, Чародейка, или Жрец медленно, но неизбежно собирал власть в свои руки, и есть много свидетельств того, что, во всяком случае, во многих племенах именно ОН стал высшим вождем и предводительницей и заложил основы Королевской власти. Басилевс всегда был священной личностью и часто объединял в себе как глава клана должности военачальника и руководителя жреческих обрядов — подобно Агамемнону у Гомера, Саулу или Давиду в Библии. Как маг, он имел влияние на плодородие земли и, подобно непорочному царю из "Одиссеи", находился под его властью

“темная земля в свое время рождает
ячмень и пшеницу, и деревья усыпаны плодами, и всегда
стада неистощимы, а море в изобилии дает рыбу”. (1)

(1) Одиссея XIX, 109 кв. Перевод Х. Б. Коттерилла.

Ему также доверяли успех в войне как магу; и Скулкрафт в отрывке, цитируемом Эндрю Лэнгом (1), говорит об индейцах дакота: “военный вождь, ведущий отряд на войну, всегда является

одним из этих знахарей”. Однако эта связь, благодаря которой маг превращается в короля, была подробно изучена, и здесь нет необходимости подробно останавливаться на ней.

А как насчет превращения короля в бога - или Мага или Священника непосредственно в то же самое? Возможно, чтобы оценить это по достоинству, следует сделать еще одно отступление.

Как представляется, у древних народов были две главные цели в жизни: (1) способствовать плодородию скота и сельскохозяйственных культур для получения пищи; и (2) умиротворять или отгонять Смерть; и казалось совершенно очевидным — даже до появления каких-либо отчетливых фигур богов или какой-либо идеи молитвы - достичь этих целей с помощью магического ритуала. Обряды Крещения, Инициации (или Конфирмации) и многие церемонии Второго рождения, которые мы связываем с полностью сформировавшимися религиями, действительно принадлежали также к эпохе Магии; и все они подразумевали веру в своего рода перевоплощение - в жизнь, идущую непрерывно вперед и возобновляющуюся в рождении снова и снова. Любопытно, что даже в наши дни мы находим подобную веру среди самых низших дикарей. Доктор Фрейзер, говоря о племенах Центральной Австралии, говорит, что среди них прочно укоренилась вера в то, “что человеческая душа претерпевает бесконечную серию перевоплощений - живые мужчины и женщины одного поколения, являющиеся не чем иным, как духами своих предков, снова оживают и обречены возродиться в личностях своих потомков. В промежутке между двумя перевоплощениями души живут в своих местах нанджа, или локальных тотемных центрах, которые всегда представляют собой природные объекты, такие как деревья или камни. У каждого тотемного клана есть несколько таких тотемных центров, разбросанных по всей стране. Там собираются души умерших мужчин и женщин тотема, но не другие, и рождаются заново в человеческом облике, когда представляется благоприятная возможность”. (2)

(1) Миф, ритуал и религия, том i, стр. 113.

(2) "Золотая ветвь", том i, стр. 96.

И то, во что древние люди верили о человеческом духе, они верили и в духов зерна, а также в духов деревьев и растительности. Во время великого весеннего ритуала первобытных греков “племя и растущая земля обновлялись вместе: земля возрождалась из своих мертвых семян, племя - из своих мертвых предков”. И весь процесс проецируется на идею духа года, который “на первом этапе живет, затем умирает с каждым годом и, в-третьих, снова восстает из мертвых, поднимая вместе с собой весь мертвый мир. Греки называли его на этой стадии ‘Третий’ (Tritos Soter) или ‘Спаситель’; и церемонии обновления сопровождалось сбрасыванием старого года, старых одежд и всего, что загрязнено инфекцией смерти ”. (1) Таким образом, увеличение урожая и обновление племени, а в то же время уклонение и умиротворение смерти - все это обеспечивалось подобными обрядами и соответствующей церемониальной магией. (2)

(1) Гилберт Мюррей, "Четыре этапа", стр. 46.

(2) Что касается обновления племени, интересно обнаружить, что у жителей Центральной Австралии крайнюю плоть или мужские члены умерших откладывали в вышеупомянутых местах нанджа - очевидно, идея заключалась в том, что, подобно семенам кукурузы, семена человеческого урожая должны быть тщательно и церемониально сохранены для их повторного воплощения.

Во всех этих и многих других случаях, которые я не упомянул, — о магическом поклонении Быкам, медведям, баранам, кошкам, эму и кенгуру, деревьям и Змеям, Солнцу, Луне и Звездам, а также духу Зерна в его ежегодном чудесном воскрешении из земли — присутствует все та же идея или движущее вдохновение, чувство, упомянутое в предыдущей главе, чувство (едва ли еще осознающее его собственное значение) интимной взаимосвязи и единства со всем этим внешним миром, инстинктивная убежденность в том, что мир может управляться духом Человека, если человек способен управлять им. остается только найти правильный ритуал, правильное слово, правильное заклинание, с помощью которого можно это осуществить. Все окружала аура эмоций — ужаса, табу, очарования, желания. Мир для этих людей был прозрачен благодаря присутствию, связанному с ними самими; и хотя голод и секс, возможно, были доминирующими и в подавляющем большинстве случаев практическими потребностями их жизни, все же их взгляд на мир был по сути поэтичным и образным.

Более того, будет видно, что в этот век магии и веры в духов, хотя существовало сильное ощущение того, что все живое, боги в более современном понимании мира едва ли существовали (1) — то есть у этих людей не было очень ясного видения сверхъестественных существ, сидящих в стороне и управляющих делами земли, так сказать, на расстоянии. Несомненно, эта концепция медленно развивалась, но она была только в зародыше. На данный момент — хотя могли существовать категории и степени духов (и богов) — каждое такое существо было только задумано и могло быть задумано только как действительная часть Природы, обитающая в каком-либо явлении Земли и Неба и переплетенная с Ним, и не имеющая отдельного существования.

(1) Обсуждение эволюции РЕЛИГИИ из МАГИИ см. в книге Вестермарка "Происхождение моральных идей", гл. 47.

Как же тогда, спросят, в конечном счете возникла вера в отдельных богов и богинь, каждая из которых имеет свои четко очерченные очертания, характер и функции, подобно божествам Греции, Индии, египетской или христианской религий? На этот вопрос Джейн Харрисон (в своей книге "Фемида" и других книгах) дает оригинальный ответ, который перекликается с моими собственными предположениями (в "Искусстве созидания" и других местах) Я склонен согласиться. Дело в том, что фигуры сверхъестественных богов возникли в результате процесса в человеческом сознании, подобного тому, который использует фотограф, когда, фотографируя несколько лиц на одной пластинке и таким образом накладывая их изображения друг на друга, он создает так называемую "составную" фотографию или изображение. Таким образом, в сфере фотографии портреты множества членов одной семьи, наложенные друг на друга, могут создавать составной образ или идеал этого семейного типа, или портреты ряда ацтеков или ряда индейцев-апачей - идеалы соответственно ацтекского или апачского типов. И таким образом, в ментальной сфере каждого члена племени многочисленные образы хорошо известных Воинов, или Жрецов, или мудрых и грациозных Женщин этого племени неизбежно соединялись в конце концов в составные фигуры богов и богинь, на которых были сосредоточены энтузиазм и обожание племени. (1) Мисс Харрисон остроумно предположила, как ведущие фигуры в магических ритуалах прошлого — будучи фигурами, на которых были сосредоточены все взгляды; и чья важность запечатлелась бы в сознании каждого — способствовали этому процессу. Страдающая Жертва, связанная, подвергнутая бичеванию и распятая, повторяющаяся год за годом как центральная фигура тысячи ритуальных процессий, в конце концов была бы драматизирована и идеализирована в сознании великой расы в виде

Страдающего Бога - Иисуса Христа, или Диониса, или Осириса, — расчлененного или распятого ради спасения человечества. Жрец или Знахарь — или, скорее, последовательность Жрецов или Знахарей, — чьи фигуры будут повторяться снова и снова в качестве руководителей и распорядителей церемоний, в конце концов будут прославлены в виде составного образа Бога, в котором сосредоточены все магические силы. “Недавние исследования, ” говорит Гилберт Мюррей, “ в изобилии показали нам, как древние греческие знахари вызывали гром, молнию и дождь”. Вот зародыш Зевса или Юпитера. Конкретный знахарь может потерпеть неудачу; это не так уж важно; он всего лишь индивидуальный представитель прославленного и сложного существа, существующего в сознании племени (точно так же, как современный король может быть недостойн, но все равно окружен вековым очарованием Королевской власти). “Настоящий [gr qeos], огромный, непогрешимый, находится где-то далеко, возможно, скрытый в облаках, на вершине какой-нибудь неприступной горы. Если однажды подняться на гору, бог переместится на верхние небеса. Главный лекарь тем временем остается на земле, по-прежнему оказывая влияние. У него есть какая-то связь с великим богом, более тесная, чем у других людей... он знает правила обращения к нему и вознесения молитв”. (2) Таким образом, Знахарь, или Жрец, или Маг (ибо это всего лишь три имени для одной фигуры) представлял собой одну ступень в эволюции бога.

(1) См. “Искусство творения”, глава viii, “Боги как явления Расовой жизни”.

(2) Четыре стадии, стр. 140.

И еще дальше в эволюционном процессе мы можем проследить (как в главе iv выше) обожествление четвероногих животных, птиц, змей, деревьев и тому подобного, начиная с персонификации коллективных эмоций племени по отношению к этим существам. Например, у людей, чьей основной пищей было медвежатина, чьим тотемом был медведь, и которые верили, что произошли от медвежьего предка, в племенном сознании вырастал образ, окруженный ореолом эмоций - эмоций голодного желания, почтения, страха, благодарности и так далее — образ *божественного Медведя*, в котором они жили, двигались и существовали. Для другого племени или группы, в ежегодном ритуале которых Бык, Ягненок или Кенгуру играли ведущую роль, точно так же возник бы образ священного быка, божественного ягненка или священного кенгуру. Другая группа снова может прийти к поклонению Змее как своему главенствующему гению или определенному виду Дерева просто потому, что эти предметы были и оставались на протяжении веков важными факторами в ее годовой и сезонной Магии. Как предполагают Райнах и другие, это было Табу (порожденное страхом), которое, сначала запрещая контакт с тотемным животным, жрецом или магом-вождем, постепенно внушало ему Благоговейный Трепет и Божественность.

Согласно этой теории, бог — взрослый бог в человеческом обличье, обитающий отдельно и за пределами земли — появился не первым, а был поздним и более законченным продуктом эволюции. Он постепенно вырос из предшествующих культов животных и тотемных систем. И эта теория во многом подтверждается тем фактом, что в огромном количестве ранних культов боги представлены человеческими фигурами с головами животных. Египетская религия была полна таких божеств — Анупис с головой шакала, Амон с головой барана, Осирис с бычьим лицом или Мут, царица тьмы, одетая в шкуру стервятника; Минотавр на Крите; в Греции Афина с головой совы или Геракл в маске из шкуры и челюстей чудовищного льва. Что может быть более очевидным, чем то, что, следуя племенному поклонению любому тотемному

животному, жрец, знахарь или фактический король, проводящий магический ритуал, должен надеть шкуру и голову этого животного и носить ее как своего рода маску - отчасти для того, чтобы предстать перед людьми как истинный представитель тотема, а отчасти также для того, чтобы получить от шкуры магические свойства и ману зверя, которыми он затем мог должным образом поделиться с толпой? Следует помнить, что Зевс носит эгиду, или козью шкуру — говорят, это шкура козы Амальтеи, вскормившей его грудью в младенчестве; существует ряд легенд, которые связывают аркадскую Артемиду с поклонением медведю, Аполлона - с волком и так далее. И, что наиболее любопытно, поскольку показывает сходство обрядов между Старым и Новым Светом, найдено множество примеров ношения масок зверей во время религиозных процессий среди коренных племен как Северной, так и Южной Америки. В Атласе Спикса и Мартиуса (которые вместе путешествовали по лесам Амазонии около 1820 года) есть понятное и характерное изображение мужчин (и некоторых женщин) из племени текуна, движущихся процессией по лесу в основном обнаженными, за исключением голов животных и масок — масок, изображающих журавлей различных видов, уток, опоссумов, ягуаров, попугаев и т.д., Вероятно, символизирующих их соответствующие кланы.

Можно справедливо предположить, что с помощью какого-то подобного процесса формы Богов медленно вытягивались из реальных фигур мужчин и женщин, юношей и девушек, которые год за годом принимали участие в древних ритуалах. Точно так же, как майская королева или Дед Мороз у нас являются идеализированными формами, происходящими от множества счастливых дев или седобородых стариков, которые играли ведущие роли в майских или декабрьских мумиях и таким образом достигли своего апофеоза в нашей литературе и традиции, - так, несомненно, Зевс с его громами и стрелами молний является идеализацией Жреческого создателя дождя и повелителя бурь, возносящегося на Небеса; Арес — бог войны, аналогичная идеализация ведущего воина в ритуальном военном танце, предшествующем нападению на соседнее племя; и Меркурий - пеший Вестник, отправляющийся на Небеса. чья быстрота в те дни (без пара или электричества) была столь ценным достоянием племени.

И здесь следует помнить, что это объяснение происхождения богов применимо только к ФОРМАМ различных божеств. Это не относится к происхождению широко распространенной веры в духов или в Великих Духов вообще; это, как я думаю, станет ясно, имеет совсем другой источник. Некоторые люди насмеялись над ‘анимистической" или "антропоморфной" тенденцией первобытного человека в его созерцании сил Природы или его представлениях о религии и богах. С какой-то возвышенной жалостью они говорят о “бедном индейце, чей неискушенный ум видит Бога в облаках и слышит его в шуме ветра”. Но я должен признаться, что мне кажется, что “бедный индеец” в целом проявляет больше здравого смысла, чем его критики, и целил своими грубыми стрелами в философскую цель более успешно, чем огромное количество его ученых последователей. Рассмотрение того, что мы сказали выше, показало бы, что древние люди ощущали свое единство с Природой настолько глубоко и интимно, что — подобно самим животным — не думали об этом сознательно и не строили теорий. Просто их жизнь заключалась в том, чтобы быть — подобно полевым зверям и деревьям в лесу — частью общего потока вещей, так сказать, недифференцированными. Что может быть более естественным или даже логически правильным, чем для них предположить (когда они впервые начали думать или дифференцировать себя), что эти другие существа, эти птицы, звери и растения, и даже солнце и луна, были одной крови с ними самими, так сказать, их двоюродными братьями и обладали той же внутренней природой? Что может быть разумнее (если они действительно приписывали СЕБЕ наличие какой-то души или духа), чем приписать

этим другим существам подобную душу или дух? Им Турн, говоря об индейцах Гвианы, говорит, что для них “весь мир кишит существами”. Конечно, это нельзя было бы истолковать как указание на неискушенный ум — если только это действительно не ум, неискушенный в школьной бессмыслице, — но, скорее, очень непосредственно воспринимающий ум. И опять же, что может быть более разумным (учитывая, что сами эти люди находились на животной стадии эволюции), чем то, что они должны с большим почтением относиться к какому—нибудь идеальному животному — двоюродному брату или предку, - сыгравшему важную роль в существовании их племени, и сделать из этого животного тотемную эмблему и символ их общей жизни?

И, далее, что может быть более естественным, чем то, что, когда племя в какой-то степени вышло за пределы животной стадии и начало осознавать жизнь более разумную и эмоциональную — фактически, более человеческую, — чем жизнь полевых зверей, что оно должно тогда в своих ритуалах и церемониях сбросить звериную маску и отдать дань уважения внутреннему и более человеческому духу. Поднимаясь к более просветленному осознанию своих собственных интимных качеств и все еще глубоко проникнутый чувством своего родства с внешней природой, он неизбежно и совершенно логично наделил бы последнюю внутренней жизнью и интеллектом, более отчетливо человеческими, чем раньше. Его религия на самом деле стала бы БОЛЕЕ ‘антропоморфной’, а не менее; и каждый видит, что это процесс неизбежный; и неизбежный, несмотря на определенные оговорки в этом процессе, из-за очевидных элементов нашей ‘Цивилизации’ и временного и ошибочного господства свинцоглазой так называемой ‘Науки’. Согласно этой точке зрения, истинная эволюция религии и мировоззрения человека происходила не через отрицание человеком своего единства с миром, а через более глубокое видение и понимание этого единства. И чем глубже он понимает себя, тем с большей уверенностью он распознает во внешнем мире Существо или существа, похожие на него самого.

У. Х. Хадсон, чей ум, безусловно, не заслуживает насмешек, говорит об анимизме как о “проекции нас самих на природу: ощущение и постижение интеллекта, подобного нашему собственному, но более мощного во всех видимых вещах”; и продолжает: “Несмотря на мой возраст, та же примитивная способность, которая проявилась в моем раннем детстве, все еще сохраняется, и в те ранние годы была настолько мощной, что я почти боюсь сказать, насколько глубоко она меня тронула”. (1) Никогда не забудется и то, что Шелли однажды сказал: —

Неподвижный столб веса горы
- это активный живой дух. Каждое зернышко
разумно как в единстве, так и по частям,
И мельчайший атом постигает
мир любви и ненависти.

(1) Далеко и давным-давно, глава xiii, стр. 225.

Тенденция к анимизму, а затем и к антропоморфизму, я бы сказал, неизбежна и совершенно логична. Но огромная ценность работы, проделанной некоторыми из тех исследователей, которых я цитировал, заключалась в том, чтобы показать, что у довольно примитивных людей (чья внутренняя жизнь и ‘душевное чувство’ были лишь очень слабыми) их проекции интеллекта на Природу были соответственно слабыми. Отражения самих себя, спроецированные в потусторонний мир, не могли достигать размеров вечных “богов”, но были скорее эфемерными

фантомами и привидениями; и, следовательно, церемонии и вероучения того периода правильнее описывать как Магию, чем как Религию. Действительно, были большие споры относительно того, существовала или не существовала в ходе религиозной эволюции доанимистическая стадия. Вероятно, конечно, эволюция человека в этом вопросе должна была быть совершенно непрерывной от стадий, представляющих собой самое слабое или абсолютно несовершенное анимистическое чувство, до самых высоких проявлений антропоморфизма; но поскольку имеется много свидетельств того, что *животные* (особенно собаки и лошади) видят призраков, исследование, безусловно, следует расширить настолько, чтобы включить в него дочеловеческие виды. В любом случае следует помнить, что речь идет о *сознании*, то есть о том, насколько далеко и в какой степени развито самосознание у животного, или первобытного человека, или цивилизованного человека, и, следовательно, насколько далеко и в какой степени животное или человеческое создание приписало внешнему миру подобное сознание. Это не вопрос того, есть ли *это* внутренняя жизнь и суб-сознание, общее для всех этих тварей земли и неба, потому что, как я понимаю, это факт бесспорный характер; все они возникают или возникали из той же матрицы, а коренятся в личности; но это вопрос того, насколько они *на курсе* этого, и как далеко в разлуке (что гений эволюции) каждое индивидуальное существо становится сознательным внутренних дел природы как его самого, так и других существ *и* великого целого, которое включает в себя их все.

Наконец, и чтобы избежать недопонимания, позвольте мне сказать, что антропоморфизм в представлении человека о богах сам по себе, конечно, является лишь этапом, которому суждено пройти. В той мере, в какой этот термин указывает на веру в божественные существа, соответствующую нашему **НЫНЕШНЕМУ** представлению о самих себе — то есть как об отдельных личностях, имеющих каждая отдельный и ограниченный характер и функцию и движимых сепаратистскими мотивами честолюбия, обладания, власти, тщеславия, превосходства, покровительства, алчности, самодовольства и т.д. - в той мере, в какой антропоморфизм является выражением такого рода веры, ему, конечно, суждено исчезнуть вместе с иллюзией, из которой он истекает. Когда человек достигает окончательного сознания, в котором идея такого "я", высшего или низшего, или каким-либо образом враждебного другим, перестает действовать, тогда он возвращается к своему первому и изначальному состоянию и перестает нуждаться в **КАКОЙ-ЛИБО** особой религии или богах, осознавая себя и всех своих братьев божественными, источником и совершенным результатом всего сущего.

VII. ОБРЯДЫ ИСКУПЛЕНИЯ

В нетленной книге Ричарда Джеффриса "История моего сердца" есть отрывок, хорошо известный всем любителям творчества этого поэта—прозаика, в котором он изображает себя стоящим "перед Королевской биржей, где широкая мостовая тянется, как мыс", и размышляющим об огромной толпе и тайне жизни. "Существует ли какая-либо теория, философия или вероучение, - говорит он, - существует ли какая-либо система культуры, какой-либо сформулированный метод, способный удовлетворить каждый отдельный элемент этого бурлящего потока человеческой жизни? Чем они могут руководствоваться, на что они могут надеяться, с каким нетерпением ждать? Не просто иллюзия жаждущего сердца — что-то

реальное, столь же реальное, как прочные стены фактов, о которые они бьются, подобно водорослям; что-то, что даст каждой отдельной личности солнечный свет и цветок в ее собственном существовании сейчас; что-то, что приведет этот труд миллионов рук к цели и результату, который оставит больше солнечного света и цветов тем, кто должен преуспеть? Что-то реальное сейчас, а не в стране духов; сейчас, в этот час, когда я стою и палит солнце.... Прекрасно сознаю, что все потерпело неудачу, и все же, бок о бок с печалью от этого осознания, во мне продолжает жить неугасимая вера, мысль, горящая, как солнце, что еще есть что найти.... Это должно быть вызвано мощью мысли из необъятных сил Вселенной”.

В ответ на этот отрывок мы можем сказать: “Нет, тысячу раз нет! не существует теории, философии, вероучения, системы или сформулированного метода, которые удовлетворяли бы потребности каждого отдельного элемента человеческого водоворота”. И мы счастливы узнать, что такого понятия не существует! Как ужасно, если бы одна из этих бескровных ‘систем”, которыми пронизана история религии и философии, а также политические и социальные пути человеческих устремлений, была признана абсолютно правильной и универсально применимой — так, чтобы каждое человеческое существо было вынуждено проходить через ее подобную машине пасть, чтобы каждая личность была раздавлена ее колесами Джаггерната! Нет, слава Богу! нет никакой теории, или вероучения, или системы; и все же есть нечто — как Джеффрис пророчески предчувствовал и с великой тоской желал — что МОЖЕТ удовлетворить; и на это, на корень всей религии, был намек в последней главе. Это СОЗНАНИЕ мировой жизни, горячей глубоко внутри нас: это интуиция Души о ее корнях в Вездесущности и Вечности.

Боги и верования прошлого, как показано в предыдущей главе, какими бы они ни были, анимистическими, антропоморфными или трансцендентальными, грубыми или безмятежно идеальными и абстрактными, по сути, являются проекциями человеческого разума; и, без сомнения, те, кто стремится дискредитировать религиозный импульс в целом, поймут это и скажут: “Да, это всего лишь формы и фантомы разума, эфемерные мечты, спроецированные на фоне Природы и не имеющие реальной сущности или солидной ценности. История религии (скажут они) - это история заблуждений; зачем тратить на это время? Эти божественные Медведи гризли или Змеи-Эскулапы, эти Пушты с кошачьими мордами, эта Исида, царица небесная, и Астарта, и Ваал, и Индра, и Агни, и Кали, и Деметра, и Дева Мария, и Аполлон, и Иисус Христос, и сатана, и Святой Дух - всего лишь тени, отбрасываемые на экран; строение человеческого разума заставляет их всех быть антропоморфными; но это все; все они неизбежно проходят. Зачем тратить на них время?”

И это в некотором смысле совершенно справедливый взгляд на этот вопрос. Эти боги и вероучения - всего лишь проекции человеческого разума. Но все равно это упускает из виду, с этой точки зрения, существенный факт. Он упускает из виду тот факт, что тени без огня не бывает, что само существование тени указывает на то, что где-то есть свет (хотя мы можем и не видеть его непосредственно), а также на существование твердой формы, которая перехватывает этот свет. Глубоко, очень глубоко в человеческом разуме таится этот горящий сверкающий свет мирового сознания — настолько глубокий, что подавляющее большинство индивидуумов едва ли осознают его существование. Их взгляд, обращенный наружу, прикован к гигантским фигурам и процессиям, проходящим по их небу; они не осознают, что последние — всего лишь тени - силуэты форм, населяющих их собственные умы. (1) Подавляющее большинство людей никогда не наблюдали свой собственный разум; свои собственные ментальные формы. Они наблюдали только отражения, отбрасываемые ими. Таким образом, в данном случае можно

сказать, что существует три степени реальности. Существуют простые тени — наименее реальные и наиболее мимолетные; существуют действительные ментальные очертания человечества (и индивидуума), гораздо более реальные, но сами по себе также, конечно, медленно изменяющиеся; и наиболее реальным из всех и постоянным является свет, “который озаряет каждого человека, проходящего в мир” — великолепный свет мирового сознания. Об этом последнем можно сказать, что оно никогда не меняется. Ему известно все - даже самые ПРЕПЯТСТВИЯ на пути к его сиянию. Но поскольку тени отбрасываются препятствиями сиянию света, то теперь мы можем понять, что вещи этого мира и человечества, хотя и реальны в своей степени, имеют в основном своего рода отрицательную ценность; это непрозрачность, облака, материализм, невежество, и внутренний свет, падающий на них, постепенно выявляет их отрицательный характер и постепенно растворяет их, пока они не растворятся в чрезвычайном и вечном Великолепии. Я думаю, Джеффрис, задавая вопрос, с которого я начал эту главу, в каком-то смысле подсознательно, если не совсем сознательно, знал ответ. Его частые упоминания о палящем солнце на протяжении всей истории "Сердца", по-видимому, свидетельствуют о его истинном, глубинном мировоззрении.

(1) См. в той же связи "Аллегорию пещеры" Платона, "Республика", книга vii.

Теневые фигуры вероучений и теогоний действительно исчезают, как эфемерные сны; но говорить, что время, потраченное на их изучение, потрачено впустую, было бы ошибкой, поскольку они имеют ценность как указания на вещи гораздо более реальные, чем они сами, а именно на стадии эволюции человеческого разума. Тот факт, что определенный образ бога, каким бы гротескным и странным он ни был, или определенное вероучение, каким бы ребяческим, жестоким и нелогичным, долгое время владели сердцами людей в любом уголке или на континенте мира, является веским доказательством того, что в то время это представляло собой реальное формирующее побуждение в сердцах этих хороших людей и определенный этап в их эволюции и эволюции человечества. Конечно, этому было суждено исчезнуть, но это был шаг, и необходимый шаг в великом процессе; и, конечно, это было непрозрачно и жестоко, но именно через непрозрачные вещи мира, а не через прозрачные, мы начинаем осознавать свет.

Возможно, стоит привести примеры того, как некоторые ранние ритуалы и верования, сами по себе кажущиеся варварскими или нелепыми, на самом деле были признаками важных моральных и социальных концепций, развивающихся в сердце человека. Давайте возьмем, во-первых, религиозные обычаи, связанные с идеями Жертвоприношения и Греха, бесчисленные примеры которых сейчас можно найти в современных книгах по антропологии. Если мы предположим, как я делал не раз, что самым ранним состоянием Человека было такое, в котором он сознательно не отделял себя от окружающего его мира, живого и неодушевленного, то (как я также говорил) для него было совершенно естественно взять какое—нибудь животное, которое занимало большое место на его горизонте, - например, какое—нибудь пищевое животное - и уважать его как благодетеля своего племени, его далекого предка и тотемный символ; или, видя безграничное благословение кукурузных полей, поверить в некоего духа божьего. кукуруза (не совсем бог, а скорее волшебный призрак), которая, перевоплощаясь каждый год, прорастала, чтобы спасти человечество от голода. Но как только он это сделал, он должен был понять, что, срезая кукурузу или поедая своего тотемного медведя или кенгуру, он убивал свое лучшее "я" и благодетеля. В это мгновение приходило сознание РАЗОБЩЕННОСТИ, чувство греха в какой-то неопределенной, но не менее тревожной форме. Если раньше его

ритуальная магия была сосредоточена на простой цели увеличения количества животных или растительных форм его пищи, то теперь, вдобавок, его магические усилия будут направлены на предотвращение справедливого гнева духов, которые оживляли эти формы — действительно, справедливо, ибо самый грубый дикарь почувствовал бы совершенное зло и вероятность его возмездия. Ясно, что совершенное зло могло быть искуплено только эквивалентным жертвоприношением какого-либо рода со стороны человека или племени, то есть подношением тотемному животному или духу зерна какой-либо жертвы, которой эти природные силы, в свою очередь, могли бы питаться и ассимилироваться. Таким образом, силы природы были бы умиротворены, чувство единства было бы восстановлено, и первый шаг к единству был бы осуществлен.

Вряд ли есть необходимость подробно перечислять жестокие и отвратительные жертвоприношения, которые совершались в этом смысле по всему миру, иногда во искупление зла, совершенного или предполагаемого совершенным племенем или каким-либо его членом, иногда в умиротворение или для предотвращения смерти, поражения или чумы, иногда просто во исполнение какого-то давнего обычая забытого происхождения — бесконечное сдирание кожи, бичевание, сожжение и распятие жертв, проводимое со всей обдуманностью и торжественностью установленного ритуала. Я упомянул несколько случаев, связанных с посевом кукурузы. Библия полна подобных вещей, начиная с предполагаемого принесения в жертву Исаака его отцом Авраамом и заканчивая фактическим распятием Иисуса евреями. Первородные сыновья были востребованы богом, который называл себя “ревнивым”, и должны были быть искуплены только заменой. (1) О хананеях было сказано, что “даже своих дочерей они СОЖГЛИ в огне для своих богов”; (2) а о царе Моава, что, когда он увидел, что его армии угрожает поражение, “он взял своего старшего сына, который должен был править вместо него, и принес его во всесожжение на стене!” (3) Доктор Фрейзер (4) упоминает аналогичный случай с карфагенянами (около 300 г. до н.э.), принесшими в жертву двести детей из хорошей семьи в качестве умиловивления Ваалу и спасения своего любимого города от нападений сицилийского тирана Агафокла. И тем не менее мы слышим, что в тот раз еще триста молодых людей ВЫЗВАЛИСЬ ДОБРОВОЛЬНО умереть за отечество.

(1) Исход xxxiv. 20.

(2) Deut. xii. 31.

(3) 2 Царств iii. 27.

(4) "Золотая ветвь", том. “Умиравший бог”, стр. 167.

Ужасные жертвоприношения, приносимые ацтеками в Мексике своим богам Уицилопочтли, Тескатлипоке и другим, очень подробно описаны Саагуном, испанским миссионером шестнадцатого века. Жертвами были в основном военнопленные или маленькие дети; их число исчислялось тысячами. В одном случае Саагун описывает огромного идола или фигуру бога как покрытую золотом и держащую руки ладонями вверх и наклоненную вниз над котлом или печью, расположенными внизу. Детей, которых ранее торжественно несли на носилках над толпой и украшали всевозможными украшениями из перьев, цветов и крыльев, одного за другим клали на огромные руки и СКАТЫВАЛИ в пламя — как будто сам бог приносил их в жертву. (1) Когда процессия приблизилась к храму, ее участники плакали, танцевали и пели, и здесь снова обилие слез было принято за хорошее предзнаменование дождя. (2)

(1) Любопытно обнаружить, что точно такая же история (о наклоненных руках и детях, скатившихся в пламя) рассказана относительно вышеупомянутого изображения Ваала в Карфагене (см. Диодор Сицилийский, хх. 14; также "Религиозная вера Баринга Гулда", т. i, стр. 375).

(2) "A los niños que mataban, componíanlos en muchos atavíos para llevarlos al sacrificio, y llevabos en unas literas sobre los hombros, estas literas iban adornadas con plumages y con flores: iban tanendo, cantando y bailando delante de ellos... Cuando llevaban los niños a matar, si llevaban y echaban muchas lagrimas, alegrabansi los que los llevaban porque tomaban pronostico de que habian de tener muchas aguas en aquel año." Sahagun, Historia Nueva Espana, Bk. II, gl. i.

Берналь Диас описывает, как он видел одну из этих чудовищных фигур — Уицилопочтли, бога войны, всю инкрустированную золотом и драгоценными камнями; а рядом с ней стояли "жаровни, на которых горели сердца трех индейцев, вырванные из их тел в тот же день, и дым от них и аромат благовоний были жертвоприношением".

Саагун снова (в книге II, гл. 5) подробно рассказывает о принесении в жертву совершенного юноши во время Пасхи, дату которой Саагун связывает с христианским праздником Воскресения. В течение целого года юноша пользовался почетом и обожанием народа как тот самый образ бога (Тецкатлипоки), которому он должен был быть принесен в жертву. Ему были дарованы все возможности для роскоши и исполнения его последнего желания (включая четырех куртизанок, которых он пожелал). В последний и роковой день, оставив своих спутников и почитателей позади, он медленно поднялся по лестнице Храма, снимая на каждой ступеньке украшения со своего тела; ломая и выбрасывая свои флейты и другие музыкальные инструменты; пока, достигнув вершины, он не оказался распростертым на спине и животом кверху на алтарном камне, в то время как жрец обсидиановым ножом вспорол ему грудь и, выхватив сердце, поднял его, все еще бьющееся, как подношение Солнцу. Тем временем, пока сердце еще жило, был выбран его преемник на следующий год.

В книге II, гл. 7 того же произведения Саагун описывает подобное подношение женщины богине. В обоих случаях (объясняет он), когда речь шла о молодом мужчине или молодой женщине, жертвы были богато украшены в облике бога или богини, которым они приносились в жертву, и в то же время всем нуждающимся раздавалось огромное количество еды. (Здесь мы видим связь в общем сознании между даром пищи (богами) и жертвоприношением драгоценной крови (людьми).) Саагун неоднократно упоминает, что жертвы в этих мексиканских церемониях нередко приносили СЕБЯ в качестве добровольной жертвы; и Прескотт говорит (1), что принесение своей жизни в жертву богам "иногда принималось добровольно, как самая славная смерть, открывающая верный проход в Рай".

(1) Завоевание Мексики, Б.К. I, гл. 3.

Доктор Фрейзер описывает (1) древний вавилонский праздник Сакея, на котором "узника, приговоренного к смерти, одевали в царские одежды, усаживали на царский трон, позволяли отдавать любые приказы, какие ему заблагорассудится, есть, пить и развлекаться, и даже возлежать с царскими наложницами". Но по истечении пяти дней с него сняли королевские одежды, выпороли плетью и повесили или посадили на кол. Безусловно, удивительно обнаружить столь схожие обычаи, преобладающие у народов, столь удаленных друг от друга в пространстве и времени, как ацтеки шестнадцатого века нашей эры и, возможно, вавилоняне

шестнадцатого века до нашей эры, но мы знаем, что тема ежегодного жертвоприношения жертвы в костюме царя или бога - это тема, которую доктор Фрейзер специально разработал самостоятельно, и для получения дополнительной информации по ней следует обратиться к его классической работе.

(1) Золотая ветвь, “Умиравший бог”, стр. 114. (См. также С. Райнах, “Культы, мифы и религия”, стр. 94) о мученичестве святого Дасия.

Эндрю Лэнг также в отношении ацтеков в основном цитирует Саагуна и резюмирует его выводы в следующем отрывке: “Общая теория богослужения заключалась в поклонении божеству, сначала путем бесчисленных человеческих жертвоприношений, затем путем особого жертвоприношения МУЖЧИНЫ богам мужского пола, ЖЕНЩИНЫ каждой богине. (1) Последние жертвы рассматривались как живые образы или воплощения божеств в каждом конкретном случае; ибо ни одна система богослужения не допускала дальнейшего отождествления бога с жертвоприношением (? жертва), а обоих - с исполняющим обязанности священником. Связь подчеркивалась тем, что жрецы носили свежесобранные шкуры жертв - точно так же, как в Греции, Египте и Ассирии, участники церемонии надевали кожу оленя, бычью шкуру, козью шкуру или рыбу кожу жертв. Наконец, из пасты было сделано изображение бога, которое было разделено на кусочки и съедено во время отвратительного таинства теми, кто общался”. (2)

(1) Сравните праздник Таргелии в Афинах, первоначально связанный с созревaniem урожая. Была сформирована процессия, и первые плоды года были предложены Аполлону, Артемиде и Горам. Это был праздник искупления, призванный очистить Государство от всякой вины и отвратить гнев бога (Солнца). Мужчину и женщину, представляющих мужское и женское население, водили по кругу с гирляндой инжира (плодородие) на шее под звуки флейт и пение. Затем их бичевали, приносили в жертву, а их тела сжигали на берегу моря. (Неттлшип и Сэндис.)

(2) Язык, миф, ритуал и религия, том ii, стр. 97.

Какой бы отвратительной ни была вся эта картина, она представляет собой, как мы знаем, лишь уменьшенный набросок ужасной практики человеческих жертвоприношений во всем мире. Мы в ужасе поднимаем руки при мысли о том, что Уицилопочтли роняет детей прямо из своих пальцев в пламя, но мы должны помнить, что наш самый христианский святой Августин довольствовался описанием некрещеных младенцев как вечно ползающих по полу Ада! Мы можем спросить, какому богу поклонялся Августин? Существо, которое могло обречь детей на такую судьбу, было, безусловно, не лучше Мексиканского идола.

И все же Августин был великим и благородным человеком, обладавшим некоторыми отнюдь не недостойными представлениями о величии своего Бога. Точно так же ацтеки были во многих отношениях утонченным и артистичным народом, и их религия состояла не только из суеверий и кровопролития. Прескотт говорит о них (1), что они верили в верховного Творца и Господа, “вездесущего, знающего все мысли, дающего все дары, без которого Человек — ничто, невидимого, бестелесного, единого Бога, совершенного совершенства и чистоты, под крыльями которого мы находим покой и надежную защиту”. Как мы можем примирить святого Августина с его собственным дьявольским верованием или религиозные верования ацтеков с их невыразимой жестокостью? Возможно, мы можем примирить их, только вспомнив, из каких глубин варварства и из каких кошмаров навязчивого Страх медленно выходил человек — и даже сейчас только медленно выходит; вспомнив также, что древние церемонии и ритуалы

Магии и Страху сохранялись и культивировались массами в каждой нации еще долго после того, как более смелые и благородные умы обрели возможность дышать более чистым воздухом; вспомнив, что даже по сей день в каждом человеке Старое и Новое долгое время так причудливо переплетаются. Трудно поверить, что практика принесения в жертву людей и животных (с любыми отвратительными подробностями) культивировалась девятью десятилетиями человеческой расы по всему земному шару из чистой извращенности и без какой-либо причины, которая, во всяком случае, самим преступникам казалась убедительной. Сегодня (1918 г.) мы являемся свидетелями Великой Европейской войны, карнавала человеческой резни, который по масштабам и варварству одним махом затмевает все накопленные церемониальные жертвоприношения исторических эпох; и когда мы спрашиваем, почему и для чего это ужасное зрелище, нам говорят, по-видимому, со всей искренностью, и обе вовлеченные стороны, о благородных целях и высшей морали, которые вдохновляют и вынуждают его. Вряд ли в этом последнем случае мы можем полностью не верить в искренность заявления, так почему же мы должны делать это в первом случае? В обоих случаях мы понимаем, что под поверхностными предлогами и моральными устоями Страх является и был великой побуждающей и повелевающей силой.

(1) Завоевание Мексики, Б.К. I, гл. 3.

Правда в том, что Грех и Жертва представляют собой — если вы однажды допускаете подавляющее влияние страха — совершенно разумные взгляды на человеческое поведение, инстинктивно принятые человечеством с древнейших времен. Если в момент опасности или проявления эгоистичной жадности вы бросили своего брата по племени или подло воспользовались им, вы 'согрешили' против него; и, естественно, вы искупили этот грех какой-либо эквивалентной жертвой, принесенной тому, кому вы причинили зло. Такая идея и такая практика были самой основой социальной жизни и человеческой морали и, должно быть, возникли сразу же, как только в ходе эволюции человек стал СПОСОБЕН отличать себя от своих собратьев и рассматривать свое собственное поведение как поведение "отдельного я". Именно в самой концепции отдельного "я" впервые зародились "грех" и разобщенность; и именно посредством "жертвы" были восстановлены единство и гармония, осуществлены умиротворение и искупление.

Но в те древнейшие времена, как я уже неоднократно указывал, человек чувствовал себя тесно связанным не только со своим соплеменником, но и с животными и с Природой в целом. Дело было не столько в том, что он ДУМАЛ так, сколько в том, что он никогда НЕ думал ИНАЧЕ! Подсознательно он ЧУВСТВОВАЛ, что является частью всего этого внешнего мира. И поэтому он принял в качестве своих тотемов или правящих духов всевозможных животных, как мы уже видели, и всевозможные явления природы, такие как дождь, огонь, вода и облака, а также солнце, луну и звезды, которые Мы считаем совершенно бессмысленными и неодушевленными. Поэтому по отношению к этим, казалось бы, бессмысленным вещам он испытывал те же угрызения совести, которые, как я описал, он испытывал по отношению к своим собратьям по племени. Он мог согрешить и против них. Он мог согрешить против своего тотемного животного, съев его; он мог согрешить против своего 'брата быка', потратив его силы на работу за плугом; он мог согрешить против кукурузы, срубив ее и перемоловав в муку, или против драгоценной и прекрасной сосны, вонзив топор в ее корни и превратив ее просто в древесину для своего дома. Более того, без сомнения, он мог согрешить против элементарной природы. В этом, возможно, было бы труднее быть уверенным, но когда нельзя было ошибиться

в признаках стихийного недовольства — когда дождь не шел месяцами, или бури и молнии несли смерть и разрушения, когда неурожай или злые чумы поразили человечество, — тогда не могло быть никакой уверенности в том, что он согрешил; и Страх, который преследовал его подобно демону с первого дня, когда он осознал свою отделенность от своих собратьев и от Природы, стоял над ним и побуждал к ужасным умиловлениям.

Во всех этих случаях очевидной была какая-то жертва в качестве возмещения ущерба. Мы видели, что во искупление вырубки кукурузы часто убивали человеческую жертву. Дух кукурузы явно одобрял это, потому что там, где были разбросаны кровь и останки жертвы, кукуруза всегда прорастала более обильно. Племя или группа людей возмещали таким образом ущерб зерну; дух зерна означал одобрение. "Грех" был искуплен, и гармония восстановлена. Иногда жертва приносилась добровольно соплеменником; иногда она была принудительной, по жребию или иным способом; иногда жертвой был раб или плененный враг; иногда даже животное. Все это не имело особого значения. Главное заключалось в том, что формальное искупление было совершено, и гнев духов был предотвращен.

Известно, что племена, главным пищевым животным которых был медведь, считали необходимым время от времени убивать и съедать медведя; но они не могли этого делать без чувства вины и некоторого страха мести со стороны великого духа Медведя. Поэтому они съели убитого медведя на общем пиру, на котором соплеменники разделили вину и отпраздновали свою общность своим тотемом и друг с другом. И поскольку они не могли возместить ущерб непосредственно самому убитому животному ПОСЛЕ его смерти, они возместили ущерб РАНЬШЕ, принося ему всевозможные подарки и еду в течение длительного периода времени и оказывая ему всевозможные знаки поклонения и уважения. То же самое с быком и волком. Как я уже упоминал, на празднике Буфонии в некоторых городах Греции приносили в жертву самого красивого и тщательно выращенного быка, которого только можно было достать; его увенчивали цветами и вели в процессии со всеми знаками почтения и поклонения. И когда — как я уже указывал — на великом весеннем празднике вместо быка, козла или барана приносили в жертву ЧЕЛОВЕКА, существовал обычай (который можно проследить очень широко по всему миру) кормить, баловать и чтить жертву до последней степени в течение целого ГОДА перед заключительной церемонией, часто наряжая его как короля и возлагая корону на его голову в знак признания благородной и необходимой работы, которую он выполнял для общего блага.

Какой трогательной и красивой была эта церемония, особенно относящаяся к Северу Сирии и землям, где сосна является таким благодетельным и любимым деревом, — траурная церемония смерти и погребения Аттиса! когда сосну, срубленную топором, выдалбливали, а в дупло помещали изображение (часто само вырезанное из сосны) молодого Аттиса. Может ли какой-либо символизм более нежно выразить идею о том, что славный юноша, олицетворявший Весну, слишком рано убитый грубым ударом Зимы, сам был той самой человеческой душой сосны? (1) В какой-то более ранний период, без сомнения, в жертву приносили настоящего юношу, и его тело привязывали к сосне; но теперь считалось достаточным, чтобы девушки пели свои дикие песни плача; а жрецы и мужчины-энтузиасты резали себя ножами или приносили в жертву (что они и делали) Матери-Земле драгоценное кровавое подношение своих мужских органов — символов плодородия в обмен на обещанное и ожидаемое обновление Природы и урожая предстоящей весной. Ибо церемония, как мы уже видели, не закончилась смертью и плачем, а совершенно естественно продолжилась через день или два праздником

воскресения, когда было обнаружено — точно так же, как в случае с Осирисом, — что сосновый гроб был пуст, а бессмертная жизнь улетучилась. Как странно сходство и параллелизм всего этого с историей Иисуса в Евангелиях — принесение в жертву жизни ради спасения людей и искупления грехов, коронование жертвы и облачение в царские одежды, бичевание и насмешки, привязывание или пригвождение к дереву, слезы Марии, воскресение и пустой гроб! — или как это вовсе не странно, если учесть, в каких многочисленных формах и среди скольких народов на самом деле праздновались та же самая притча и ритуал, и как это было на самом деле. в конце концов, он спустился, чтобы принести свою весть об искуплении в несколько малоизвестный сирийский город в той особой форме, с которой мы знакомы.

(1) See Julius Firmicus, who says (*De Errore*, c. 28): “in sacris Phrygiis, quae Matris deum dicunt, per annos singulos arbor pinea caeditur, et in media arbore simulacrum uenis subligatur. In Isiatis sacris de pinea arbore caeditur truncus; hujus trunci media pars subtiliter excavatur, illis de segminibus factum idolum Osiridis sepelitur. In Prosperpinae sacris caesa arbor in effigiem virginis formaeque componitur, et cum intra civitatem fuerit illata, quadraginta noctibus piangitur, quadragesima vero nocte comburitur.”

Хотя притча или легенда в их особой христианской форме несет в себе сознание присутствия существ, которых мы можем назвать богами, важно помнить, что во многих или большинстве своих ранних форм, хотя в них и говорилось о ‘духах’ — духе зерна, или духе весны, или духах дождя и грома, или духах тотемных животных, — они еще не вполне доросли до идеи богов. Она не поднялась до представления о вечных божествах, восседающих отдельно и управляющих миром в торжественном совете — как со склонов Олимпа или из глубин Христианских Небес. Фактически, с самого начала она принадлежала эпохе Магии. Вера в Грех и Жертву, или Вину и Искупление — называйте как хотите — совершенно естественным образом возникла в человеческом разуме, когда он столкнулся лицом к лицу с Жизнью и Природой) на какой-то ранней стадии его самосознания. По сути, это было результатом глубокого, изначального и инстинктивного чувства солидарности человека с Природой, которое в настоящее время отрицается и до некоторой степени разрушено ростом и сознательной настойчивостью эгоистичных импульсов. Это было сознание дисгармонии и разобщенности, заставлявшее людей все острее ощущать желание и необходимость примирения. Это было осознание единства, ставшего очевидным из-за самой его потери. Разумеется, подсознательным образом, как я уже указывал, предполагалось, что внешний мир является СРЕДОЙ ОБИТАНИЯ разума или разумов, сходных с человеческим; но, учитывая это, очевидно, что конкретные теории, распространенные в том или ином месте о природе мира — теории, как мы должны бы сказать, науки или теологии, — не изменили общих очертаний вероучения; они лишь окрасили его детали и придали его ритуалу иное драматическое оформление. Ментальные установки, например, Авраама, приносящего в жертву барана, или сибирского ангакута, убивающего медведя-тотема, или современного и благочестивого христианина, созерцающего Спасителя на Кресте, на самом деле почти точно такие же. Я упоминаю об этом потому, что при прослеживании истоков или эволюции религий важно четко различать то, что является существенным и универсальным, от того, что является просто локальным и временным. Некоторые люди, без сомнения, были бы шокированы только что проведенными сравнениями; но, несомненно, гораздо более вдохновляюще и обнадеживающе думать, что какой бы прогресс ни был достигнут в религиозном мировоззрении мира, он произошел благодаря постепенному умственному росту и согласию народов, а не благодаря какому-то уникальному и чудесному событию довольно произвольного и необъяснимого характера, которое

действительно могло бы никогда не повториться и в отношении которого, возможно, было бы нечестиво предлагать повторять его.

Таким образом, сознание Греха (или отчуждения от жизни в целом) и восстановления или искупления через Жертву, по-видимому, проявилось в человеческой расе в очень далекие времена и нашло отражение в некоторых древнейших ритуалах; и если мы иногда бываем шокированы варварством, сопровождавшим эти ритуалы, все же мы должны признать, что это варварство показывает, насколько сильно древние люди ощущали торжественность и важность всего происходящего; и мы должны также допустить, что варварство действительно обжигало грубые и невежественные умы чувством НЕОБХОДИМОСТИ спасения. Жертва, и, возможно, с результатом, которого нельзя было достичь никаким другим способом.

Ибо, в конце концов, теперь мы видим, что жертвоприношение составляет саму суть социальной жизни. “Целесообразно, чтобы ОДИН человек умер за народ”; и не только чтобы один человек действительно умер, но (что гораздо важнее) чтобы каждый человек был готов умереть за это дело, когда возникнет случай и необходимость. Взятое в его более широком значении и подтексте Жертвоприношение, как оно понималось в древнем мире, было совершенно разумной вещью. Оно ДОЛЖНО проникать в современную жизнь в большей степени, чем это происходит. Все, что мы имеем или чем наслаждаемся, проистекает из боли и страданий других людей или связано с ними, и — если есть хоть какая—то справедливость в Природе или Человечестве - это требует эквивалентной готовности страдать с нашей стороны. Если у христианства есть какая-то реальная сущность, то эта сущность, возможно, выражена в каком-то подобном ритуале или практике Жертвоприношения, и мы видим, что смутные зачатки этой идеи восходят к далеким обычаям дикарей, пришедшим из времен, предшествовавших всей зарегистрированной истории.

VIII. ЯЗЫЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ И ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

В предыдущей главе мы показали, как представления о Грехе и Жертве, дошедшие до нас из чрезвычайно отдаленного прошлого и воплощенные у различных народов мира иногда в грубых и кровавых обрядах, иногда в символах и ритуалах более мягкого и милосердного характера, в конце концов перешли в христианство и стали частью его вероучения и вероучения современного мира. В целом, возможно, мы можем проследить медленное улучшение этого процесса и можем льстить себя надеждой, что христианские столетия демонстрируют более философское понимание того, что такое Грех, и более гуманную концепцию того, какой ДОЛЖНА быть жертва, чем столетия предшествующие. Но я боюсь, что любое очень решительное заявление или широкое обобщение на этот счет было бы — мягко говоря, опрометчивым. Возможно, улучшение происходит очень медленно; но беглый взгляд на историю христианских церквей — ужасную злобу и месть духовенства и сект друг другу в четвертом и пятом веках нашей эры, крестовые походы в поисках ереси в Безье и других местах и массовые убийства альбигойцев в двенадцатом и тринадцатом веках, находки ведьм и сожжения в шестнадцатом и семнадцатом, отвратительные, поддерживаемые наукой и благословленные епископом войны в двадцатом - ужасы, не уступающие ни одному из тех, которые мы можем отнести на счет истории Человечества. Ацтеки или вавилоняне - должны

заставить нас задуматься. Мы также не должны забывать, что если случайно произошло существенное улучшение нашего современного мировоззрения в отношении этих вопросов, то оно началось еще до прихода христианства и ни в коем случае не может быть приписано какому-либо чудесному влиянию этой религии. Аврааму было предложено заколоть барана вместо своего сына задолго до того, как появились христиане; довольно дикая Артемида из старых греческих обрядов была (согласно Павсанию) (1) почитаема ежегодным жертвоприношением совершенных мальчика и девочки, но позже было сочтено достаточным провести ножом по их горлу в качестве символа, в результате чего пролилось всего несколько капель их крови, или выпороть мальчиков (с тем же результатом) на ее алтаре. Среди кхондов в старые времена богам приносили множество жертв (мериах), “но со временем человека заменила лошадь, лошадь - быком, быка -бараном, барана - козленком, козленка - птицами, а птиц - множеством цветов”. (2) Когда-то, согласно Яджурведе, был праздник, на котором приносились в жертву сто двадцать пять жертв, мужчин и женщин, мальчиков и девочек; “но последовала реформа, и теперь жертвы, как и прежде, были привязаны к столбу, но впоследствии, во время литаний в честь принесенного в жертву (бога) Нараяны, приносящий жертву жрец взмахнул ножом и — разорвал путы пленников”. (3) На афинском празднике Таргелии, о котором я упоминал в предыдущей главе, оказывается, что жертвы в более поздние времена вместо того, чтобы быть убитыми, сбрасывались с высоты в море, а после спасения просто изгонялись; в то время как на аналогичном празднике Левкат падение жертвы было любезно предотвращено привязыванием к ее телу перьев и даже живых птиц. (4)

(1) vii. 19 и iii. 8, 16.

(2) примитивное народное, Эли Реклю (контемп. Наука серия), стр. 330.

(3) Там же.

(4) "Дорийцы" Мюллера, книга II, глава ii, параграф 10.

Я думаю, что с течением времени и общим прогрессом человечества мы можем заметить некоторые подобные медленные улучшения в вопросе жестокости и суеверий старых религий. Насколько поздние улучшения были обусловлены прямым влиянием христианства, может быть трудным вопросом; но что, я думаю, мы можем ясно видеть — и что нас здесь особенно интересует — это то, что касается его основных религиозных идей и вопроса, лежащего в их основе (за исключением СПОСОБА их трактовки, который неизбежно различался у разных народов). Христианство является единым целым с более ранними языческими верованиями и по большей части является повторным утверждением и обновленным выражением общемировых доктрин, первое происхождение которых теряется в дымке прошлого, за пределами всей зарегистрированной истории.

Я проиллюстрировал эту точку зрения в отношении учения о грехе и жертве. Давайте возьмем два или три других примера. Давайте возьмем доктрину Повторного рождения или Регенерации. Первые несколько стихов Евангелия от Святого Иоанна посвящены теме спасения через возрождение. “Если человек не родится свыше, он не может увидеть Царствия Божьего”.... “Если человек не родится от воды и Духа, он не может войти в Царствие Божие”. Наше Служение крещения начинается со слов, что “поскольку все люди зачаты и рождены во грехе; и что наш Спаситель Христос говорит: ”Никто не может войти в Царствие Божие, если он не возродится и не родится заново от воды и Святого Духа“; поэтому желательно, чтобы этот

ребенок был крещен, "принят в Святую Церковь Христа и стал живым членом". о том же самом." Это означает, что есть одно рождение по плоти, но необходимо второе рождение, рождение по Духу и в Церковь Христову. Наша служба подтверждения - это просто служба, повторяющая и подтверждающая эти взгляды в возрасте (от четырнадцати до шестнадцати лет или около того), когда мальчик или девочка способны понимать, что делается.

Но наши церемонии крещения и Конфирмации вместе взятые, несомненно, являются точным соответствием и параллелью старым языческим церемониям Посвящения, которые существуют или наблюдались почти во всех примитивных племенах по всему миру. "Обряд второго рождения," говорит Джейн Харрисон (1), - широко распространен, универсален более чем в половине дикого мира. Для дикаря быть дважды рожденным - это правило. Своим первым рождением он приходит в мир; своим вторым рождением он становится членом своего племени. При своем первом рождении он принадлежит своей матери и женскому народу; при втором он становится полноценным мужчиной и переходит в общество воинов своего племени".... "Эти обряды очень разнообразны, но все они указывают на одну мораль: все прежнее ушло в прошлое и новорожденный человек вступил в новую жизнь. Самым простым из всех и наиболее поучительным является обряд, практикуемый племенем кикую в Британской Восточной Африке, которое требует, чтобы каждый мальчик непосредственно перед обрезанием должен был родиться заново. Мать встает, а мальчик приседает у ее ног; она притворяется, что переживает все родовые муки, и мальчик, родившийся заново, плачет, как младенец, и его омывают". (2)

(1) Древнее искусство и ритуал, стр. 104.

(2) См. также Themis, стр. 21.

Давайте на мгновение остановимся. Посвященный - это, конечно, тот, кто "входит внутрь". Он входит в Племя; он вступает в раскрытие определенных Мистерий; он становится приверженцем определенного Тотема, определенного Бога; членом нового Общества или Церкви — церкви Митры, или Диониса, или Христа. Чтобы совершить что-либо из этого, он должен родиться свыше; он должен умереть для старой жизни; он должен пройти через церемонии, символизирующие перемены. Одна из таких церемоний - омовение. Как омывают новорожденного младенца, так должен быть омыт и новорожденный посвященный; и поскольку первобытный человек (и не без оснований) считал КРОВЬ самой жизненно важной и восстанавливающей жидкостью, самым эликсиром жизни, то в древности было обычным делом омывать посвящаемого кровью. Если бы посвящаемому пришлось родиться заново, казалось бы разумным предположить, что сначала он должен умереть. Таким образом, нередко он был ранен, или подвергнут бичеванию, и крещен своей собственной кровью, или, в тех случаях, один из кандидатов действительно был убит, и его кровь использовалась в качестве замены крови других. Несомненно, человеческие жертвоприношения сопровождали самые ранние посвящения. Но позже оказалось достаточным наполовину утонуть в крови Быка, как в культе Митры (1), или "омыться в крови Агнца", как в христианской фразеологии. Наконец, с ростом чувства порядочности и эстетического восприятия у различных народов омовение чистой водой вошло в церемонии посвящения, заменив кровь; и наша служба крещения свела церемонию к простому окроплению водой. (2)

(1) См. главу iii.

(2) О добродетели, которая, как предполагается, заключается в крови, см. "Моральные идеи Вестермарка", гл. 46.

Продолжим цитату из мисс Харрисон: "Чаще всего новое рождение стимулируется или воображается как смерть и воскрешение либо самих мальчиков, либо кого-то еще в их присутствии. Так, при посвящении у некоторых племен Юго-восточной Австралии, когда мальчикисобранны, старик, одетый в волокнистую древесную кору, ложится в могилу. Его слегка засыпают палками и землей, а могилу разравнивают. Похороненный держит в руке небольшой куст, который, кажется, растет из земли, а другие кусты воткнуты в землю вокруг. Затем послушников подводят к краю могилы и поют песню. Постепенно, по мере продолжения песни, куст, который держит похороненный, начинает дрожать. Оно движется все больше и больше, и мало-помалу сам человек встает из могилы".

Странно, что на нашей собственной Службе крещения и непосредственно перед самим крещением мы читаем эти слова: "Тогда священник скажет: о милосердный Бог, сделай так, чтобы ветхий Адам в этом ребенке был ПОХОРОНЕН так, чтобы в нем воскрес новый человек: сделай так, чтобы все плотские привязанности умерли в нем и чтобы все, что принадлежит Духу, жило и возрастало в нем!" Можем ли мы сомневаться в том, что австралийский знахарь, стоя у могилы воскресшего старого чернокожего парня, разъяснял молодым посвященным ту же мораль, что и священник сегодня? для тех, кто собрался перед ним в церкви, - ибо мы действительно знаем, что у диких племен посвящения всегда были прежде всего поводом для морального и социального обучения? Можем ли мы сомневаться в том, что он сказал по существу, если не реальными словами: "Как этот человек восстал из могилы, так и вы должны восстать из своей старой детской жизни развлечений и самоудовлетворения и ВОЙТИ В жизнь племени, в жизнь Духа племени". "В тотемистических обществах, " снова процитирую мисс Харрисон, " и в тайных обществах животных, которые, кажется, выросли из них, новичок рождается заново как СВЯЩЕННОЕ ЖИВОТНОЕ. Так, у индейцев-перевозчиков (1) когда человек хочет стать лулемом или 'Медведем', в какое бы холодное время года он ни срывал с себя одежду, надевал медвежью шкуру и убегал в лес, где оставался три или четыре дня. Каждую ночь его односельчане будут выходить поисковыми группами, чтобы найти его. Они кричат "Йи!" Келулем (давай, Медведь), и он отвечает сердитым рычанием. Обычно им не удается его найти, но в конце концов он возвращается сам. Его встречают и проводят в церемониальный вигвам, и там в компании остальных Медведей торжественно танцуют его первое появление. Исчезновение и повторное появление - такой же обычный обряд инициации, как вынужденное убийство и воскрешение, и преследуют одну и ту же цель. Оба являются обрядами перехода, перехода от одного к другому." В христианских церемониях мальчик или девочка отбрасывают детские вещи и облачаются в нового человека, но вместо того, чтобы надевать медвежью шкуру, он облачается в Христа. Разница не так велика, как может показаться на первый взгляд. Отождествлять себя со своим Тотемом - значит отождествляться со священным существом, которое присматривает за вашим племенем, которое отдало свою жизнь за ваше племя; это значит родиться заново, быть омытым не только водой, но и Святым Духом всех ваших братьев. Креститься во Христа должно означать возрождение в Святом Духе всего человечества; и, без сомнения, в некоторых случаях это действительно означает это, но, к сожалению, слишком часто это сводилось лишь к притворному религиозному разрешению самых низких и ожесточенных ссор Церквей и государств.

(1) Золотая ветвь, Раздел 2, III, стр. 438.

Эта идея Нового Рождения при посвящении объясняет распространенный языческий обычай подвергать посвященных серьезным испытаниям, часто болезненным и даже опасным. Если человек хочет родиться свыше, очевидно, он должен быть готов встретить смерть лицом к лицу; одно не может быть без другого. Нужно уметь переносить боль, подобно храбрым краснокожим индейцам; подолгу голодать без еды и питья, подобно чупану среди западных индейцев, который целыми ночами бродит по ледяным полям при луне, скудно одетый и не боящийся сильного холода; преодолевать сам страх смерти и опасностей, подобно австралийским новичкам, которые, поначалу напуганные ревом быка и угрозами огня и ножа, в конце концов учатся отбрасывать свои страхи прочь. (1) Поступая таким образом, человек избавляется от старых ребяческих поступков и благодаря твердости и мужеству приобретает квалификацию, необходимую для того, чтобы стать достойным членом общества, в которое он призван. (2) Преподаются правила социальной жизни — долг перед своим племенем и перед самим собой, умение говорить правду, защита женщин и детей, уход за скотом, значение секса и брака и даже тайны тех религиозных идей и зачаточных наук, которыми владеет племя. И, поступая таким образом, человек действительно вступает в новую жизнь. Начинают проявляться явления духовного мира. Юлий Фирмик, описывая мистерии воскрешения Осириса, (3) говорит, что, когда верующие насытились стенаниями по поводу смерти бога, жрец обходил их, помазывая елеем и нашептывая: “Ободритесь, о неофиты новоявленного Бога, ибо и к нам от наших страданий придет спасение”. (4)

(1) Согласно рассказам племени Вирадтури из Западной Австралии, во время их посвящения мальчики были напуганы большим костром, который разожгли рядом с ними, и слышали ужасный рев быков, в то время как им сказали, что Дура-Мулан собирается сжечь их; легенда гласит, что Дура-Мулан, могущественное существо, чей голос звучал как гром, отведет мальчиков в кусты и обучит их всем законам, традициям и обычаям общины. Поэтому он притворился, что всегда убивал мальчиков, разрезал их на части и сжигал дотла, после чего придавал пеплу человеческий облик и возвращал их к жизни как новых существ. (См. Р. Х. Мэтьюз, “Племена Вирадтури”, журнал *Anthrop. Inst.*, том xxv, 1896, стр. 297 кв.)

(2) О посвящениях и испытаниях манданов см. в книге Кэтлина “Североамериканские индейцы”, том i.

(3) De Errore, c. 22.

(4) [гр. Каррейт, мустай тон кеу сесвсменоу,] [гр. Эстай гар хмин эк понвн свтриа.]

Похоже, что в какой-то очень ранний период истории племенных и жреческих посвящений была предпринята попытка внушить неофитам существование и затеняющее присутствие духовных и призрачных существ. Возможно, боль, перенесенная в ходе различных испытаний, длительное голодание, безмолвие в глубине лесов, в горах или среди льдин, помогли пробудить способность к провидчеству. Развитие этой способности у чернокожих и цветных народов — остииндией, бирманцев, африканцев, американских индейцев и т.д. — Хорошо известно. Мисс Элис Флетчер, прожившая среди индейцев Омахи тридцать лет, дает чрезвычайно интересный отчет (1) об общей философии этого народа и их обрядах посвящения. “Омаха считают, что все живые и неодушевленные формы, все явления пронизаны общей жизнью, которая была непрерывна и подобна силе воли, которую они осознавали в себе. Эту таинственную силу во всех вещах они называли Ваконда, и через нее все вещи были связаны с человеком и друг с другом. В идее непрерывности жизни поддерживалась связь между видимым и невидимым, мертвым и живым,

а также между фрагментом чего-либо и его целостностью". (2) Таким образом, новичок из Омахи мог в любое время попытаться получить Ваконду с помощью так называемого ОБРЯДА ВИДЕНИЯ. Он выходил один, постился, произносил заклинания и, наконец, впадал в транс (во многом напоминающий то, что в наше время называется КОСМИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ), в котором он воспринимал внутреннюю взаимосвязь всех вещей и солидарность малейшего объекта с остальной вселенной.

(1) Кратко изложено в книге "Фемида", стр. 68-71.

(2) А. К. Флетчер, Значение пряди на голове, Журнал антропологических исследований, xxvii (1897-8), стр. 436.

Другим обрядом, связанным с инициацией и распространенным во всем языческом мире — в Греции, Америке, Африке, Австралии, Нью-Мексико и т.д., — было обмазывание новичка с ног до головы глиной, мелом или даже навозом, а затем, через некоторое время, удаление того же самого. (1) В таком состоянии послушник, должно быть, выглядел достаточно уродливым и неудобным объектом; но позже, когда его тщательно ВЫМЫЛИ, церемония, должно быть, стала захватывающей иллюстрацией идеи нового рождения, которая навсегда запечатлелась в умах зрителей. Когда обмазывание производилось, как это нередко случалось, белой глиной или гипсом, и ритуал проводился ночью, легко представить, что фигуры молодых людей, передвигающихся в темноте, подкрепляли идею о том, что они были духами, принадлежащими к какому-то промежуточному миру, которые уже прошли через смерть и теперь ожидали своего второго рождения на земле (или в племени), о чем свидетельствовало бы их тщательное и церемониальное омовение. Следует помнить, что Геродот (viii) дает обстоятельный отчет о том, как фокейцы в битве с фессалийцами вымазали шестьсот своих самых храбрых воинов белой глиной, так что, выглядя как сверхъестественные существа, они напали ночью на фессалийцев, напугали последних и обратили их в немедленное бегство.

(1) См. "Миф, ритуал и религия" А. Ланга, i, 274 кв.

Таковы были — хотя и очень скудно описанные — некоторые из обрядов Инициации и Второго рождения, отмечавшихся в старом языческом мире. Тема слишком обширна для адекватного рассмотрения в нынешних рамках; но даже в этом случае мы не можем не быть поражены уместностью во многих случаях обучения, данного таким образом молодежи, конкретностью иллюстраций, эффективностью используемых символов, драматическим характером обрядов, строгим соблюдением уроков о природе и обязанностях той жизни, в которую кандидаты собирались вступить. Христианство последовало дальше и унаследовало эти традиции, но чувствуется, что в своих церемониях Крещения и Конфирмации, которые, конечно, соответствуют языческим Посвящениям, оно не дотягивает до последних. Его церемонии (конечно, в том виде, в каком мы их проводим сегодня в протестантских странах) носят весьма размытый характер; все упоминания о чрезвычайно важном предмете секса и его преподавании опущены, детали социальной и производственной морали опущены, а обучение ограничено несколькими довольно банальными уроками общей морали и религии.

Возможно, здесь уместно, прежде чем оставить тему Второго рождения, поинтересоваться, как получилось, что это учение — столь отдаленное и метафизичное, каким оно может показаться, — было воспринято и воплощено в своих верованиях и ритуалах довольно примитивными людьми по всему миру, причем до такой степени, что в конечном итоге оно было принято и

встроено в основы последних и более интеллектуальных религий, таких как индуизм, митраизм, египетский и христианский культы. Я думаю, ответ на этот вопрос следует искать в ставшем уже известным факте, что древнейшие народы настолько ощущали себя частью Природы, окружающего их животного и растительного мира, что (когда бы они ни думали об этих вещах вообще) они ни на минуту не сомневались в том, что то, что происходило вокруг них во внешнем мире, происходило и внутри них самих. Они видели, как Солнце, затянутое тучами и близкое к смерти зимой, каждый год возрождается заново; они видели, как весной Растительность прорастает заново — возрождение духа Земли; бесконечное размножение Животных, странные превращения червей и насекомых; очевидно, что мальчики и девочки начинают новую жизнь в период полового созревания; то же самое в более позднем возрасте, когда новичок превращается в знахаря - чупан превращается в ангакока у эскимосов, юноша—дакота - в ваканау краснокожих индейцев; и то же самое в более позднем возрасте, когда новичок превращается в знахаря - чупан превращается в ангакока у эскимосов, юноша-дакота - в вакана у краснокожих индейцев. подсознательно они чувствовали, что внутри них действуют те же самые вечные силы возрождения и трансформации. В некоторых греческих мистериях вновь принятых Посвященных некоторое время после этого кормили только молоком, “как будто мы рождались заново”. (См. Саллюстий, цитируемый Гилбертом Мюрреем.) Когда подсознательное знание начало просачиваться в непосредственное сознание, один из первых аспектов (и, без сомнения, один из самых истинных), в рамках которого люди увидели жизнь, был именно таким: как серию перерождений и трансформаций. (1) Едва ли нужно говорить, что самая современная наука в биологии, а также в химии и области неорганической природы поддерживает эту точку зрения. Дикарь в древности ЧУВСТВОВАЛ истинность некоторых вещей, которые мы сегодня только начинаем интеллектуально воспринимать и анализировать.

(1) Горячая и широко распространенная вера в метаморфозы животных среди древних народов хорошо известна.

Христианство приняло и впитало — как и должно было сделать — это всемирное учение о втором рождении. Оставляя в стороне его физиологическое и биологическое применение, он придавал ему прекрасное духовное значение — или, скорее, особенно настаивал на его духовном значении, которое (как мы видели) было широко признано ранее. Только — как, я полагаю, должно происходить со всеми местными религиями — это сузило применение и кругозор доктрины до особого случая — “Как в Адаме все умирают, так и во ХРИСТЕ все оживут”. Вселенский Дух, который может дать возрождение и спасение КАЖДОМУ ребенку человеческому, к которому он приходит, был предложен только в совершенно особой форме — в форме Иисуса Христа. (1) В этом отношении она была ничем не лучше предшествовавших ей религий. В некоторых отношениях — то есть там, где она была особенно фанатичной, ограниченной и враждебной другим сектам, — она была ХУЖЕ. Но для тех, кто понимает, что Великий Дух может принести новое рождение и спасение некоторым в виде Осириса, равно как и другим в виде Иисуса, или, опять же, некоторым в виде сибирского тотемного Медведя, равно как и другим в виде Осириса, эти вопросы и сужения отпадают как не имеющие значения. В наши последние дни мы можем увидеть главное, а именно, что христианство было и остается всего лишь одной фазой древней как мир религии, возможно, медленно расширяющей свои рамки, но основные установки которой оставались неизменными на протяжении веков.

(1) То же самое произошло в отношении другого великого языческого учения (на которое я только что ссылаясь), учения о превращениях; и в то время как язычники верили в эти вещи как

в общее и возможное наследие КАЖДОГО человека, христиане позволяли себе придерживаться этой идеи только в особом и уникальном случае Преображения Христа.

Можно привести множество других примеров истинности этой точки зрения, но я ограничусь еще двумя или тремя. Примером может служить Евхаристия и ее чрезвычайно широко распространенное празднование (в самых различных формах) как среди язычников по всему миру, так и среди христиан. Я уже достаточно сказал на эту тему, и нет необходимости затягивать с этим. Принимая участие в священной трапезе, даже в ее самых диких и грубых формах, как в мистериях Диониса, человек отождествлялся с богом и соединялся с ним; в ее более мягких и духовных аспектах, как в митраистском, египетском, индуистском и христианском культах, человек проходил за завесу майи и этого постоянно меняющегося мира и вступал в область божественного покоя и силы. (1)

(1) Обнажая Гулда в его оригинале. Религ. Вера, I. 401, гласит: “У древних индусов Сомы был главным божеством; его называли Дарующим Жизнь и Здоровье.... Он воплотился среди людей, был схвачен ими, убит и растерт в ступе (очевидно, бог зерна и вина). Но он вознесся в пламени на небеса, чтобы стать ‘Благодетелем мира’ и ‘Посредником между Богом и человеком’! Через общение с ним в его жертвоприношении человек (принявший участие в этом боге) обретает уверенность в бессмертии, ибо через это таинство он обретает единение со своей божественностью”.

Или снова учение Спасителя. Это тоже то, по поводу чего мне нет необходимости много добавлять к тому, что уже было сказано. Количество языческих божеств (в основном рожденных девственницей и умерщвленных тем или иным способом в своих попытках спасти человечество) настолько велико (1), что трудно поддается учету. Бог Кришна в Индии, бог Индра в Непале и Тибете проливали свою кровь ради спасения людей; Будда сказал, согласно Макс Мюллеру, (2) “Пусть все грехи, которые были в мире, падут на меня, чтобы мир мог быть освобожден”; китайский Тянь, Святой — “единый с Богом и существующий с ним вечно” — умер, чтобы спасти мир; египетского Осириса называли Спасителем, как и Гора; таким же был персидский Митра; таким же был греческий Геркулес, победивший Смерть, хотя его тело было облачено в горящую одежду земной жизни, из которой он вознесся на небеса. Точно так же фригийский Аттис назывался Спасителем, и сирийский Таммуз, или Адонис, также — оба они, как мы видели, были пригвождены гвоздями или привязаны к дереву, а затем снова восстали из своих носилок, или гробов. Прометей, величайший и самый ранний благодетель рода человеческого, был пригвожден за РУКИ и ступни, с вытянутыми руками, к скалам Кавказской горы. Вакх, или Дионис, рожденный девой Семелой, чтобы стать Освободителем человечества (Дионис Элевтерий, как его называли), был разорван на куски, мало чем отличаясь от Осириса. Даже в далекой Мексике Кецалькоатль, Спаситель, родился от девственницы, подвергся искушению и постился сорок дней, был приговорен к смерти, и его второго пришествия ждали с таким нетерпением, что (как хорошо известно), когда появился Кортес, мексиканцы, бедняжки, приветствовали ЕГО как возвращающегося бога! (3) В Перу и среди американских индейцев, к северу и югу от Экватора, есть или должны были быть найдены похожие легенды.

(1) Подробный список библейских мифов Доана см. в главе xx.

(2) История. Санскритская литература, стр. 80.

(3) См. Кингсборо, Мексиканские древности, том vi.

Вкратце изложенного всего этого достаточно, чтобы вполне убедительно доказать, что учение о Спасителе является всемирным и древним от мира, и что христианство просто присвоило то же самое и (как и другие культы) придало ему особую окраску. Вероятно, широкий спектр этой доктрины был бы намного лучше и более широко известен, если бы христианская церковь на протяжении всего времени не прилагала величайших усилий и не принимала величайших мер предосторожности, чтобы уничтожить все свидетельства языческих притязаний на этот предмет. Многие свидетельствуют о том, что ранняя Церковь придерживалась такой линии в отношении дохристианских спасителей; (1) и в более поздние времена та же политика замечательно иллюстрируется обращением в шестнадцатом веке к трудам испанского миссионера Саагуна — на работу которого я уже ссылался. Саагун был удивительно широкомыслящим и прекрасным человеком, который, хотя и не скрывал варварства религии ацтеков, был достаточно правдив, чтобы указать на положительные черты в манерах и обычаях народа и некоторое сходство с христианской доктриной и практикой. Это привело в ярость фанатичных католиков новообразованной Мексиканской церкви. Они похитили рукописи "Истории" Саагуна, разбросали и спрятали их по стране, и только после бесконечных трудов и апелляции в испанский суд он собрал их снова. Наконец, в возрасте восьмидесяти лет, переведя их на испанский (с мексиканского оригинала), он отправил их в двух больших томах домой, в Испанию, для сохранности; но там ОНИ почти сразу ЖЕ ИСЧЕЗЛИ, их так и не смогли найти! Только спустя ДВА СТОЛЕТИЯ они в конце концов оказались (1790 г.) в монастыре в Толосе в Наварре. Лорд Кингсборо опубликовал их в Англии в 1830 году.

(1) См. "Апологию" Тертуллиана, с. 16; Ad Nationes, с. xii.

Таким образом, я подробно остановился на нескольких основных доктринах христианства, а именно на доктринах греха и Жертвы, Евхаристии, Спасителя, Второго рождения и Преображения, показывая, что они ни в коем случае не уникальны в нашей религии, а были общими почти для всех религий древнего мира. Этот список можно было бы значительно расширить, но нет необходимости задерживаться на предмете, который сейчас очень широко изучен. Я, однако, посвящу страницу или две одному примеру, который, на мой взгляд, очень примечателен и полон глубоких намеков.

В христианстве нет учения, которое приверженцы этой религии почитали бы больше или ценили выше, чем то, что Бог пожертвовал своим единственным Сыном ради спасения мира; а также то, что, поскольку Сын был не только подобен Отцу, но и ОДНОЙ природы с ним и равен ему как второму Лицу Божественной Троицы, эта жертва равнялась самопожертвованию ради блага человечества. Эта доктрина настолько мистична, настолько далека и в некотором смысле настолько абсурдна и невозможна, что на протяжении веков была излюбленным предметом насмешек насмешников и врагов Церкви; и легко можно подумать, что здесь речь идет о вере, которая — независимо от того, считается ли она славной или достойной презрения — в любом случае уникальна и присуща только этой Церкви.

И все же поразительным фактом является то, что подобное верование пронизывает все древние религии и может быть прослежено до самых ранних времен. Слово "хостия", которое используется в католической мессе для обозначения хлеба и вина на Алтаре, которые, как предполагается, являются пресуществленными телом и кровью Христа, происходит от латинского Hostia, которое словарь интерпретирует как "животное, закланное в жертву, приношение за грех". Это уводит нас далеко назад, к тотемной стадии народной жизни, когда

племя, как я уже объяснял, увенчивало жертву - быка, медведя или другое животное цветами и, почитая ее каждым подношением пищи и богослужением, приносило жертву в жертву Тотемному духу племени и употребляло ее на Евхаристическом пиршестве — знахарь или священник, проводивший ритуал, носил шкуру того же зверя в знак того, что он представлял божество-Тотем, принимая участие в жертвоприношении 'самого себя самому себе'. Это напоминает нам о бенгальских кхондах, приносящих в жертву своих мериях, увенчанных коронами и богинями; об ацтеках, делающих то же самое; о Кецалькоатле, прокалывающем себе локти и пальцы, чтобы пустить кровь, которую он приносил на свой собственный алтарь; или об Одине, повешенном по собственному желанию на дереве. "Я знаю, что меня повесили на дереве, раскачиваемом ветрами, на девять долгих ночей. Я был пронзен копьем; я был перенесен к Одину, я - к самому себе". И так далее. Примеров бесконечное множество. "Я есмь подношение", - говорит Господь Кришна в Бхагавад-гите, (1) "Я есмь жертва, я наследственное подношение". "В истинно ортодоксальной концепции жертвоприношения, " говорит Эли Реклюс (2), - освященное приношение, будь то мужчина, женщина или девственница, ягненок или телка, петух или голубь, представляет САМО БОЖЕСТВО.... Брахма - это 'нетленная жертва'; Индра, Сома, Хари и другие боги воплотились в животных с единственной целью - принести их в жертву. Перуша, Вселенское Существо, был убит Бессмертными, и из его субстанции родились птицы небесные, дикие и домашние животные, подношения в виде масла и творога. Мир, заявляли риши, представляет собой серию жертвоприношений, раскрывающих другие жертвы. Остановить их означало бы приостановить жизнь Природы. Бог Шива, которому, как предполагается, бенгальские типперахи приносили в жертву дотысячи человеческих жертв в год, сказал брахминам: "Это я являюсь настоящим подношением; это меня вы убиваете на моих алтарях".

(1) Глава ix, ст. 16.

(2) Первобытный народ, глава vi.

Именно в намеке на эту доктрину Р. У. Эмерсон, перефразируя Катха-упанишаду, написал свой бессмертный стих:

Если красный убийца думает, что он убивает,
Или убитый думает, что он убит,
Они плохо разбираются в тонкостях
Я беру, прохожу мимо и снова поворачиваю.

Я говорю, что удивительно думать и осознавать, что это глубокое и мистическое учение о вечном самопожертвовании, предначертанное Великим Духом для сотворения и спасения мира — учение, которое привлекло и очаровало многих великих мыслителей и благородные умы Европы, которое также вдохновило религиозные учения индийских мудрецов и, в менее философской степени, труды христианских святых, — должно было быть усвоено в общих чертах и по сути грубыми и примитивными людьми еще на заре истории и воплощено в их обрядах и церемониях. Каково объяснение этого факта?

Это очень загадочно. Загадочен сам предмет. Повсеместное распространение сходных верований и ритуалов (и, мы можем добавить, легенд и сказок) среди древних народов, причем в далеких друг от друга местах и временах, настолько примечательно, что заставило изучающих эти предметы 'яростно задуматься' (1) — но по большей части без особого успеха в поиске

решения. Предположение о том, что (1) символ веры, обряд или легенда, о которых идет речь, возникли, так сказать, случайно в одном месте, а затем распространились (благодаря некоторой врожденной правдоподобности) по всему остальному миру, конечно, поначалу легко подтверждается; но при ближайшем рассмотрении практические трудности, которые оно представляет, безусловно, очень велики. К ним относятся миграции обычаев и мифов в довольно ранние эпохи существования земли через непроходимые океаны и континенты, а также между расами и народами, абсолютно неспособными понимать друг друга. И если, чтобы избежать этих трудностей, предположить, что вся нынешняя человеческая раса происходит от одной исходной ветви, которая расходится из одного центра — скажем, в Юго-Восточной Азии (2) — распространилась по миру, неся с собой свои обряды и обычаи, что ж, тогда мы вынуждены столкнуться с трудностью предположить, что это излучение имело место в огромное время назад (континенты тогда были все более или менее соединены) и в период, когда сомнительно, существовали ли вообще какие-либо религиозные обряды и обычаи; не говоря уже о дальнейшей трудности предположить, что все четыреста или пятьсот языков, существующих сейчас, существующий для того, чтобы происходить из одного общего источника. Древняя традиция острова Атлантида, по-видимому, дает возможное объяснение общности обрядов и обычаев между Старым и Новым Светом, и это ни в коей мере не предполагая, что Атлантида (если она существовала) была первоначальной и ЕДИНСТВЕННОЙ колыбелью человеческой расы. (3) В любом случае ясно, что эти истоки человеческой культуры должны относиться к глубокой древности, и что было бы неразумно сбиваться с пути исследования возможного общего источника только из-за этого факта древности.

(1) См. "Миф, ритуал и религия" А. Ланга, том ii.

(2) См. Гастингс, Энциклопедия. Религия и этика, статья. "Этнология".

(3) Э. Дж. Пейн в "Истории Нового Света под названием Америка" (том i, стр. 93) говорит: "Несомненно, что Европа и Америка когда-то составляли единый континент", но морские набеги "оставили огромный остров или полуостров, простиравшийся от Исландии до Азорских островов, который постепенно исчез". Также он говорит (i. 93) о "миоценовом мосте" между Сибирью и Новым Светом.

Второе предположение, однако, состоит в том (2), что естественная психологическая эволюция человеческого разума в различные времена и климаты приводила людей с самым разнообразным окружением и наследственностью — и, возможно, даже происходивших от отдельных антропоидных групп — к развитию своих социальных и религиозных идей в одних и тех же общих направлениях — и это даже до такой степени, что временами проявлялось замечательное сходство в мельчайших деталях. Это теория, которая заслуживает более глубокого и философского рассмотрения; но она вплотную подводит нас к другому наиболее трудному вопросу (который мы уже поднимали), а именно, как объяснить чрезвычайно грубые и примитивные народы в далеком прошлом и на самой границе животной жизни, которые были ВОСПРИИМЧИВЫ к зародышам великих религиозных идей (таких, как мы упомянули) и были инстинктивно — хотя, конечно, не в результате какого-либо процесса сознательного рассуждения — склонны выражать их в символах, обрядах и церемониях, а (позже, без сомнения) в мифах и легендах, которые удовлетворили нас. их ЧУВСТВА и ощущение пригодности — хотя они, возможно, и не знали ПОЧЕМУ — впоследствии были способны быть восприняты и воплощены в великих философских религиях.

Эта трудность почти вынуждает нас придерживаться взгляда на человеческое знание, который нашел сторонников среди некоторых способных мыслителей, — взгляда, а именно, что обширный запас знаний уже содержится в подсознании человека (и животных) и нуждается только в провокации внешнего опыта, чтобы вывести его на поверхность; и что на второй стадии человеческой психологии происходит этот процесс грубой и фрагментарной экстернализации в рамках подготовки к заключительной или третьей стадии, на которой знание будет повторно усвоено и станет прямым и интуитивным на высоком и гармоничном плане - что—то вроде нынешней интуиции человека. животные, какими мы их воспринимаем на животном плане. Однако этой общей темы я коснусь снова, и я не собираюсь сейчас останавливаться на ней сколь-нибудь подробно.

Существует третья альтернативная теория (3) — комбинация (1) и (2), а именно, что если принять (2) и идею о том, что на любой данной стадии развития человечества существует ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ к определенным символам и обрядам, принадлежащим этой стадии, то гораздо легче принять теорию (1) как важный фактор распространения таких символов и обрядов; очевидно, что тогда малейшего зародыша обычая или практики, перенесенного из одной страны или народа в другой в нужное время, будет достаточно, чтобы пробудить рассматриваемое развитие или рост и стимулировать это превращает его в деятельность. Таким образом, будет видно, что важным моментом на пути к решению всего этого загадочного вопроса является обсуждение теории (2) — и к этой теории, проиллюстрированной общемировым мифом о Золотом веке, я сейчас и обращаюсь.

IX. МИФ О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ

Традиция “Золотого века” широко распространена по всему миру, и нет необходимости подробно вдаваться в историю Эдемского сада и другие легенды, которые почти в каждой стране иллюстрируют эту традицию. Не впадая в сантименты по этому поводу, мы можем считать вполне вероятным, что традиция оправдывается памятью среди людей каждой расы о доцивилизационном периоде сравнительной гармонии и счастья, когда две вещи, которые сегодня мы воспринимаем как основные причины разногласий и страданий, отсутствовали или были слабо развиты, а именно СОБСТВЕННОСТЬ и САМОСОЗНАНИЕ. (1)

(1) Для более полной проработки этого вопроса см. " Цивилизация: ее причины и лечение" Э. Карпентера, глава i.

В течение первого века до нашей эры мессианские идеи широко распространились по римскому миру, и 4-я эклога Вергилия, обычно называемая Мессианской эклогой, очень ясно отражает это состояние общественного сознания. Ожидаемый младенец в стихотворении должен был стать сыном Октавиана (Августа), первого римского императора, и в стихах Вергилия его окружал мессианский ореол. К сожалению, это оказалась ДЕВОЧКА! Однако нет никаких сомнений в том, что Вергилий — в тот очень печальный век мира, век ”страданий и резни”, и вместе с тысячами других — ожидал пришествия великого "искупителя". Всего несколькими годами ранее — около 70 года до н.э. — произошло великое восстание римских рабов, с которыми жестоко обращались, и в отместку шесть тысяч пленных из армии Спартака были прибиты гвоздями к крестам на всем пути от Рима до Капуи (150 миль). Но задолго до этого

Гесиод описал прошедший Золотой век, когда жизнь была благодатной в общественном братстве и радостной в мире, когда люди и животные говорили на одном языке, когда смерть следовала за сном, без старости или болезней, а после смерти люди передвигались по землям как добрые даймоны или гении. Пиндар, через триста лет после Гесиода, подтвердил существование Островов Блаженных, где добрые вели непорочную, лишенную слез жизнь. Платон то же самое, (1) с дальнейшими ссылками на легендарный остров Атлантиду; египтяне верили в прежний золотой век под властью бога Ра, на который они оглядывались с сожалением и завистью; у персов был Эдемский сад, похожий на еврейский; у греков сад Гесперид, в котором обитал змей, чья голова в конце концов была раздавлена пятой Геркулеса; и так далее. Упоминаний о якобы существовавшем в далеком прошлом состоянии покоя и счастья действительно много.

(1) См. Статьи. Маргарет Скоулз, "Социалистическое обозрение", ноябрь и декабрь 1912 года.

Настолько, что в последнее время и частично для объяснения их распространенности была выдвинута теория, которую, возможно, стоит упомянуть. Она называется "Теория внутриутробного блаженства", и, какой бы отдаленной она ни казалась на первый взгляд, она, безусловно, заслуживает некоторого внимания. Теория состоит в том, что в умах зрелых людей все еще остаются определенные смутные воспоминания об их дородовых днях в материнской утробе - воспоминания о жизни, которая, хотя и была полна растущей силы и витальности, все же в то время была жизнью абсолютной гармонии с окружающим миром и совершенного покоя и удовлетворенности, проведенной в теле матери — эмбрион действительно находится в таком же отношении к матери, в каком, по словам Апостола Павла, Мы находимся к Богу, "В котором мы живем, движемся и существуем"; и что эти смутные воспоминания о внутриутробной жизни индивидуума восходят к зрелым умом к прошедшему возрасту в жизни РАСЫ. Хотя в настоящее время было бы нелегко положительно подтвердить эту теорию, все же можно сказать, что она не является ни невероятной, ни недостойной рассмотрения; также, что она имеет определенное сходство с предыдущими теориями об эдемских садах и т.д. Хорошо известный параллелизм индивидуальной истории с историей Расы, "повторение" эмбрионом развития расы, фактически дает дополнительный аргумент в пользу ее благоприятного восприятия.

Эти соображения, а также то, что мы так часто говорили в предыдущих главах о единстве Животных (и первобытного человека) с Природой и их инстинктивном вековом приспособлении к условиям окружающего мира, подводят нас к следующим выводам, от которых, я думаю, нам будет трудно отказаться.

Мы все признаем необычайную грацию и красоту (диких) животных в их различных проявлениях; и не только их красоту, но и чрезвычайную приспособленность их действий и привычек к окружающей среде — фактически, их тонкий и проницательный интеллект. Только мы обычно не используем слово "Интеллект". Мы используем другое слово (Инстинкт) — и, возможно, справедливо, потому что их действия явно не являются результатом определенных самосознательных рассуждений, таких, какими пользуемся мы, выполняемых каждым индивидуумом; но являются (как было убедительно доказано Сэмюэлем Батлером и другими) систематическим выражением опыта, собранного, отсортированного и передаваемого из поколения в поколение в недрах расы - фактически Интеллектом или Проницательностью, более тонкого масштаба, чем другие, и принадлежащей племенному или расовому Существу, а

не изолированному индивидууму — фактически сверхсознанием, разветвляющимся далеко в пространстве и время.

Но если мы допустим (а мы должны), что это единство и совершенство природы и этот несколько космический характер разума существуют среди Животных, мы вряд ли сможем отказаться от веры в то, что должен был быть период, когда и Человек, едва ли еще отличающийся от них, сам обладал теми же качествами — возможно, даже в большей степени, чем животные, — изящества и красоты тела, совершенства движений и действий, инстинктивного восприятия и знания (конечно, в ограниченных сферах); и период, когда он обладал прежде всего чувством единства со своими собратьями и окружающей природой, которое стало основой общего стремления. сознание между ним самим и его племенем, подобное тому, что Метерлинк в случае с Пчелами называет Духом Улья. (1) Было бы трудно, нет, невозможно предположить, что человеческие существа при их первом появлении составляли полное исключение в процессе эволюции или что им полностью не хватало тех самых достоинств и способностей, которыми мы так восхищаемся в животных — только, конечно, мы видим, что (ПОДОБНО животным) они не были бы застенчивы в этих вопросах, и то, как они воспринимали свои отношения друг с другом или с окружающим миром, было бы в значительной степени нечленораздельным и подсознательным - хотя от этого не менее реальным.

(1) Смотрите "Жизнь пчелы" Мориса Метерлинка; а о многочисленных подобных случаях среди других животных читайте в книге П. Кропоткина "Взаимопомощь: фактор эволюции".

Давайте тогда примем это предварительное предположение — и оно явно не является большим или опасным — и что из этого следует? Из этого следует — поскольку сегодня разлад является правилом, и человек, безусловно, утратил грацию, как физическую, так и умственную, присущую животным, — что в какой-то период в процессе эволюции должен был произойти перелом, прерывистость, возможно, подобная той, которая происходит в жизни ребенка в момент его появления на свет. Человечество предприняло новый шаг вперед; но этот шаг на данный момент был обозначен как ПОТЕРЯ — потеря его прежней гармонии и самонастройки. И причиной или сопровождением этого изменения был рост самосознания. В общее сознание племени (по отношению к его среде обитания), которое фактически составляло менталитет животных и человека до этой стадии, теперь вторгся другой вид сознания, сознание, сосредоточенное вокруг каждого маленького индивидуального "я" и почти полностью озабоченное интересами последнего. В этом, очевидно, заключалась угроза сохранению прежних счастливых условий. Это было похоже на появление бесчисленных маленьких язвочек на человеческом теле — угроза, которая, если бы продолжалась, неизбежно привела бы к распаду организма. Это означало потерю племенной гармонии и приспособления к природе. Это означало вместо единства мириады конфликтующих центров; это означало отчуждение от духа племени, отделение человека от человека, разлад, взаимные обвинения и фатальное раскрытие чувства греха. Этот процесс символизирован в легенде о Грехопадении. Человек вкусил от Древа познания добра и зла. Иногда люди задаются вопросом, почему знание любого рода — и особенно знание добра и зла — должно было принести проклятие. Но причина очевидна. В безмятежную и гармоничную жизнь животных и человеческих племен, проводящих свои дни в повиновении медленной эволюции и вековым предписаниям природы, ворвалось самосознание со своим неудобным и невыполнимым вопросом: "Как эти условия меня устраивают? Хороши ли они для меня, плохи ли они для меня? Я хочу знать. Я УЗНАЮ!"

Очевидно, знание (такое знание, как мы понимаем под этим словом) началось и могло начаться только с запросов, относящихся к маленькому местному "я". Другого способа начать это не было. Знание и самосознание родились вместе, как близнецы. Следовательно, знание означало Грех (1); ибо самосознание означало грех (и оно означает грех сегодня). Грех - это Разделение. Вероятно, такова (хотя и оспаривается) этимология слова "то, что разъединяет". (2) Сущность греха заключается в отделении человека от целого (племени или бога), частью которого он является. И знание, которое отделяет субъект от объекта и в своем зарождении обязательно занято "добром и злом" маленького локального "я", является великим двигателем этого разделения. (Отметьте! Я ничего не говорю ПРОТИВ этой ассоциации самосознания с 'Грехом' (так называемым) и 'Знанием' (так называемым). Совокупный рост всех трех факторов является абсолютно необходимой частью эволюции человека, и протестовать против этого было бы абсурдно. Но с таким же успехом мы можем открыть глаза и увидеть факт прямо, вместо того чтобы моргать им.) Кульминацию процесса и исполнение 'проклятия' мы можем наблюдать сегодня во всепоглощающей экспансии самосознательного индивидуализированного Интеллекта — науки как служанки человеческой Жадности, опустошающей обитаемый мир и уничтожающей его недостойную цивилизацию. И этот процесс должен продолжаться — обязательно должен продолжаться — до тех пор, пока самосознание, прекращая свои тщетные поиски (тщетные в обоих смыслах) отдельного господства над жизнью, снова не отдаст себя в объятия Материнского сознания, из которого оно первоначально возникло, - не отдаст себя обратно, чтобы раствориться в небытии, но быть связанным любовной зависимостью и гармонией с космической жизнью.

(1) Сравните также другие мифы, такие как Купидон и Психея, Лоэнгрин и т.д., в которых фатальное любопытство приводит к трагедии.

(2) Немецкие Sunde, грех, и sonder, разделенные; голландский zonde, грех; латинские sons, виновные. Не исключено, что немецкий корень Suhn, искупление, связан; Suhn-bock, козел отпущения.

Все это я рассматривал гораздо более подробно в "Цивилизации: ее причинах и способах лечения" и в "Искусстве созидания"; но я лишь повторил изложенное выше, потому что некоторые такие очертания необходимы для правильного упорядочивания и понимания последующих пунктов.

Нас сейчас не интересуют конечные последствия 'Грехопадения' Человека или сегодняшнее исполнение эдемского проклятия. Что мы хотим понять, так это то, как "Падение" в самосознание привело к той великой панораме Ритуалов и религии, которую мы очень кратко описали и резюмировали в предыдущих главах этой книги. В настоящее время мы хотим сосредоточить наше внимание на НАЧАЛЕ того процесса, в результате которого человек покинул свое живое сообщество с Природой и своими собратьями и погрузился в пустыню раздора и тяжелого труда, в то время как ангелы с пылающим мечом закрыли за ним врата Рая.

Я думаю, очевидно, что на той 'золотой' стадии, когда человек был просто венцом и совершенством животных — а вряд ли возможно отказаться от веры на такой стадии — он на самом деле обладал всеми основами религии. (1) Нет необходимости сентиментальничать по поводу него; он, вероятно, был грубым в своих чувствах голода и секса; он, безусловно, был невежественным и суеверным; он любил сражаться с "врагами" и преследовать их (что, конечно, любят делать все религии сегодня — за исключением, возможно — буддийской); он

часто находился во власти беспричинного Страх и, следовательно, был жесток. И все же он был полон той Веры, которой в такой замечательной степени обладают животные, — непоколебимой веры во внутренние побуждения своей СОБСТВЕННОЙ природы; у него была радость, которая приходит от избытка жизненных сил, бьющих подобно фонтану, выходящему свободно и беспрепятственно; он радовался безмятежному и нерушимому чувству единства со своим Племенем и тщательно продуманным социальным и дружеским институтам в его пределах; у него была удивительная острота восприятия Природы и дар в этом направлении, граничащий со “вторым зрением”; укрепленный убеждением, которое никогда не становилось ОСОЗНАННЫМ из-за того, что это никогда не ПОДВЕРГАЛОСЬ СОМНЕНИЮ - его личное отношение к окружающим его вещам, Земле, Небу, Растительности, Животным. О таком Человеке мы получаем проблески в далеком прошлом - хотя на самом деле это всего лишь проблески, по той простой причине, что все наши знания о нем поступают по цивилизованным каналам; и где бы цивилизация ни коснулась этих ранних народов, она уже иссушила и развратила их, даже прежде чем у нее хватило ума должным образом понаблюдать за ними. Однако достаточно просто упомянуть такие народы, как некоторые из ранних жителей Тихоокеанских островов, зулусы и кафиры Южной Африки, фанаты региона Конго (о которых так высоко отзывается Уинвуд Рид (2)), некоторые малазийские и гималайские племена, первобытных китайцев и даже свидетельства о неолитических народах Европы (3), чтобы показать, что я имею в виду.

(1) См. С. Райнах, "Культы, мифы и т.д.", введение: "Примитивная жизнь человечества, поскольку она не является чисто животной, религиозна. Религия - это родительский ствол, который отбросил одно за другим искусство, сельское хозяйство, право, мораль, политику и т.д."

(2) Дикая Африка, глава xxxvii.

(3) См. "Взаимопомощь" Кропоткина, глава iii.

Возможно, одна из лучших идей о пропасти различий между полумодернизированным и совершенно первобытным человеком дана А. Р. Уоллесом в его "Жизни" (Том i, стр. 288): "Самым неожиданным ощущением удивления и восторга была моя первая встреча с человеком и жизнь с ним в естественном состоянии, с абсолютно незагрязненными дикарями! Это было на реке Уаупес.... Все они занимались своей работой или развлечениями, которые не имели ничего общего с белыми людьми или их обычаями; они шли свободной поступью независимого лесного жителя ... Оригинальные и самодостаточные, как дикие животные лесов, абсолютно независимые от цивилизации... живут своей собственной жизнью, как жили на протяжении бесчисленных поколений до открытия Америки. Действительно, истинный обитатель лесов Амазонки, как и сам лес, уникален, и его нельзя забывать ". В другом месте (3) Уоллес говорит о тихом, добродушном, безобидном характере этих людей с медным цветом кожи, об их быстроте рук и мастерстве и продолжает: "их фигуры в целом превосходны; и я никогда не испытывал такого удовольствия, глядя на самую прекрасную статую, как на эти живые иллюстрации красоты человеческих форм".

(3) Путешествия по Амазонке (1853), глава xvii.

Хотя можно сказать, что некоторые из только что упомянутых народов принадлежат к разным ступеням или стадиям человеческой эволюции и физически некоторые из них, без сомнения,

намного превосходили другие, все же в основном они демонстрируют ту простую грацию физического и ментального организма, а также ту близость племенной солидарности, о которой я говорил. Огромная древность клановой организации, как показывают исследования ранних браков, указывает на последний вывод. Путешественники среди бушменов, готтентотов, огнеземельцев, эскимосов, папуасов и других народов — народов, которые были оттеснены в неблагоприятные районы вторжением более воинственных и лучше оснащенных рас и которые вследствие этого физически пострадали, - подтверждают это. Кропоткин, говоря о готтентотах, цитирует немецкого автора П. Кольбена, который путешествовал среди них примерно в 1275 году. “Он хорошо знал готтентотов и не обходил молчанием их недостатки, но не мог достаточно высоко оценить их племенную мораль. “Их слово свято, - писал он, - они ничего не знают о коррупции и вероломных искусствах Европы”. Они живут в великом спокойствии и редко воюют со своими соседями, проявляя друг к другу доброту и доброжелательность”. (1) Далее Кропоткин говорит: “Позвольте мне заметить, что, когда Колбен говорит: ‘Они, безусловно, самые дружелюбные, самые либеральные и самые доброжелательные люди друг к другу, которые когда-либо появлялись на земле”, он написал фразу, которая с тех пор постоянно встречается при описании дикарей. При первой встрече с примитивными расами европейцы обычно рисуют карикатуру на их жизнь; но когда разумный человек остается среди них дольше, он обычно описывает их как ‘самую добрую’ или ‘нежнейшую’ расу на земле. Те же самые слова были применены высшими властями к осякам, самоедам, эскимосам, даякам, алеутам, папуасам и так далее. Я также помню, что читал о них применительно к тунгусам, чукчам, сиу и некоторым другим. Сама частота этой высокой похвалы уже сама по себе говорит о многом”. (2)

(1) П. Кропоткин, “Взаимопомощь”, стр. 90. У. Дж. Солиас также отзывается о высшей похвале бушменов — “их энергии, терпении, мужестве, верности, привязанности, хороших манерах и художественном чутье” (Древние охотники, 1915, стр. 425).

(2) Там же, стр. 91.

Многие племена, такие как алеуты, эскимосы, даяки, папуасы, огнеземельцы и т.д., сами находятся на неолитической стадии культуры — хотя по указанной выше причине, вероятно, физически выродились по сравнению с уровнем своих неолитических предков; и поэтому напрашивается вывод, что, должно быть, был ОГРОМНЫЙ ПЕРИОД, (1) до первых зачатков “цивилизации”, в течение которого человеческие племена в целом вели мирную и дружелюбную жизнь на земле, сравнительно мало раздражаемые разногласиями, в тесном контакте с природой и природой. в той степени сочувствия и понимания Животных, которая привела к созданию Тотемной системы. Хотя было бы абсурдно приписывать этим племенам какую-либо большую степень комфорта и благополучия по нашим современным стандартам, все же мы вполне можем предположить, что память об этом долгом периоде сохранялась из поколения в поколение и в конечном итоге была идеализирована в Золотой век, в отличие от последующего периода непрекращающейся войны, злобы и раздоров, которые пришли с ростом собственности с ее жадностью и завистью и усилением самосознания со всем его тщеславием и амбициями.

(1) См. Оценки периодов, гл. xiv; также, что касается миролюбия этих древних народов, Хэвелок Эллис в “Происхождении войны”, где он говорит: “Мы не находим ОРУЖИЯ ведения войны или БОЕВЫХ РАН среди этих палеолитических останков ... искусство убивать развилось

вместе с цивилизацией, то есть в течение последних 10 000 или 12 000 лет, когда люди эпохи неолита (которые стали нашими предками) только прибывали”.

Я утверждаю, что каждое племя на этой ранней стадии развития несло в себе ОСНОВЫ того, что мы называем религией, а именно основополагающее чувство своей общности с Природой и общей жизни среди своих членов — чувство настолько интимное и фундаментальное, что оно едва осознавало себя (не больше, чем рыба осознает море, в котором она живет), но все же действительно было матрицей племенной мысли и пружиной племенных действий. Именно этому чувству единства было суждено благодаря росту САМОСОЗНАНИЯ проявиться в виде всевозможных ритуалов и церемоний, а благодаря росту ТВОРЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА воплотиться в фигурах и формах всевозможных божеств.

Давайте рассмотрим это немного подробнее. Жаворонок, парящий в лучах солнца и восторженно поющий между своими “небесами и домом”, без сомнения, на самом деле осознает все, что означают для нас эти два слова; однако осознание этого совершенно подсознательно. Оно не определяет свой собственный опыт: оно ЧУВСТВУЕТ, но не ДУМАЕТ. Для того чтобы прийти к стадии МЫШЛЕНИЯ, возможно, было бы необходимо, чтобы жаворонок был изгнан с земли и неба и заключен в клетку. Древний человек ОЩУЩАЛ великие истины и реалии Жизни — часто, я полагаю, более отчетливо, чем мы, — но он не мог придать форму своему опыту. ЭТА стадия наступила, когда он начал терять связь с этими реальностями; и это проявилось в обрядах и церемониях. Прорыв к самосознанию облек факты его внутренней жизни в ритуальные, а затем и в интеллектуальные формы.

Позвольте мне привести примеры. Долгое время Племя - это все во всем; индивид полностью подчинен ‘Духу Улья’; он даже НЕ ДУМАЕТ противоречить ему. Затем наступает день, когда личный интерес, как отдельный от Племени, становится достаточно сильным, чтобы заставить его пойти против какого-нибудь племенного обычая. Он нарушает табу; он ест запретное яблоко; он грешит против племени и изгоняется. Внезапно он обнаруживает себя изгнанником, одиноким, осужденным и покинутым. Им овладевает ужасное чувство отчаяния — нечто такое, чего он раньше не испытывал. Он пытается обдумать все это, понять ситуацию, но ошеломлен и не может прийти ни к какому выводу. Его единственная ПОТРЕБНОСТЬ - Примирение, Искушение. Он обнаруживает, что не может ЖИТЬ вне своего племени и отчужденно от него. Он совершает жертвоприношение своим братьям в знак искренности — жертвует свои собственные телесные страдания, или драгоценную кровь, или кровь какого-нибудь пищевого животного, или какой-нибудь ценный дар, или что-то другое, - если только ему будет позволено вернуться. Подношение принято. Ритуал выполнен; и он возвращен. Я уже говорил об этой совершенно естественной эволюции идей-близнецов Греха и Жертвы, поэтому мне нет необходимости распространяться на эту тему. Но здесь мы можем отметить две вещи: (1) что ритуал, будучи таким конкретным (и часто суровым), запечатлевается в умах тех, кого это касается, и выражает чувства племени с интенсивностью и четкостью очертаний, с которыми не могли соперничать никакие слова, и (2) что такие ритуалы могли использоваться, и, вероятно, использовались, даже когда сам язык находился в инфантильном состоянии и не был способен справиться с психологической ситуацией иначе, как с помощью символов. Они, ритуалы, были первой попыткой примитивного разума выйти за пределы подсознательных чувств и выйти в мир форм и определенных мыслей.

Давайте перенесем приведенный выше частный пример на ступеньку дальше, даже в пределы абстрактного Мышления и философии. Я говорил о “Духе Улья” так, как будто этот термин применим как к Человеку, так и к Пчелиному племени. Отдельная пчела, очевидно, никогда НЕ ЗАДУМЫВАЛАСЬ об этом “Духе” и ментально не понимала, что Метерлинк подразумевает под ним; и все же с точки зрения реального опыта это интенсивная реальность для пчелы (предписывающая, например, в какой-то роковой день уничтожить всех трутней), контролирующая движения пчел и пчелиную мораль в целом. Отдельный член племени, точно так же погруженный в многовековую человеческую жизнь своих собратьев, никогда не думал о Племени как о руководящем существе или Духе, отдельном от него самого, — ДО того дня, когда он оказывается изгнанным из него. ТОГДА он видит себя и племя как два противоположных существа, себя, конечно, как Разум или Дух в своей собственной ограниченной степени, Племя как гораздо больший Разум или Дух, стоящий против него и над ним. С этого дня у него зарождается представление о боге. Это может быть всего лишь тотемный бог — божественный Медведь Гризли или что-то еще, - но все же бог или сверхъестественное Присутствие, воплощенное в жизни племени. Это то, чему научил его Син. (1) Вот что открыл ему Страх, основанный на самосознании. Откровение может быть истинным или ошибочным (я не предрешаю его); но вот оно — начало того длинного ряда человеческих эволюций, который мы называем Религией.

(1) В этой очаровательной идиллии эдемского сада следует отметить, что только после вкушения запретного плода Адам и Ева видят Господа Бога, гуляющего по саду, и беседуют с ним (Бытие iii. 8).

(Ибо, когда человеческий разум достигает той стадии сознания, на которой каждый человек осознает свое собственное “я” как рациональное и последовательное существо, “смотрящее до и после”, тогда, как я уже говорил, разум проецирует на фоне Природы столь же рациональные Присутствия, которые мы можем назвать “Богам”; и на этой стадии начинается “Религия”. До этого, когда разум совершенно не сформирован и подобен сновидению и состоит в основном из ломаных и рассеянных лучей, и когда отчетливое самосознание едва ли еще развито, тогда воображаемые присутствия в Природе являются всего лишь мерцающими и прерывистыми фантомами, и их умиловителен более уместно называть “Магией”).

Вот и все о происхождении религиозных идей Греха и Жертвы, а также обрядов, связанных с этими идеями, — об их происхождении через проникновение самосознания в корпоративное подсознание жизни Сообщества. Но точно такой же процесс можно наблюдать и в случае с другими религиозными идеями.

Я говорил об учении о ВТОРОМ РОЖДЕНИИ и связанных с ним обрядах как в язычестве, так и в христианстве. Многие свидетельствуют о том, что среди довольно примитивных народов меньше страха перед смертью и больше уверенности в продолжении жизни после смерти, чем мы обычно находим среди более интеллектуальных и цивилизованных народов. Среди многих племен является или было довольно распространенным явлением, когда старые и дряхлые, которые становятся обузой для своих собратьев, приносят себя в жертву за счастливую кончину и охотно принимают участие в церемониальных приготовлениях к собственному вымиранию; и эта готовность поощряется их наивной и безмятежной верой в скорый переход в “счастливые охотничьи угодья” за пределами могилы. Истина заключается в том, что когда, как в подобных случаях, жизнь племени очень целостна и не нарушена — каждый индивид полностью

отождествляет себя с племенем, — идея о том, что индивид был исключен со смертью и оставлен племенем, вряд ли возникает. Индивид - это племя, у него нет другого существования. Племя продолжает жить вечной жизнью и меняет только свои охотничьи уголья; и индивид, отождествленный с племенем, каким-то подсознательным образом чувствует то же самое по отношению к себе.

Но когда один член племени нарушил веру, когда он согрешил против него и стал изгоем — ах! тогда над ним нависают ужасы смерти и вымирания. “Возмездие за грех - смерть”. В эволюции племенной жизни наступает период, когда первобытные узы ослабевают, когда тенденция к своеволию и самоопределению (столь необходимая, конечно, в долгосрочной перспективе для эволюции человечества) становится реальной опасностью для племени и ужасом для мудрецов и старейшин сообщества. Видно, что дети наследуют эту склонность — даже с младенчества. Они больше не просто животные, которых легко загнать в стадо; кажется, что они рождены во грехе - или, по крайней мере, в невежестве и пренебрежении своей племенной жизнью и призванием. Единственное лекарство - это ТО, что они ДОЛЖНЫ РОДИТЬСЯ СВЫШЕ. Они должны быть сознательно и с определенной целью приняты в племя и должны осознать, даже сурово, на собственном опыте, что происходит. Они должны пройти инициации, необходимые для того, чтобы внушить им это. Таким образом, возникает целая серия торжественных обрядов, несомненно, разных в каждой местности, но все они имеют один и тот же объект и цель. (И можно понять, как необходимость таких посвящений и второго рождения могла легко ощущаться в каждой расе на определенном этапе ее эволюции — и ЭТО происходило совершенно спонтанно и независимо от какого-либо заразительного примера, подхваченного от других рас.)

То же самое можно сказать и о всемирной практике Евхаристии. Не существует более эффективного метода внушить членам общества общность жизни друг с другом и заставить их забыть о своих щекотливых личных интересах, чем совместное застолье. Это метод, который почитался во все века, так же как и сегодня. Но когда мясо, употребляемое на пиршестве, принадлежит Тотему — хранителю и главенствующему гению племени — или, возможно, одному из его главных пищевых животных, — тогда, несомненно, пиршество приобретает священный и торжественный характер. Это становится таинством единства - единства всех с племенем и друг с другом. Личные интересы и самосознание на время отступают на второй план, и обычная жизнь утверждает себя; но здесь мы снова видим, что подобный обычай не возник бы как преднамеренный ритуал ДО тех пор, ПОКА самосознание и вытекающие из него разногласия не превратились бы в очевидное зло. У стадных животных (коров, овец и так далее) нет Евхаристов просто потому, что они достаточно разумны, чтобы пастись на одних и тех же пастбищах, не ссорясь из-за самых богатых пучков травы.

Когда вкушаемая плоть (на самом деле или символически) принадлежит не обожествленному животному, а плоти бога, созданного человеком, - как в мистериях Диониса, Осириса или Христа, — тогда мы начинаем подозревать (и, конечно, эта теория широко распространена и поддерживается), что обряды относятся к очень далекому периоду, когда человека, как представителя племени, действительно убивали, расчленили и частично пожирали; хотя со временем обряд постепенно приукрашивался и смягчался до любовного ритуала. —причастие через совместное употребление хлеба и вина.

В любом случае любопытно, что расчленение или разделение на фрагменты тела бога (как в случае с Дионисом, Осирисом, Аттисом, Прадж[а'] пати и другими) является столь частым догматом старых религий и так часто ассоциируется с праздником любви, примирения и воскресения. Это может быть справедливо истолковано как символ расчленения Природы зимой и воскресения весной; но мы также не должны забывать, что это могло (и действительно должно было) быть аллегорией ПЛЕМЕННОГО расчленения и примирения — племя, задуманное как божество, таким образом пострадавшее и умершее из-за преодоления греха и эгоизма и снова воскресшее в целостности благодаря искуплению любовью и жертвой. Какого бы мнения ни придерживались рядовые члены племени по этому поводу, я думаю, бесспорно, что наиболее вдумчивые считали эти обряды полными мистического и духовного значения. Как я уже говорил ранее, природа этих ранних символов и церемоний заключалась в том, что они содержали в себе так много значений; и именно этот факт придавал им поэтический или творческий характер и их огромное влияние на общественное сознание.

Я использую слово “племя” во многих местах здесь для удобства; не забывая, однако, что в некоторых случаях “клан” может быть более подходящим для обозначения части племени; или “народ” или “фолк” для обозначения союзов НЕСКОЛЬКИХ племен. Конечно, невозможно проследить все градации организации от племенной до национальной жизни; но следует помнить, что, в то время как тотемы животных, как правило, преобладают на ранних стадиях, боги, сформированные людьми, становятся более заметными на более поздних этапах развития. Практика Евхаристии продолжается на протяжении всего времени, в различных формах приспособляясь к окружающим условиям; и там, где в более поздних обществах религия, такая как митраизм или христианство, включает людей самых разных рас, Обряд вполне естественно теряет свое племенное значение и становится празднованием верности определенному богу — фактически единства внутри особой Церкви. В конечном счете это может стать — как на краткий момент в истории первых христиан казалось вероятным — празднованием верности всему человечеству, независимо от расы, вероисповедания, цвета кожи или разума: хотя, к сожалению, этот день кажется все еще далеким и остается пока нереализованным. Однако не следует упускать из виду, что религия персидского Б[а ^]б, впервые провозглашенная в 1845-1850 годах — и тема, которой я сейчас займусь, — на самом деле имела такой всеобъемлющий и универсальный размах.

Вернуться в Золотой век или Эдемский сад. Наш вывод, по—видимому, состоит в том, что в жизни человека действительно был такой период сравнительной гармонии, на который последующие поколения имели право оглядываться назад, и оглядываться с сожалением. В психологии Эволюции человека это соответствовало Первому этапу. Второй стадией было Грехопадение; и поэтому человек неизбежно приходит к предположению и надежде, что третья стадия приведет землю и ее обитателей к состоянию сравнительного блаженства.

Х. БОГ-СПАСИТЕЛЬ И ДЕВА-МАТЬ

От рассмотрения общемировой веры в прошедший Золотой век и общемировой практики Евхаристии в смысле, указанном в предыдущей главе, до рассмотрения столь же широко распространенной веры в человеко-божественного Спасителя - короткий и легкий шаг. Около

тридцати лет назад, занимаясь этим предметом, (1) я написал следующее: “Истинное “Я” человека заключается в его органической связи со всем телом его собратьев; и когда человек отказывается от своего истинного “Я”, он отказывается также и от своего истинного отношения к своим собратьям. Человек массы должен править в каждом подразделении-человеке, иначе подразделение-человек упадет и умрет. Но когда внешний человек пытается отделить себя от внутреннего, человека-единицы от Человека-массы, тогда начинается царствование индивидуальности — ложной и, конечно, невозможной индивидуальности, но единственного средства прийти к сознанию истинной индивидуальности”. И далее: “Таким образом, эта божественность в каждом творении, будучи тем, что составляет его и заставляет его соединяться воедино, была задумана как спаситель этого создания, целитель — исцелитель ран тела и ран сердца — Человек внутри человека, которого было не только возможно познать, но и единение с которым было единственным спасением. Это, как я понимаю, был закон здоровья — и святости, — принятый в какой-то древний период истории человечества и рассматриваемый нами как бы через темное стекло”.

(1) См. Цивилизация: ее причина и лечение, глава i.

Я думаю, что невозможно не видеть — как бы сильно в нашей гордости за Цивилизацию (!) нам ни нравилось глумиться над мелочами племенной жизни, — что эти пожилые люди воспринимали как факт и непосредственное сознание спасительное присутствие (внутри каждой единицы-члена группы) более широкой жизни, к которой он принадлежал. Эта большая жизнь была реальностью — “присутствием, которое нужно ощущать и познавать”; и называл ли он ее именем Тотемного животного, или именем Природного божества, или именем какого-нибудь милостивого Бога с человеческими конечностями - какого-нибудь Геркулеса, Митры, Аттиса, Орфея или чего-то еще - или даже великим именем самого Человечества, в любом случае это был Спаситель, живое воплощенное Существо, осознание присутствия которого могло поднять маленького смертного из изгнания, ошибок, смерти и страданий в великолепие. и жизнь вечная.

Я думаю, невозможно не видеть, что бесчисленное поклонение “Спасителям” по всему миру, от Китая до Перу, может быть приписано только естественному действию какого-то такого закона человеческой и племенной психологии — с древнейших времен и у всех рас одинакового — возникшего совершенно спонтанно и независимо и (пока) незатронутого простым распространением местной традиции. Предполагать, что Дьявол задолго до прихода христианства вложил эту идею в головы всех этих ранних людей, на самом деле означает делать СЛИШКОМ большой комплимент как силе, так и изобретательности его сатанинского Величества — хотя изобретательность, с которой ранняя Церковь сама скрывала всю информацию об этих дохристианских Спасителях, почти соперничает с той, которую она приписывала сатане! И, с другой стороны, предполагать, что это чудесное и всеобщее согласие веры возникло в результате простого заражения из одного случайного источника, казалось бы столь же надуманным и маловероятным.

Но едва ли не более примечательной, чем охватившая весь мир вера в человеко-божественных Спасителей, является столь же широко распространенная легенда об их рождении от матерей-девственников. Едва ли найдется бог, — как мы уже имели возможность убедиться, — почитание которого как благодетеля человечества приобрело популярность на любом из четырех континентов, в Европе, Азии, Африке и Америке, — о котором не сообщалось бы, что он родился

от Девственницы или, по крайней мере, от матери, обязанной Ребенком не какому-либо земному отцу, а зачатую с Небес. И это кажется на первый взгляд тем более удивительным, что вера в возможность такой вещи совершенно выходит за рамки нашего современного мышления. Таким образом, хотя может показаться вполне естественным, что такая легенда возникла спонтанно в каком-то странном, погруженном во мрак уголке мира, нам очень трудно понять, как в таком случае она должна была так быстро распространиться во всех направлениях, или — если она не распространилась — как мы должны объяснить ее СПОНТАННОЕ появление во всех этих широко разделенных регионах.

Я думаю, что здесь, для понимания этой проблемы, мы возвращаемся к очень ранней эпохе человеческой эволюции — эпохе Магии. До того, как существовала какая-либо устоявшаяся наука, философия или религия, все еще существовали определенные Вещи — и, следовательно, также определенные Слова, — которые оказывали огромное влияние на человеческий разум, что на самом деле глубоко его затронуло. Таким словом, например, является 'Гром'; слышать гром, имитировать его, даже упоминать о нем — верные способы пробудить суеверное внимание и воображение. Такое другое слово — "Змей", другое "Дерево" и так далее. Нет никого, кто был бы нечувствителен к звучанию этих и других подобных слов и образов (1); и среди них особенно выделяются два слова 'Мать' и 'Дева'. Слово "Мать" затрагивает глубочайшие источники человеческих чувств. Как самое раннее слово, выученное ребенком и за которое он цепляется, оно трогает струны сердца мужчины до самого последнего его дня. Мы также не должны забывать, что на примитивном этапе развития общества (матриархат) это влияние, вероятно, было даже больше, чем сейчас; поскольку отец ребенка был (часто, как правило) НЕИЗВЕСТЕН, привязанность к матери была тем более сильной и нераздельной. В слове "Мать" была какая-то магия, которая сохранилась даже до наших дней. Но если это слово глубоко укоренилось в сердце Ребенка, то другое слово "девственница" обладало очевидной магией для взрослого сексуально зрелого Мужчины — магией, которую оно тоже никогда не теряло.

(1) Также нетрудно понять, как из осторожного использования таких слов и образов в сочетании с элементарными формами, такими как квадрат, треугольник и круг, и элементарными числами, такими как 3, 4, 5 и т.д., возникла, так сказать, наука о Магии.

Существует достаточно свидетельств того, что одним из самых ранних объектов человеческого поклонения была сама Земля, считавшаяся плодородной Матерью всего сущего. У Гайи или Ге (земли) были храмы и алтари почти во всех городах Греции. Рея или Кибела, возникшая из Земли, была "матерью всех богов". Деметру ("мать-земля") повсюду почитали как милостивую покровительницу сельскохозяйственных культур и растительности. Церера, конечно, та же самая. Майя в индийской мифологии и Исида в египетской — это формы Природы и духа Земли, представленные как женщины; и так далее. Земля в этих древних культах была мистическим источником всей жизни, и ей в качестве умиловивления приносились в жертву жизни всех видов. (Есть странные рассказы о том, как разводили огромный костер с алтарем Кибеле посередине и как в огонь бросали оленей, оленей и диких животных, птиц, овец, кукурузу и фрукты. (1)) В некотором смысле это был самый естественный, поскольку, по-видимому, это был самый ранний и спонтанный из культов — поклонение матери-Земле, всепроизвольному вечному источнику жизни, и из-за ее никогда не иссякающей, постоянно обновляющейся плодovitости ее воспринимали как бессмертную Девственницу.

(1) См. Павсаний iv. 32. 6; и Лукиан, De Syria Dea, 49.

Но когда возникла легенда о Спасителе — а я действительно думаю, что она должна была возникнуть независимо друг от друга в племени за племенем и у народа за народом, — тогда, возникла ли она в результате обожествления какого-то реального человека, который показал путь света и освобождения своим собратьям, “сидящим во тьме”, или в результате персонификации самого племени в качестве бога, в любом случае неизбежно возник вопрос о происхождении героя. Если ‘спаситель’ был явным олицетворением племени, то, очевидно, невозможно было предположить, что он был сыном смертной матери. В таком случае — и если племя обычно восходит в легендах к какому-то первобытному Животному, Горе или Природному явлению — вероятно, было легко думать о нем (спасителе) как о рожденном из чрева Природы, происшедшем, возможно, от той чистой Девы Мира, которая есть Земля и Природа, которая правит небесами ночью и стоит в сменяющихся фазах Луны, и которой поклоняются (как мы видели) в великом созвездии Девы. С другой стороны, если бы он был обожествлением какого-то реального человека, более или менее известного либо лично, либо по традиции своим собратьям, тогда, по всей вероятности, имя его смертной матери было бы признано и принято; но что касается его отца, поскольку эта сторона происхождения, как мы уже говорили, обычно очень неопределенна, было бы легко предположить какое-то Небесное Благовещение, полуночный визит Бога и то, что обычно называют Непорочным зачатием.

Здесь следует помнить о двух элементах, которые указывают на такой вывод. Во-первых, это положение дел в отдаленный матриархальный период, когда происхождение всегда считалось по материнской линии, а отцовство в каждом поколении было неясным, неизвестным или обычно не принималось в расчет; а во-вторых, это факт — столь странный и трудный для нашего осознания, — что среди некоторых очень примитивных народов, таких как австралийские аборигены, необходимость для женщины вступать в половую связь с мужчиной, чтобы вызвать зачатие и деторождение, фактически не признавалась. Научные наблюдения не всегда заходили так далеко, и этот вопрос все еще находился в сфере Магии! (1) Таким образом, Девственница-Мать была вполне вообразимой (чтобы не сказать ‘мыслимой’) вещью; и действительно, очень красивой и завораживающей вещью, сочетающей в одном образе мощную магию двух очень замечательных слов. Не кажется невозможным, что соображения такого рода привели к принятию доктрины или легенды о деве-матери и небесном отце среди стольких рас и в стольких местностях — даже без какого-либо распространения традиции среди них.

(1) Вероятно, длительный период (девять месяцев), прошедший между совместным проживанием и родами, запутал ранние размышления на эту тему. Тогда очевидно, что за совместным проживанием НЕ всегда следовали роды. И, что еще более важно, количество девственниц зрелого возраста в первобытных обществах было настолько незначительным, что факт их бездетности не привлекал внимания, тогда как в НАШИХ обществах бесплодие всего класса очевидно каждому.

Как бы то ни было, и в самом деле, распространение этой легенды по всему миру весьма примечательно. Зевс, Отец богов, посетил Семелу, как мы помним, в виде грозы; и она родила великого спасителя Диониса. Зевс, опять же, оплодотворил Даная золотым дождем; и ребенком был Персей, который убил Горгон (силы тьмы) и спас Андромеду (человеческую душу (1)). Деваки, лучезарная Девственница из индуистской мифологии, стала женой бога Вишну и

родила Кришну, любимого героя и прототип Христа. Относительно Будды святой Иероним говорит (2): “Среди гимнософистов Индии передается, что Будда, основатель их системы, был рожден Девственницей от ее стороны”. Египетская Исида с младенцем Гором на коленях почиталась за столетия до христианской эры и почиталась под именами “Богоматери”, “Царицы Небесной”, “Морской звезды”, “Божьей Матери” и так далее. До нее Нейт, Дева Мира, чья фигура склоняется с неба над земными равнинами и детьми человеческими, была провозглашена матерью великого бога Осириса. Спаситель Митра тоже был рожден от Девственницы, как мы уже имели возможность заметить ранее; и на памятниках Митре мать, кормящая грудью своего ребенка, - нередкая фигура. (3)

(1) Эту интерпретацию слова "Андромеда" смотрите в "Совершенном пути" Эдварда Мейтленда, предисловие к Первому изданию, 1881г.

(2) Contra Jovian, книга I; и цитируется Ризом Дэвидсом в его "Буддизме".

(3) См. "Библейские мифы" Доана, стр. 332, и "Происхождение религиозных верований" Дюпюи.

Древняя тевтонская богиня Герта (Земля) была Девственницей, но была оплодотворена Небесным Духом (Небом); и ее изображение с ребенком на руках можно было увидеть в священных рощах Германии. (1) Скандинавская Фригга, во многом таким же образом, попав в объятия Одина, всеотца, зачала и родила сына, благословенного Бальдра, целителя и спасителя человечества. Кецалькоатль, (распятый) спаситель ацтеков, был сыном Чималман, Девственной царицы Небес. (2) Даже у китайцев была богиня-мать и девственница с младенцем на руках (3); и у древних этрусков то же самое. (4)

(1) Древнее искусство и мифология Р. П. Найта, стр. 21.

(2) См. "Мексиканские древности Кингсборо", т. vi, стр. 176, где говорится, что “с небес был отправлен посол с поручением к Деве из Тулана по имени Чималман ... объявивший, что такова воля Бога, чтобы она зачала сына; и, передав ей сообщение, он встал и вышел из дома; и как только он покинул его, она зачала сына, не связанного с человеком, которого звали Кецалькоатль, который, как говорят, является богом воздуха”. Далее, объясняется, что Кецалькоатль принес себя в жертву, выпустив собственную кровь шипами; и как только он покинул его, она зачала сына, не связанного с человеком, которого звали Кецалькоатль, который, как они говорят, является богом воздуха. что слово Кецалькоатлотопицин означает “наш возлюбленный сын”.

(3) Доан, стр. 327.

(4) См. "Языческий и христианский символизм" Инмана, стр. 27.

Наконец, у нас есть удивительно большое количество чернокожих матерей-девственниц, которым поклоняются или когда-то поклонялись. Не только такие случаи, как индийская богиня Деваки или египетская Исида, которые, естественно, выглядели бы чернокожими или смуглыми; но и большое количество изображений и картин того же рода, все еще сохранившихся — особенно в итальянских церквях — и выдающихся за изображения Марии и младенца Иисуса. Таковы хорошо известные изображения в часовне в Лоретто, а также изображения и росписи в церквях Генуи, Пизы, Падуи, Мюнхена и других местах. Трудно не рассматривать их как очень старые языческие или дохристианские реликвии, которые сохранились до христианских времен

и были заново крещены — как, впрочем, мы знаем, многие реликвии и изображения действительно были крещены — для служения Церкви. “Велика Диана Эфесская”; и я полагаю, что до наших дней дошла не одна черная фигура этой Дианы, которая, хотя, конечно, и девственница, представлена с бесчисленными грудями (1) — мало чем отличающимися от некоторых архаичных статуй Артемиды и Исиды. Говорят, что в Париже, еще в далекие христианские времена, на месте нынешнего собора Нотр-Дам был храм, посвященный “богоматери” Исиде; и изображения, принадлежащие более раннему святилищу, по всей вероятности, сохранились с измененным названием в более позднем.

(1) См. иллюстрацию, стр. 30, в книге Инмана “Языческий и христианский символизм”.

Все это иллюстрирует не только широкое распространение учения о Деве-матери, но и его крайнюю древность. Предмет неясен и заслуживает большего рассмотрения, чем ему до сих пор уделялось; и я не чувствую себя способным что-либо добавить к предварительным объяснениям, приведенным страницей или двумя назад, за исключением, возможно, предположения, что видение Совершенного Человека смутно витало в сознании человеческой расы при ее первом выходе из чисто животной стадии; и что вполне естественным предположением относительно такого существа было то, что он рождается от Совершенной Женщины, которая, согласно древним представлениям, обязательно должна была быть самой Девственной Землей, матерью всего сущего. Как бы то ни было, это была удивительная Интуиция, дремлющая, казалось бы, в груди древнего человека, что Великая Земля, дав рождение всем живым существам, наконец произведет на свет Ребенка, которому суждено стать Спасителем человеческой расы.

Конечно, существует еще одна теория, которой придерживаются некоторые, что роды девственницей - своего рода партеногенез - на самом деле иногда происходили среди смертных женщин и даже происходят до сих пор. Я был бы последним, кто отрицал бы ВОЗМОЖНОСТЬ этого (или чего-либо еще в Природе), но, видя огромные трудности на пути ДОКАЗАТЕЛЬСТВА любого такого заявленного случая и отсутствие до сих пор какого-либо тщательно засвидетельствованного и проверенного примера, было бы, я думаю, целесообразно в настоящее время не принимать во внимание эту теорию.

Но независимо от того, является ли какое-либо из упомянутых ОБЪЯСНЕНИЙ правильным или неправильным, и какое бы объяснение мы ни приняли, факт универсальности этой легенды по всему миру остается фактом - это еще один пример практической солидарности и преемственности языческих верований с христианством.

XI. РИТУАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ

Нет необходимости утруждать себя выводом из последних двух или трех глав, а именно тем, что христианство выросло из прежних языческих верований и по своему общему мировоззрению и происхождению является непрерывным и составляет с ними одно целое. Я не пытался собрать воедино ВСЕ доказательства в пользу этого утверждения, поскольку такая работа была бы слишком обширной, но читателям, несомненно, придет в голову больше иллюстраций к его истинности или появятся по мере того, как мы продолжим.

Я думаю, мы можем считать доказанным (1), что с древнейших времен и до Истории огромная совокупность религиозных верований и ритуалов, впервые появившихся среди очень примитивных и неоформленных народов, которых мы должны называть "дикарями", медленно приходила вниз, расширяясь и дифференцируясь по пути в самые разнообразные формы, но всегда воплощая определенные основные идеи, которые со временем стали общепринятыми доктринами более поздних Церквей — индийской, египетской, митраистской, христианской и так далее. Каковы были эти идеи в их общих чертах, мы, пожалуй, можем лучше всего судить по нашему "Апостольскому символу веры", поскольку он читается каждое воскресенье в наших церквях.

"Я верю в Бога Отца Всемогущего, Творца неба и земли: И в Иисуса Христа, его едиnorodного Сына, Господа нашего, который был зачат Духом Святым, рожден от Девы Марии, пострадал при Понтии Пилате, был распят, умер и погребен. Он сошел в Ад; на третий день он воскрес из мертвых, Он вознесся на небеса и восседает одесную Бога Отца Всемогущего; оттуда он придет судить живых и мертвых. Я верю в Святого Духа; святую Католическую Церковь; общение Святых; Прощение грехов; Воскресение тела и жизнь вечную. Аминь".

Здесь мы имеем Всеотца и Творца, спускающегося с Неба в виде духа, чтобы оплодотворить Земную Деву-мать, которая таким образом рождает Героя-Спасителя. Последний убит силами Зла, похоронен и спускается в нижний мир, но снова восходит как Бог на небеса и становится лидером и судьей человечества. У нас есть подтверждение Церкви (или, в прежние времена, Племени) посредством Евхаристии или Причастия, которое связывает воедино всех членов, живых или мертвых, и восстанавливает заблудших индивидуумов через Жертву героя и Прощение их грехов; и у нас есть вера в телесное Воскресение и продолжение жизни членов в лоне Церкви (или Племени), которое само по себе считается вечным.

Стоит только вместо слова "Иисус" прочитать "Дионис", или "Кришна", или "Геркулес", или "Осирис", или "Аттис", а вместо "Мария" вставить "Семела", или "Деваки", или "Алкмена", или "Нейт", или "Нана", а Понтию Пилату использовать имя любого земного тирана, который фигурирует в соответствующей истории, и о чудо! символ веры во всех деталях соответствует обрядам и поклонению языческому богу. Мне нет нужды распространяться о тезисе, который самоочевиден из всего сказанного ранее. Я, конечно, не говорю, что ВСЕ религиозные верования язычества включены и кратко изложены в нашем Апостольском Символе веры, поскольку — как у меня будет возможность отметить в следующей главе — я думаю, что некоторые очень важные религиозные элементы там ОПУЩЕНЫ; но я действительно думаю, что все верования, которые кратко изложены в указанном символе веры, уже были полностью представлены и детально выражены в нехристианских религиях и ритуалах язычества.

Далее (2) Я думаю, мы можем с уверенностью сказать, что нет никаких определенных доказательств того, что только что упомянутая совокупность верований возникла из какого-то одного конкретного центра в далеком прошлом и распространилась оттуда путем распространения и умственного заражения по всему остальному миру; но свидетельства скорее показывают, что эти верования были, по большей части, СПОНТАННЫМИ наростами (в различных местностях) человеческого разума на определенных этапах его эволюции; что они появлялись у разных рас и народов в разные периоды в соответствии со степенью эволюции и были в значительной степени независимы от общения и заражения, хотя, конечно, в случаях, когда, на которые это оказало значительное влияние; и что одним великим и исключительно

важным событием и провокацией этих верований на самом деле был ПОДЪЕМ САМОСОЗНАНИЯ, то есть приход разума к более или менее отчетливому осознанию самого себя и своего собственного функционирования, и последующее развитие и рост индивидуализма и эгоцентрической позиции в человеческих мыслях и действиях.

В-третьих (3) я думаю, мы можем видеть — и это особая тема настоящей главы, — что в очень ранний период, когда человечество едва ли было способно к систематическому выражению в том, что мы называем философией или наукой, оно не могло подняться до упорядоченного и литературного выражения своих верований, подобного тому, что мы находим в более поздних религиях и "Церквях" (вавилонской, иудейской, восточноиндийской, христианской или какой-то другой), и все же оно очень сильно ОЩУЩАЛО эти верования и было вынуждено, почти вынуждено их излагать в той или иной форме. Так получилось, что люди выразили себя в огромной массе ритуалов и мифов — обычаев, церемоний, легенд, историй, — которые благодаря своей популярной и конкретной форме передавались из поколения в поколение, а некоторые из них сохранились до сих пор в сердцевине нашей современной цивилизации. Многие из этих ритуалов и легенд были достаточно абсурдными, бессвязными и детскими по своему характеру и нелепыми по замыслу, тем не менее они придавали необходимое выражение; и некоторые из них, конечно, как мы видели, были полны смысла и намеков.

Критическая и коммерческая цивилизация, такая как наша, в которой (несмотря на много разговоров об искусстве) художественное чутье сильно отсутствует или, во всяком случае, мало распространено, как правило, не понимает, что поэтические ОБРЯДЫ в эволюции народов возникли естественным образом раньше чего-либо вроде упорядоченных стихов, философии или систематизированных ВЗГЛЯДОВ на жизнь и религию - таких, в которых МЫ любим погрязать! Вещи ЧУВСТВОВАЛИСЬ еще до того, как их произносили. Погрузка болезней в лодки для заразы, грехов на козлов отпущения, умиловивление сил природы жертвами, человеческими или животными, жертвоприношения, церемонии повторного рождения, евхаристические праздники, сексуальные причастия, оргиастические празднования обычной жизни и множество других вещей — все это достаточно ясно говорило о том, что имелось в виду, но не СЛОВАМИ. Отчасти, без сомнения, дело было в том, что в какое-то раннее время словами было труднее управлять и они были менее гибкими в использовании, чем действия (и во все времена не были ли они менее выразительными?). Отчасти это было связано с тем, что человечество находилось на стадии детства. Ребенок наслаждается ритуалами, символами, выражением через материальные объекты и действия:

Видите у его ног какой-нибудь маленький план или диаграмму,
какой-нибудь фрагмент из его мечты о человеческой жизни,
созданный им самим с помощью недавно изученного искусства;

Свадьба или праздник,
Траур или похороны;

И это теперь принадлежит его сердцу.

И первобытный человек на стадии детства испытывал настоящую радость от ритуальных празднеств и позволял себе выражения, которые мы почти не понимаем; ибо тогда они принадлежали его сердцу.

Одним из самых выразительных из этих выражений были ТАНЦЫ. Дети танцуют инстинктивно. Они танцуют от ярости; они танцуют от радости, с чистой жизненной силой; они танцуют от

боли, а иногда и с диким ликованием при виде страданий других; они наслаждаются имитационными боями или играми животных и переодеваниями. Существуют такие вещи, как танцы ухаживания, когда зрелые самец и самка вместе проходят ритуал — не только в цивилизованных бальных залах и задних гостиных гостиниц, но и во дворах ферм, где петух обращается с курицей или годовалый бычок с коровой - с соблюдением вполне общепринятых формальностей; существуют сложные церемонии, которые проводят австралийские садовые птицы и многие другие животные. Все эти вещи — по крайней мере, у детей и животных — предшествуют речи; и в любом случае мы можем сказать, что ЛЮБОВНЫЕ РИТУАЛЫ, даже у зрелого и цивилизованного человека, едва ли ДОПУСКАЮТ речь. Слова только опошляют любовь и притупляют ее остроту.

Таким образом, танец для дикарей и первобытных людей был не просто развлечением или гимнастическим упражнением (как часто пытаются представить в книгах), но это была также серьезная и интимная часть жизни, выражение религии и отношения человека к нечеловеческим силам. Представьте себе молодую танцовщицу — а допустимый возраст для ритуальных танцев обычно составлял примерно от восемнадцати до тридцати — выходящую вперед на танцевальную площадку или помост для ПРИЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ. К сожалению, у нас нет кинематических записей, но нет ничего невозможного или очень сложного в том, чтобы представить различные жесты и движения, которые могли бы считаться подходящими для такого ритуала в разных местностях или у разных народов. Современному изучающему эвритмику Далькроза эта задача показалась бы несложной. Со временем определенный ритуальный танец (для дождя) стал бы стереотипным и общепринятым. Или представьте молодого грека, возносящего молитву Аполлону, чтобы ОСТАНОВИТЬ КАКУЮ-НИБУДЬ ЧУМУ, опустошавшую страну. С таким же успехом его могла бы сопровождать небольшая группа танцовщиц; но он был бы лидером и главным представителем. Или это может быть ВОЕННЫЙ ТАНЕЦ - как более или менее магическая подготовка к набегу. Мы достаточно знакомы с рассказами о военных танцах американских индейцев. К. О. Мюллер в своей "Истории и древностях дорической расы" (1) приводит следующий отчет о пирровом танце у греков, который исполнялся в полном вооружении: "Платон говорит, что он имитировал все позы защиты, уклоняясь от удара или броска, отступая, подпрыгивая и приседая, а также противоположные движения атаки стрелами и копьями, а также все виды ударов. Привязанность к этому танцу в Спарте была настолько сильной, что долгое время после того, как в других греческих государствах он выродился в вакханалию, спартанцы все еще танцевали его как военное упражнение, и этому обучались пятнадцатилетние мальчики." Об охотничьем танце я уже приводил примеры. (2) Это всегда носило магический характер, с помощью которого, предположительно, можно было воздействовать на дичь или добычу; и легко понять, что, если охота не увенчалась успехом, вину вполне можно было приписать некоторому пренебрежению обычными ритуальными мимами или движениями — не повод для смеха руководителю танца.

(1) Книга IV, глава 6, раздел 7.

(2) См. также "Дикую Африку" Уинвуда Рида, гл. xviii, в которой он говорит о "танце горилл" перед охотой на горилл как о "религиозном празднике".

Или существовали танцы, относящиеся к церемониям Посвящения — танцы как самих инициаторов, так и посвященных. Джейн Э. Харрисон в книге "Фемида" (стр. 24) говорит:

“Обучение у диких народов всегда осуществляется в более или менее миметических танцах. При посвящении вы разучиваете определенные танцы, которые придают вам определенный социальный статус. Когда мужчина становится слишком стар, чтобы танцевать, он передает свой танец другому, более молодому, и тогда в некоторых племенах он перестает существовать в социальном плане.... Танцы, которым обучают мальчиков при посвящении, часто, если не всегда, являются танцами С ОРУЖИЕМ в руках. Они не обязательно воинственны. Снаряжение из копья и щита было отчасти декоративным, отчасти предназначалось для создания необходимого шума”. (Здесь мисс Харрисон воспроизводит фотографию танца посвящения среди акикую из Британской Восточной Африки.) Танцы посвящения незаметно и естественно сливаются с Мистическими и религиозными танцами, ибо на самом деле посвящение было по большей части обучением мистериям и социальным обрядам Племени. Они были выражением вещей, которые было бы трудно выразить определенными словами даже нам и которые для грубых людей были бы невозможны. Отсюда возникло выражение, значение которого много обсуждалось учеными, — “выплясывать ([gr ezorceisqai]) мистирию”. (1) Лукиан в часто цитируемом отрывке (2) замечает: “Вы не можете найти ни одной древней мистерии, в которой не было бы танца ... и все люди знают, что большинство людей говорят о раскрывающих тайны, что они ‘пускаются в пляс’. Эндрю Лэнг, комментируя этот отрывок, (3) продолжает: “Климент Александрийский использует тот же термин, говоря о своих собственных ‘ужасающих откровениях’. Мистерии дикарей настолько тесно связаны с танцами, что, когда мистер Орпен спросил Цина, охотника-бушмена, о некоторых доктринах, в которые Цин не был посвящен, он сказал: ‘Только посвященные в этот танец знают эти вещи’. ‘Танцевать’ то или иное означает быть знакомым с тем или иным мифом, который представлен в танце или балетном действии. Практика настолько широко распространена, что Акоста в интересном отрывке упоминает ее как знакомую народу Перу до и после испанского завоевания”. (И мы можем сказать, что когда “мистерии” носят сексуальный характер, легко понять, что “танцевать их” - единственный способ объяснить их!)

(1) Очевидно, означает либо просто представлять, либо, иногда, РАЗГЛАШАТЬ тайну.

(2) [gr peri ‘Orchsews], глава xv. 277.

(3) Миф, ритуал и религия, i, 272.

Таким образом, мы начинаем понимать серьезность и важность танца среди первобытных народов. Назвать юношу “хорошим танцором” - значит сделать ему большой комплимент. Среди хорошо известных надписей на скалах острова Тера в Эгейском море есть много таких, в которых глубоко вырезанными буквами запечатлены дружба и преданность друг другу спартанских воинов-товарищей; поначалу кажется странным, как часто встречается такой хвалебный эпитет: Батиклес ХОРОШО ТАНЦУЕТ, Эвмел - ПРЕКРАСНЫЙ ТАНЦОР ([gr aristos orcestras]). Вряд ли вообще можно ожидать, что один воин будет хвалить другого за его танец! Но когда человек понимает, что на самом деле имеется в виду, а именно пригодность любимого товарища для руководства религиозными и магическими ритуалами, тогда комплимент действительно приобретает новый оттенок. Религиозные танцы, посвященные богу, конечно, почитались во всех странах. Мюллер в только что процитированной работе (1) описывает оживленный танец под названием гипорхема, который в сопровождении песен использовался при поклонении Аполлону. “В этом, помимо хора певцов, которые обычно танцевали вокруг ПЫЛАЮЩЕГО АЛТАРЯ, было назначено несколько человек, которые сопровождали действие

поэмы соответствующим пантомимическим представлением”. Вероятно, это был какой-то похожий танец, который записан в книге Исход, гл. xxxii, когда Аарон сделал израильтянам золотого Тельца (изображение египетского Аписа). Там был алтарь, и огонь, и всесожжения для жертвоприношений, и люди танцевали вокруг. Были ли танцовщицы обнажены в ритуале Аполлона, я не могу сказать, но в случае с золотым Тельцом они, очевидно, были обнажены, поскольку следует помнить, что именно это так сильно нарушило невозмутимость Моисея — “когда он УВИДЕЛ, ЧТО ЛЮДИ БЫЛИ ОБНАЖЕНЫ” - и привело к разбитию двух каменных скрижалей и убийству нескольких тысяч людей. Следует также помнить, что Давид во время жертвоприношения танцевал обнаженным перед Господом. (2)

(1) Книга II, глава viii, раздел 14.

(2) 2 Цар. vi.

Может показаться странным, что танцы в честь бога должны проводиться обнаженными; но есть множество свидетельств того, что это часто имело место, и это наводит на интересное предположение. Многие из этих ритуалов, несомненно, были обязаны своей святостью и торжественностью своей крайней древности. На самом деле они пришли из очень далеких времен, когда средний мужчина или женщина — как в некоторых современных племенах Центральной Африки — вообще ничего не носили; и, как и все религиозные церемонии, они имели тенденцию сохранять свою форму еще долгое время после того, как окружающие обычаи и условия изменились. Следовательно, нагота сохранялась в жертвоприношениях и других обрядах до тех пор, пока в обычной жизни от нее не отказались или не сочли неприличной и постыдной. Это очень ясно видно в обоих приведенных выше примерах, цитируемых из Библии. Ибо в Исходе xxxii. 25 сказано, что “Аарон обнажил их (танцоров) к ИХ стыду среди их врагов (ЧИТАЙ противников)”, а во 2 Царств. vi. 20 нам рассказывается, что Мелхол вышел и саркастически упрекнул “славного царя Израиля” в том, что он “бесстыдно обнажился, как тщеславный малый” (за этот упрек, к сожалению, Давид жестоко отомстил Мелхол). В обоих случаях, очевидно, обычай настолько изменился, что для значительной части населения эти демонстрации обнаженного тела стали неприличными, хотя как части общепризнанного ритуала они все еще сохранялись и поддерживались другими. Тот же вывод можно сделать из повелений, записанных в Исходе xx. 26 и ххviii. 42, о том, что священники не должны быть “обнажены” перед алтарем — повелений, которые вряд ли были бы нужны, если бы такая практика не была в моде.

Затем появились танцы (частично магические или религиозные), исполняемые на деревенских и сельскохозяйственных праздниках, таких как Эпилениос, отмечаемый в Греции при сборе винограда. (1) О таком танце мы получаем представление в Библии (Судьи XXI. 20) когда старейшины посоветовали детям Вениамина выйти и затаиться в засаде на виноградниках во время ежегодного праздника; и “когда дочери Силома выйдут танцевать на хороводах, тогда выходите вы из виноградников и возьмите себе каждый по жене из дочерей Силома” — трогательный пример, по-видимому, раннего так называемого “брака путем пленения”! Или были танцы, также частично или изначально религиозные, довольно оргиастического и вакханалического характера, вроде Бряллихи, исполняемой в Спарте мужчинами и женщинами в отвратительных масках, или Деймалеи Силени и сатиров, вальсирующих по кругу; или бибасиса, исполняемого как мужчинами, так и женщинами — довольно гимнастическое

упражнение, в котором исполнители с особой гордостью ударяли себя пятками по ягодицам! или другие, еще более дикие, которые, возможно, было бы неудобно описывать.

(1) [великий ум]: гимны, исполняемые над винным прессом (Словарь).

Мы должны увидеть, какую важную роль Танцы играли в той великой панораме Ритуалов и религий (о которой говорилось в предыдущей главе), к которой, первоначально приведшей к 'Грехопадению человека', с самого начала истории постепенно охватили мир с его странной процессией демонов и божеств и символическими представлениями человеческой судьбы. Если вспомнить, что ритуальный танец был матрицей, из которой возникла Драма, и далее, что драма в своем зарождении (как и по сей день в Индии) была делом религии и разыгрывалась в Храмах или в связи с ними, становится легче понять, каким образом вся эта масса церемониальных жертвоприношений, искуплений, посвящений, праздников Солнца и Природы, евхаристических и оргиастических причастий и празднеств, мистерий, драматических представлений, мифов и легенд и т.д., которых я касался в предыдущих главах, - вместе со всеми эмоциями, желаниями, страхами - порождает страхи. страстные желания и удивление, которые они олицетворяли, практически проистекали из одного и того же корня: корня глубокого и необходимого в психологии Человека. В настоящее время я надеюсь показать, что все они практически снова сойдутся в конце концов к одному значению и подготовят путь для грядущего великого Синтеза — эволюции, также необходимой и неизбежной в человеческой психологии.

В этой поистине вдохновенной оде, отрывок из которой я процитировал несколькими страницами ранее, встречаются те хорошо известные слова, повторение которых сейчас, я уверен, будет извинено из-за их красоты:

Наше рождение - всего лишь сон и забвение:
Душа, которая восходит вместе с нами, Звезда нашей жизни,
Имел место в другом месте,
И приходит издалека;
Не в полном забвении,
И не в полной наготе,
Но, волоча за собой облака славы, мы приходим
От Бога, который является нашим домом:
Небеса окружают нас в нашем младенчестве!
Шторы в тюремном помещении начинают закрываться
На растущего Мальчика,
Но Он видит свет и то, откуда он исходит
Он видит это в своей радости;
Юноша, который с каждым днем отдаляется от востока
Должен путешествовать, все еще является Жрецом природы,
И, судя по великолепному видению,
Находится в пути, за ним ухаживают;
Наконец человек замечает, что это угасает
И растворяется в свете обычного дня.

Вордсворт, хотя и не обладал неоценимым преимуществом образования девятнадцатого века и наследием дарвиновской философии, тем не менее ставит вопрос о Гениальности Ребенка

таким образом, который (с изменением нескольких общепринятых терминов) мы, современные ученые, вполне склонны принять. Теперь мы все признаем, что Ребенок приходит в мир не с ментальной *tabula rasa* полной забывчивости, а наоборот, как обладатель обширных запасов подсознательной памяти, полученной из наследства его предков; мы все признаем, что определенная грация, интуитивное озарение и даже пророческие качества в природе ребенка обусловлены гармонизацией этих расовых наследий в младенце еще до его рождения; и что после рождения воздействие внешнего мира служит скорее для разрушения этой гармонии, чем для ее подтверждения и укрепления. Некоторые психологи действительно в наши дни заходят так далеко, что утверждают, что ребенок не только 'Отец мужчины', но и превосходит мужчину (1) и что Отрочество, юность и зрелость достигаются не каким-либо сложением, а процессом потери и вычитания. Будет видно, что последние десять строк приведенной выше цитаты скорее свидетельствуют в пользу этой точки зрения.

(1) "Человек в течение своей жизни все больше и больше отдаляется от специфически ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО типа своих ранних лет, но Обезьяна за свою короткую жизнь проходит гораздо дальше по пути деградации и преждевременного одряхления". (Мужчина и женщина, автор Хэвелок Эллис, стр. 24).

Но моей целью при приведении цитаты было не настаивать на истинности ее применения к отдельному Ребенку, а скорее указать на замечательный способ, которым она иллюстрирует то, что я сказал о Детстве Расы. Фактически, если эту цитату перечитать еще раз с такой интерпретацией (которую, я не говорю, Вордсворт имел в виду), что "рождение", о котором идет речь, - это рождение или эволюция отчетливо осознающего себя Человека из Животных и не осознающих себя человеческих существ с животной природой предшествующей эпохи, тогда притча разворачивается совершенно естественно и убедительно. ЭТО рождение, несомненно, было сном и забвением; грация, интуиция и инстинктивное совершенство животных были утрачены. Но забвение не было полным; память об эпохе гармонии, об эдемском саде, оставшемся позади, сохранялась еще долго. И, оставляя за собой облака этого воспоминания, первые люди племени, находящиеся на краю, но еще не ВОШЕДШИЕ В период цивилизации, появляются на заре истории.

Как я уже говорил ранее, период зарождения самосознания был также периодом зарождения практического и пытливого Интеллекта; это был период младенчества обоих; и поэтому мы видим среди этих ранних людей (как и среди детей), что, хотя в основном сердце и интуиция были правильными, интеллект долгое время был в некоторой степени бесполезным и бессвязным. Как только разум покинул древние основы инстинкта и подсознательного расового опыта, он провалился в безнадежную трясиину, из которой он лишь медленно выбирался с помощью с трудом собранных ступеней логики и того, что мы называем Наукой. "Небеса окружают нас в нашем младенчестве". Вордсворт постиг тот удивительный мир внутреннего опыта и славы, из которого появляется ребенок; и некоторые даже из нас могут постичь тот похожий мир, в котором ДО СИХ пор обитают необузданные животные и из которого давным-давно был изгнан эгоистичный Человек в истории человечества. Но вместе с изгнанием пришло проклятие. По мере того, как Мозг рос, сердце увядало. Унаследованные инстинкты и накопленная расой мудрость, на которых процветали первые люди и с помощью которых они достигли своего рода временного Рая, были разрушены; начались заблуждения, болезни и раздоры. Каин повернулся к своему брату и убил его; и шторы в темнице начали закрываться. Однако растущий Мальчик (под которым мы можем понимать ранние племена Человечества)

все еще излучал Свет и радость в своей жизни; и Юноша, хотя и удалялся с каждым днем все дальше от Востока, все еще оставался жрецом Природы, и великолепное видение сопровождало его в пути: но

Наконец Человек почувствовал, что оно угасло.
И растворилось в свете обычного дня.

Какая удивительно подходящая картина в нескольких словах (если нам угодно так ее понимать) долгого паломничества Человеческой Расы, ее раннего и трогательного цепляния за традицию эдемского сада, ее беспечного и энергичного детства, ее медитативной юности с сознанием греха и бесконечным ритуалом искупления на лоне Природы, ее мимолетных видений спасения и, наконец, ее полного разочарования и отчаяния в мировой бойне и неверии двадцатого века!

Оставляя, однако, Вордсворта и возвращаясь к нашему основному направлению мыслей, мы можем отметить, что, хотя древние народы были интеллектуально всего лишь младенцами - с их бесконечными рассказами о героях, скачущих на лошадях через широкие реки, или тучах монахов, летающих по воздуху на сотни миль, и их полной неспособностью понять общие взаимосвязи причины и следствия, — все же практически и в своем инстинкте жизни и предназначения они были, как я уже сказал, отнюдь не дураками; конечно, не такими дураками, какими их с удовольствием изображают многие из тех, кто изучает эти вещи в креслах. Ибо точно так же, как несколько лет назад мы, современные цивилизованные люди, изучающие отдаленные народы, например китайцев, радовались (в своем тщеславии) тому, что выделяли каждую причудливую особенность, абсурдность и уродство предполагаемого первобытного мира, и были совершенно неспособны увидеть реальную картину великого и в высшей степени разумного народа; так и в случае с первобытными людьми мы были и даже остаемся слишком склонными составлять каталог их жестокостей, непристойностей и идиотских суеверий и упускать из виду разумную и сбалансированную обстановку их реальной жизни.

Мистер Р. Р. Маретт, который хорошо знаком со своим предметом на практике, опубликовал в “Хибберт Джорнэл” за октябрь 1918 года статью о “Первобытном знахаре”, в которой он показывает, что последний, как правило, кто угодно, только не дурак и плут — хотя, как и “медики” всех эпох, он время от времени наводит фокус на своих пациентов! Он приводит в пример превосходное ведение родов знахарем в большинстве случаев, или заживление ран и переломов, или его первобытное мастерство в трепанации — все эти операции, по его признанию, могут сопровождаться гротескными и суеверными церемониями, но демонстрируют реальное восприятие и способности. Мы все знаем — хотя я думаю, что в статье не упоминается об этом, — какой значительный список лекарств и трав, которыми современное искусство врачевания обязано древнему знахарю, и можно еще раз упомянуть, что одно из самых современных методов лечения — использование длительной и исключительно МОЛОЧНОЙ диеты как средства дать организму новый старт в тяжелых случаях - действительно дошло до нас из глубины веков из этого древнего источника. (1) Настоящий знахарь, говорит м-р Маретт, в значительной степени ‘целитель веры’ и ‘врач души’; он верит в свое призвание и многое претерпевает ради этого: “Главное - понять, что благодаря его особому посвящению и жестким табу, которые он практикует, — не говоря уже о случайных замечательных способностях, скажем, о трансе и экстазе, которые он может унаследовать от природы и усовершенствовать искусством, — он ПОЛУЧАЕТ доступ к чудотворной силе.... И первобытные люди очень нуждаются в этом целителе душ”. Наш автор далее настаивает на огромной роли и

влиянии Страх в сознании дикарей — этого мы уже касались — и приводит примеры танатомании, или случаев, когда после довольно легкого и поверхностного ранения пациент впадает в такую депрессию, что совершенно напрасно упорствует в смерти! Таким случаям, очевидно, можно противостоять только с помощью Веры или чего-то (что бы это ни было), что возвращает уму мужество, надежду и энергию. Также не нет необходимости указывать на то, что сегодня ситуация точно такая же среди огромного числа "пациентов". Что касается ценности знахаря в его ученой степени, то многие современные наблюдатели и студенты вполне согласны с вышесказанным. (2) Также, поскольку настоящая глава посвящена ритуальным танцам, возможно, будет уместно привлечь внимание к предполагаемому исцелению больных людей на Цейлоне и в других местах с помощью дьявольских танцев - огромный выброс энергии и шума во время ритуала, возможно, приводящий к оживлению пациента (если это его не убивает) или изгнанию болезни из его организма.

(1) Молоко ("постное молоко" или врата) было, по словам мистера Хьюитта, единственной пищей при жертвоприношении Сомы. Смотрите "Правящие расы доисторических времен" (предисловие). Сама Сомы представляла собой ферментированный напиток, приготовленный с соблюдением церемоний из сока определенных растений, похожего на молоко и сперму, и широко использовался в жертвоприношениях. (См. Монье-Уильямс. Словарь санскрита.)

(2) См. Уинвуда Рида ("Дикая Африка"), Саламона Райнаха ("Культы, мифы и религии") и других.

Что касается практического разума первобытных народов, обусловленного их тесным контактом с жизнью и природой, то уместно вспомнить опыт епископа Коленсо среди зулусов. Когда он объяснял Библию этим предположительно отсталым "ниггерам", его повсюду встречали практическими расспросами и аргументами, на которые он был совершенно не в состоянии ответить - особенно по поводу зарегистрированного перехода израильтянами Красного моря за одну ночь. На основании статистических данных, приведенных в Священной Книге, эти непослушные дикари совершенно убедительно доказали ему, что число беглецов было таково, что даже если предположить, что они шли — мужчины, женщины и дети — ПО ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК В РЯД и в тесном порядке, они образовали бы колонну длиной в 100 миль, и это без учета багажа, овец и крупного рогатого скота! Конечно, этот подвиг был абсолютно невозможен. Они не смогли бы пересечь Красное море за ночь или неделю ночей.

Но продолжение все равно более забавное и поучительное. Коленсо в своей невинной искренности встал на сторону зулусов и, чувствуя уверенность, что местная Церковь была бы весьма рада исправить свое мнение относительно точности библейской статистики, написал книгу, содержащую необходимые поправки. Какой бы скромной ни была его критика, она вызвала БУРЮ протеста и гневных обличений, которые даже привели к тому, что он на время был отстранен от своего епископства! В то же время из прессы хлынула лавина книг, выступающих против его ереси. Недавно я из любопытства полистал каталог Британского музея и обнаружил, что в "опровержении рассмотренного Пятикнижия Коленсо" на тот момент было опубликовано около 140 (ста сорока) томов! Вряд ли нужно говорить, что сегодня все эти кресельные критики и их работы канули в лету, но аргументы зулусов и их епископа по-прежнему непоколебимы.

Это пример ищущего интеллекта, проявленного "дикарями", интеллекта, основанного на глубоком знании потребностей реальной жизни. Я думаю, мы можем сказать, что подобный инстинктивный разум (подсознательный, если хотите) руководил племенами людей в целом в их

долгом путешествии через Красное море на протяжении веков, с тех первых дней, о которых я говорю, вплоть до нынешнего века, и каким-то странным, хотя и прерывистым образом удерживал их на пути того окончательного освобождения, к которому неизбежно движется Человечество.

XII. ТАБУ На СЕКС

В течение последних нескольких глав я не раз говорил о солидарности и преемственности христианства в его основных доктринах с языческими обрядами. Однако из этого утверждения есть одно заметное исключение. Я, конечно, имею в виду отношение христианства к сексу. Безусловно, очень примечательно, что в то время как языческие культы обычно изобиловали всевозможными сексуальными ритуалами, придавали им большое значение и внедряли их, как мы считаем, бесстыдным образом в инстинкты, связанные с этим. Я говорю ‘христианская церковь’, в целом придерживавшаяся совершенно противоположной линии — игнорировавшая секс, осуждавшая его и делавшая многое вопреки совершенно естественным инстинктам, связанным с ним. Я говорю ‘христианская церковь’, потому что ничто не указывает на то, что сам Иисус (если мы признаем его фигуру исторической) придерживался какой-либо такой крайней или доктринерской позиции; и совсем ранние христианские учителя (за главным исключением Павла) не проявляют этой предвзятости в какой-либо большой степени. На самом деле, как хорошо известно, сильные течения языческих обычаев и верований пронизывали христианские собрания первых трех или четырех столетий. “Христианское искусство этого периода оставалось восхитительно языческим. В катакомбах мы видим Спасителя в виде безбородого юноши, похожего на молодого греческого бога; иногда его изображают, как Гермеса, хранителя стад, с бараном или ягненком на шее; иногда в виде Орфея, настраивающего свою лютню среди диких животных”. (1) Последователей Иисуса иногда даже обвиняли — справедливо или нет, я не знаю — в том, что они совершают сексуальные таинства на своих любовных праздниках. Но по мере того, как Церковь на протяжении веков набирала силу и размах — с ее монахами, их увечьями и аскетизмом, с ее безбрачным духовенством и абсолютным отказом признавать сексуальное значение своих собственных признанных символов (таких как Крест, три пальца Благословения, Лилия и так далее) — она все более и более последовательно определяла себя как антисексуальную по своему мировоззрению и этим резко контрастировала с более ранними естественными религиями.

(1) Крылья ангела, Э. Карпентер, стр. 104.

Конечно, можно сказать, что эта антисексуальная тенденция прослеживается и в других дохристианских церквях, особенно в более поздних, таких как буддийская, египетская и так далее; и это совершенно верно; но, похоже, что во многих отношениях христианская Церковь ознаменовала кульминацию этой тенденции; и тот факт, что другие культы участвовали в табуировании, делает нас еще более готовыми и озабоченными исследовать его истинную причину.

Углубляться в изучение сексуальных обрядов различных дохристианских религий было бы ‘большим заданием’ — большим, чем я мог бы попытаться выполнить; но общие факты в этой связи достаточно очевидны. Мы, конечно, знаем из Библии, что сирийцы в Палестине были

склонны к сексуальным культам. На каждом высоком холме и под каждым зеленым деревом были эрегированные изображения (фаллические) и “рощи” (сексуальные символы); (1) и эти же изображения и связанные с ними обряды проникли в еврейский храм и были достаточно популярны, чтобы оставаться там в течение длительного периода, начиная с царя Ровоама, несмотря на усилия Иосии (2) и других реформаторов искоренить их. Более того, в этот период к Еврейскому храму, как и к языческим Храмам, регулярно прикреплялись девушки и мужчины (иеродулои) для оказания сексуальных услуг, которые во многих случаях признавались частью ритуала. Женщин убеждали, что быть оплодотворенной “святым человеком” (священником или другим мужчиной, связанным с обрядами) - большая честь, и детей, рожденных в результате таких союзов, часто называли “Детьми Бога” — название, которое, без сомнения, иногда приводило к легенде о чудесном рождении! Ожидалось, что девушки, занявшие место иеродулов в Храме или на его территории, будут отдаваться мужчинам-поклонникам в Храме, вероятно, во многом таким же образом, как Геродот описывает в храме вавилонской Венеры Милитты, где каждая туземная женщина раз в жизни должна была посидеть в Храме и вступить в половую связь с каким-нибудь незнакомцем. (3) Действительно, сирийские и еврейские обряды в значительной степени восходят к Вавилонии. “Евреи, вторгшиеся в Сирию, - говорит Ричард Бертон (4), - обнаружили, что Ассирия и Вавилония превратили ее в религию, когда аккадская Иштар ушла на Запад и стала Ашторет, Аштарот или Ашира, армянской Анаитидой, финикийской Астартой и греческой Афродитой, великой богиней Луны, царицей Небес и Любви”. Слово, переведенное в нашей Библии как “роща”, как указано выше, на самом деле означает Ашера, что довольно четко связывает его с вавилонской царицей Небесной.

(1) 1 Царств xiv. 22-24.

(2) 2 Царств xxiii.

(3) См. Геродот, i. 199; также ссылка на этот обычай в апокрифическом "Барухе", vi. 42, 43.

(4) "Тысяча ночей и одна ночь" (1886, изд.), т. х, стр. 229.

И снова в Индии, в связи с индуистскими храмами и их обрядами, мы имеем точно такой же институт девушек, прикрепленных к храмовой службе, — девушек-наутч, — чьи функции в прошлые времена были, безусловно, сексуальными, и чьи танцы в честь бога даже по сей день носят явно любовный характер. Кроме того, мы можем увидеть множество лингамов (условных изображений мужского органа) в аркадах и галереях индуистских храмов, к которым прибегают женщины всех сословий, особенно те, кто хочет стать матерями, обильно смазывая их маслом и демонстрируя свое уважение и преданность им очень практичным способом. Что касается лингама, представляющего мужской орган в той или иной форме — в виде вертикального камня, или колонны, или обелиска, или стройной круглой башни, — то он встречается по всему миру, особенно в Ирландии, и является таким памятником поклонения древних народов великой эмблеме и инструменту человеческого плодородия, что ошибиться невозможно. Колонны, установленные Соломоном перед его храмом, очевидно, судя по их названиям — Иахин и Воаз (1) — должны были быть эмблемами такого рода; и тот факт, что они были увенчаны гранатом — общепринятым символом женского начала, — подтверждает и закрепляет эту интерпретацию. Обелиски перед египетскими храмами были знаками того же характера. Хорошо известный Т-образный крест использовался в языческих странах задолго до христианства как изображение мужского члена, а также в то же время "дерева", на котором был распят бог (Аттис, или Адонис, или Кришна, или кто бы это ни был); и тот же символ в сочетании с овалом (или йони)

образовывал Cruх Anхata (Анхх) древнеегипетского ритуала — фигуру, которая сегодня продается в Каире как мощный талисман и, по общему признанию, указывает на соединение двух полов в одном рисунке. (2) Макленнан в “Fortnightly Review” (октябрь 1869 г.) с одобрением цитирует слова Санчониатона о том, что “люди сначала поклоняются растениям, затем небесным телам, которые предположительно являются животными, затем “столбам” (эмблемам Деторождающего) и, наконец, антропоморфным богам”.

(1) “Он утвердит” и “В нем сила” - это в Библии второстепенные толкования этих двух слов.

(2) Связь между добыванием огня с помощью огнемёта и зарождением жизни путем полового акта очень очевидна и поддается магическим представлениям. Дж. Э. Хьюитт в своей книге “Правящие расы доисторических времен” (1894) говорит (т. i, стр. 8), что “Магха, богиня-мать, которой поклонялись в Малой Азии, первоначально была подставкой, из которой огонь добывался огнемётом”. Отсюда, говорит он, у нас есть маги Персии и Магады индийской истории, а также слово “Магия”.

Нет необходимости распространяться на эту тему. Факты связи сексуальных ритуалов с религиозными службами почти повсюду в древнем мире, как я уже сказал, достаточно очевидны для каждого исследователя. Но необходимо попытаться понять логическое обоснование этой связи. Квалифицировать все подобные случаи просто как “религиозную проституцию” - это ничего не объясняет. Этот термин, конечно, предполагает, что ссылка на религию использовалась просто как оправдание и прикрытие сексуальной фамильярности; но хотя такого рода объяснение, без сомнения, заслуживает внимания современного человека, чья религия столь же коммерчна, как и его сексуальные отношения, и хотя в некоторых СЛУЧАЯХ, без сомнения, это было правдивое объяснение, все же очевидно, что среди людей, которые воспринимали религию всерьез, как вопрос жизни и смерти, и которые не нуждались в лицемерных оправданиях или прикрытиях для сексуальных отношений, это не может быть принято как в целом ПРАВИЛЬНОЕ объяснение. Нет, настоящее объяснение заключается в том — и я скоро вернусь к этому, — что сексуальные отношения являются настолько глубокой и интимной частью человеческой природы, что с самого начала было просто невозможно оградить их ОТ религии — конечно, цель религии состоит в том, чтобы привести всего человека в некую понятную связь с физическим, моральным и, если хотите, сверхъестественным порядком огромного мира вокруг него. Секс с самого начала воспринимался как часть, причем основополагающая, великого порядка в мире и человеческой природе; и поэтому отделять его от религии было немыслимо и своего рода противоречием в терминах. (1)

(1) Для дальнейшего развития этого вопроса см. главу хv.

Если это правда, то спросят— как получилось, что этот развод ДЕЙСТВИТЕЛЬНО имел место, что табу действительно возникло? Как получилось, что евреи под влиянием Иосии и еврейских пророков отвернулись от секса и яростно выступали против сирийских культов? Как получилось, что эта реакция распространилась на христианство и стала еще более определенной в христианской церкви — что монахи тысячами уходили в пустыни Фиваиды, и что ранние Отцы Церкви и христианские апологеты не могли найти достаточно грязных терминов, чтобы швырнуть их в Женщину как символ (для них) не чего иного, как сексуального разврата и заблуждения? Как получилось, что это презрение к телу и деградация сексуальных отношений продолжались далеко в Средние века Европы и в конечном итоге создали организованную систему лицемерия, сокрытия и подавления сексуальных инстинктов, которая, действуя как

прикрытие для мерзкой коммерческой проституции и как питательная среда для ужасных болезней, просуществовала даже до наших дней?

Это справедливый вопрос, требующий ответа. Должна была быть причина, причем глубоко укоренившаяся, для этой замечательной реакции и поворота, которые характеризовали христианство и, возможно, в меньшей степени, другие как более ранние, так и более поздние культуры, такие как буддисты, египтяне, ацтеки (1) и так далее.

(1) Об ацтеках см. Acosta, том ii, стр. 324 (Лондон, 1604).

Можно сказать — и это справедливый ответ на ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД проблемы, — что главной причиной БЫЛО что-то в природе реакции. Эксцессы и развращение секса в Сирии, очевидно, стали довольно плохими, и сам этот факт, возможно, привел к качанию маятника Еврейской церкви в противоположном направлении; и опять же, таким же образом общая распушенность нравов в период упадка Римской империи, возможно, укрепила Церковь раннего христианского мира в ее решимости продолжать идти по великому пути аскетизма. Христиане последовали примеру иудейской и египетской церквей, и таким образом великая традиция сексуального воздержания и антиязыческой морали дошла из глубины веков даже в наше время.

Пока это кажется разумной теорией; но я думаю, мы пойдем дальше и приблизимся к сути проблемы, если вернемся к общему ключу, которому я следовал уже не раз, — ключу к необходимой эволюции человеческого сознания. На первой, или животной, стадии эволюции человека секс был (как и среди животных) совершенно необходимой, инстинктивной и неосознанной деятельностью. Он был гармоничен сам с собой, естествен и не порождал зла. Но когда наступила вторая стадия, на которой человек стал в значительной степени *самосознательным*, он неизбежно начал переключать сексуальную активность на свое личное удовольствие и выгоду; он использовал свой подающий надежды интеллект, чтобы направить страсть и вожделение под откос, переключив их с племенных потребностей и использования Природы на жалкие детали собственного удовлетворения. Если первую стадию гармоничного полового инстинкта и активности можно считать характерной для Золотого века, то вторую стадию следует рассматривать как представляющую Грехопадение человека и его изгнание из Рая в истории Эдемского сада. Удовольствие и слава секса были обращены в корыстные цели, сам секс стал великим Грехом. Чувство вины завладело мыслями человека по этому поводу. “Он знал, что он наг”, и он бежал от голоса и лица Господа. С этого момента одним из главных предметов его жизни (в ее внутренней и более новой деятельности) стало *отрицание* секса. Секс считался великим Антагонистом, старым Змием, всегда подстерегающим его, чтобы предать; и в истории каждой расы и каждой представительной религии наступал момент, когда сексуальные обряды и церемонии прежних времен утрачивали свой наивный и квази-невинный характер и становились подвержены чувству вины и непристойности. Этим необычайно интересным и драматическим моментом в эволюции человека был, конечно, тот, когда самосознание стало достаточно сильным, чтобы проникнуть в центр человеческой жизнедеятельности, в *святая святых* внутренней жизни человека, в его сексуальный инстинкт, и нанести ему ужасающий удар - удар, от которого оно до сих пор не оправилось и от которого, действительно, не оправится, пока не изменится сама природа внутренней жизни человека.

Можно сказать, что со стороны Человека было очень глупо отрицать и пытаться изгнать совершенно естественную и разумную вещь, необходимую и незаменимую часть его собственной природы. И это, насколько я могу видеть, совершенно верно. Но иногда, казалось

бы, неизбежно совершать глупые поступки — хотя бы для того, чтобы убедить себя в собственной глупости. С другой стороны, эта политика со стороны Человека была, безусловно, очень мудрой — мудрее, чем он думал, — поскольку, пытаясь изгнать Секс (чего, конечно, он не мог сделать), он вступил в конфликт, который должен был закончиться изгнанием ЧЕГО-ТО; и этим чем-то было доминирование внутри него самосознания, той самой вещи, которая делает и всегда делала секс отвратительным. Человеку не удалось изгнать змею из Сада, но он изгнал самого себя, забрав с собой настоящего старого змея жадности к себе и самоудовлетворения. Когда однажды он вернется в Рай, этот последний умрет у него на груди и будет изгнан, но он найдет там добрую Змею, как в старые времена, полную исцеления и дружелюбия, среди ветвей Древа Жизни.

Кроме того, из других соображений очевидно, что этот момент отказа от секса ДОЛЖЕН был наступить. Когда думаешь об огромной силе этой страсти и ее вековой власти над человечеством, понимаешь, что однажды освобожденная от инстинктивных уз природы и поддержанная самосознательным и своекорыстным человеческим разумом, она была на пути к тому, чтобы стать страшным проклятием.

Чудовищный Эфт был в древности Владыкой Земли;
Для него пылало его высокое солнце, и текла его вздымающаяся река.

И, возможно, все это было очень хорошо и уместно в каменноугольную эпоху, но у НАС в конце Времен нет ни малейшего желания подпадать под такое абсурдное господство или возвращаться в первобытные болота, из которых органическая природа так медленно и мучительно поднималась.

Я говорю, что именно проникновение самосознания в сферу Секса и последующее использование последнего в личных целях отравили в корне эту великую расовую силу. Ибо, прежде всего, Секс, как представляющий через Деторождение жизнь Расы (или Племени, или, если хотите, Человечества в целом), должен быть священным и охраняться от чисто эгоистичных целей, и поэтому использовать его только для таких целей действительно является осквернением. И даже если — как утверждают некоторые, и я думаю, справедливо (1) — секс предназначен не ТОЛЬКО для рождения ребенка и физического продолжения рода, но и для взаимного оживления и придания сил, он все равно служит союзу, а не эгоизму; и использовать его эгоистично — значит действительно совершать грех разлуки. Это означает отбросить и испортить саму связь жизни и товарищества. Древние народы, во всяком случае, придавали половым актам религиозное (то есть общинное и публичное) значение и в значительной степени превратили их либо в храмовый ритуал и поклонение богам, либо в общинное празднование пандемии, как в Сатурналиях и других подобных фестивалях. Мы, конечно, не имеем права считать эти празднования — любого рода — неискренними. Во всяком случае, в начале своего существования они были подлинно религиозными или подлинно социальными и праздничными; и с любой точки зрения они были намного лучше, чем тайна частного потворства своим желаниям, которая характеризует наш современный мир в этих вопросах. Тщательный и бесстыдный меркантилизм Секса, увы! были зарезервированы для того, что называется “христианской цивилизацией”, и вместе с этим (возможно, как необходимое следствие) проституция и сифилис превратились в ужасающее зло, сопровождаемое гигантской деградацией социальных стандартов и ростом мелкого мещанства и низкопоклонства. Любовь, фактически отвергнутая в этом современном мировом движении, а

ее естественные проявления, затронутые чувством вины и греховности, действительно зачали и перестали играть свою естественную роль в жизни; и огромное количество людей - как мужчин, так и женщин, оказавшихся отрезанными от главной цели существования, обратили свою энергию на "бизнес", или "зарабатывание денег", или "социальный прогресс", или что—то столь же бесполезное, как единственная доступная им жалкая замена и спасение.

(1) См. Хэвелока Эллиса “Цели брака”, брошюру, опубликованную "Британским обществом изучения психологии секса".

Почему (снова спрашиваем мы) христианство совершило эту, по-видимому, великую ошибку? И снова мы должны ответить: возможно, ошибка была не такой большой, как кажется. Возможно, это был еще один случай необходимости учиться на потерях. Любовь в форме секса должна была быть отвергнута, чтобы она могла таким образом лучше усвоить свои собственные истинные ценности и потребности. Секс должен был быть отвергнут или осквернен чувством вины и своекорыстием, чтобы, избавившись от своей скверны, однажды он мог вернуться, преображенный в объятиях любви. Весь этот процесс имел глубокое и странное мировое значение. Это привело к чрезвычайно длительному периоду подавления — подавления двух великих инстинктов — физического инстинкта секса и эмоционального инстинкта любви. Две вещи, которые естественно должны были соединены, были разделены; и обе пострадали. И мы знаем из учения Фрейда, что обязательно означает подавление коренных инстинктов. Мы знаем, что они неизбежно заканчиваются болезнями и нарушениями правильных действий либо в теле, либо в уме, либо в обоих; и что эти пороки могут быть излечены только путем возвращения упомянутых инстинктов к их надлежащему выражению и гармоничному функционированию во всем организме. Неудивительно поэтому, что с этим многовековым подавлением (каким бы необходимым в некотором смысле оно ни было), отмечающим христианское устройство, должны были быть связаны бесконечные Болезни, преступления и отвратительная нищета, Распятие животных во имя Науки и человеческих работников во имя Богатства, а также неисчислимые войны и ужасы! Геркулес, корчащийся в рубашке Несса, или Прометей, пригвожденный к скалам, - всего лишь игрушечные миниатюры по сравнению с этим видением великого и божественного Духа Человека, попавшего в когти тех ужасных Болезней, которые на протяжении веков разъедали само его сердце и жизненно важные органы.

Было бы несправедливо возлагать вину за все это на христианскую церковь. Без сомнения, он должен был сыграть свою роль во всем великом плане, а именно подчеркнуть личный мотив; и он сыграл эту роль очень тщательно и успешно. Ибо следует помнить (на чем я снова и снова настаивал), что в языческих культах главным соображением всегда было спасение РОДА, ПЛЕМЕНИ, народа; преимущество личности играло лишь очень второстепенную роль. Но в христианском мире — после того, как общественный энтузиазм апостольских дней, средневековых и монашеских братств и сестричеств угас, — религия все больше и больше занималась ИНДИВИДУАЛЬНЫМ спасением каждого мужчины или женщины, независимо от того, что могло случиться с общиной; пока, с подъемом протестантизма и пуританства, эта тенденция не достигла такой крайности, что, как кто-то сказал, каждый человек был поглощен полировкой своей маленькой души в уединенном уголке, совершенно не обращая внимания на проклятие, которое могло постигнуть его ближнего. Религия, как и мораль, при коммерческом режиме стала, что было естественно, совершенно эгоистичной. Это всегда звучало так: “Спасен лия? Правильно ли поступаю я? Завоевываю ли я благосклонность Бога и человека? Будут ли удовлетворены мои притязания на спасение? Я заключил выгодную сделку, позволив

Иисусу быть распятым за меня?” Яд болезненного самосознания проник во всю человеческую систему.

Как я уже сказал, не следует слишком винить христиан за все это — отчасти потому, что ПОСЛЕ периодов общинности, о которых я только что упомянул, христианство, очевидно, испытало глубокое влияние роста КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ, к которому в течение последних двух столетий оно так тщательно и благочестиво приспосабливалось; и отчасти потому, что — если наша точка зрения хоть сколько—нибудь верна - эта микробная инъекция самосознания была как раз той необходимой работой, которую (в сочетании с коммерциализмом) оно ДОЛЖНО было выполнить. Но хотя человек и не винит христианство, он не может закрывать глаза на его недостатки — недостатки, неизбежно вытекающие из той роли, которую ему пришлось сыграть. Когда кто—то сравнивает здоровый языческий ритуал - скажем, Аполлона или Диониса, - включая его грубые и примитивные жертвоприношения, если хотите, но также включая его искреннюю спонтанность и преданность общей жизни и благополучию, — с болезненным самоанализом христианина и вечно повторяющимся вопросом “Что мне сделать, чтобы спастись?” - сравнение не в пользу последнего. В христианском мировоззрении есть (по крайней мере, в наши дни) какая-то слащавая молочность, а также болезненное самосознание, что неприятно; и хотя белокурая бестия Ницше - довольно неприятное животное, человек почти думает, что лучше было бы быть ТАКИМ, чем ходить, смиренно склонив голову набок, и постоянно говорить об альтруизме и самопожертвовании, в то время как на самом деле его сердце было всецело занято вопросом собственного спасения. Кроме того, христианским доктринам и церемониям прискорбно не хватает твердости и содержания. Каким-то образом из-за сексуального табу они стали одухотворенными и эфирными, утратив всякое человеческое применение. Изучите обряды инициации любого дикого племени — с их строгой дисциплиной юных храбрецов в стойкости духа и преодолении боли и страха; с их очень подробными уроками военного искусства и обязанностей взрослого мужчины перед своим племенем; и с их вполне практическими инструкциями в вопросах секса; а затем прочтите наши небольшие службы крещения и конфирмации, которые должны соответствовать им. Какими тонкими, ослабленными и немощными кажутся последние! Или сравните Святое Причастие, совершаемое в сентиментальной атмосфере протестантской церкви, с древним евхаристическим праздником настоящего веселья и общности жизни в общепризнанном присутствии бога; или римско-католическую службу мессы, включающую преклонение колен, притворные жертвоприношения и монотонное ритуальное пение, с реальным жертвоприношением в ранние времена животного-бога-жертвы на пылающем алтаре; и я думаю, мой смысл будет ясен. Мы, конечно, не хотим возвращаться ко всей грубости и варварству прошлого; но также мы не хотим становиться утонченными и одухотворенными без всякого мирского смысла и признания и жить в Раю иного мира, неприменимом к земным делам.

Табу на секс в христианстве, по-видимому, было, как я уже говорил, попыткой человеческой души вырваться из пут физического вожделения, которое, хотя и было нормальным, уместным и в некотором смысле милосердным у животных, из-за господства самосознания стало болезненным или чудовищным у Человека. Прделанная таким образом работа, вероятно, имела величайшую ценность для человечества; но точно так же, как в других случаях иногда случалось, что усилия по выполнению определенной работы приводили в конце концов к несбалансированному преувеличению, так и здесь. Теперь мы начинаем видеть пагубную сторону подавления секса и осторожно возвращаемся к более языческому отношению. И

поскольку это обратное движение происходит в то время, когда, по многим очевидным признакам, застенчивая, алчная, коммерческая концепция жизни готовится пойти на убыль, а чувство солидарности восстановиться, есть действительно хорошая надежда, что наше обратное путешествие может оказаться в какой-то степени успешным.

Человек, как правило, прогрессирует не на обеих ногах сразу, как воробей, а выставляя вперед сначала одну ногу, а затем другую. В христианском табу на секс было то преимущество, что, препятствуя физической и чувственной стороне любви, оно на какое-то время позволяло выйти вперед духовной стороне. Но, как я только что указал, у этого процесса есть предел. Мы не можем всегда ставить одну ногу впереди при ходьбе, и мы не хотим в жизни всегда ставить духовное на первое место, равно как и материальное и чувственное. Обе стороны в долгосрочной перспективе должны идти в ногу друг с другом.

И возможно, что большое количество очень любопытных и кажущихся бессмысленными табу, которые мы находим у первобытных народов, можно частично объяснить таким образом: то есть, исключая определенные направления деятельности, они позволяли людям на какое-то время более эффективно сконцентрироваться на других направлениях. Для первобытных людей огромный мир, пути которого, по совести говоря, достаточно загадочны для нас, должно быть, был просто ошеломляющим в своих опасностях и сложностях. Это было изумление Страх и Невежества. В любой момент могут грянуть молнии с голубого неба, или демон появиться из ствола старого дерева, или опустошительная чума из—за неприятного запаха -или, по-видимому, вообще из ничего! При таких обстоятельствах, возможно, было мудро везде, где возникало малейшее ПОДОЗРЕНИЕ на опасность или невезение, установить жесткое ТАБУ — точно так же, как мы говорим нашим детям НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не ходить под лестницей (тем самым создавая в их умах суеверие), отчасти потому, что потребовалось бы слишком много времени, чтобы объяснить все о реальной опасности горшочков с краской и других вещей, а отчасти потому, что самим детям кажется проще иметь фиксированный и нерушимый закон, чем спорить по каждому встречному случаю. Священники и старейшины древнего народа, без сомнения, придерживались линии ЗАПРЕЩЕНИЯ действий, как более безопасной и простой, даже если иногда заходили слишком далеко, чем противоположной - легкого разрешения и поощрения. Множились табу — многие из них совершенно бессмысленны, — но, возможно, в этом опасном лабиринте мира, о котором я говорил, действительно было проще вырезать большую часть лабиринта в качестве запретной территории, чтобы людям было легче находить дорогу в тех частях лабиринта, которые остались. Если вы прочтете во Второзаконии (гл. xiv) список птиц, зверей и рыб, разрешенных в пищу израильтянам или запрещенных к употреблению в пищу, вы найдете список в целом разумным, но вас поразят некоторые любопытные исключения (согласно нашим представлениям), которые, вероятно, следует объяснить необходимостью сделать правила достаточно простыми, чтобы их мог понять каждый — даже если они включали запрет на некоторых вполне съедобных животных.

В какой-то ранний период, в Вавилонии или Ассирии, возникло очень строгое табу на субботу, которое, подхваченное по очереди еврейской и христианской церквями, правило Западным миром на протяжении трех тысяч лет или более и до сих пор сохраняется в совершенно бессмысленной форме среди некоторых наших сельских жителей, которые скорее увидят, как их кукуруза гниет на полях, чем сохраняют ее в воскресенье. (1) Вполне вероятно, что это табу в своем первоначальном виде было вызвано не какой-либо потребностью в еженедельном дне отдыха (потребность, которая никогда не могла ощущаться среди дикарей-кочевников, а могла

возникнуть только в какой-либо индустриальной и стационарной цивилизации), а неким суеверным страхом, связанным с такими вещами, как изменения Луны и вероятная НЕУДАЧА любого предприятия, предпринятого на седьмой день или в любой день изменения Луны. Однако вполне вероятно, что с течением времени и усложнением общества преимущества еженедельного ДНЯ ОТДЫХА (или базарного дня) становились все более очевидными и что священники и законодатели намеренно использовали табу в общественных целях. (2) Однако образованные современные этнологи, как правило, не имеют ни малейшего представления об этом последнем. Как правило, им доставляет удовольствие представлять древние народы полностью лишёнными здравого смысла (который, как предполагается, является монополией нас, современных людей!); и если установление субботы имело какую-либо ценность или применение, они настаивают на том, чтобы приписать это чистой случайности, а не применению какого-либо здравого аргумента или причины.

(1) О других абсурдных воскресных табу см. Вестермарк "О моральных идеях", т. ii, стр. 289.

(2) Чтобы проследить, как это табу превратилось из бесполезного суеверия в практическую пользу, см. Энциклопедию Гастингса. Религия и этика, статья. "Суббота".

Действительно, табу — чтобы быть надлежащим табу - не должно основываться в сознании людей на аргументах или доводах разума. Возможно, в этом был здравый смысл в прошлом или даже лежащий в основе здравый смысл в настоящем, но его основа должна покоиться на чем-то запредельном. Это должно быть абсолютное распоряжение — что-то вроде Тайны (1), Религии или Магии - и не подлежащее оспариванию. Это придает ему леденящее кровь качество. Деревенский житель не знает, что с ним будет, если он соберет кукурузу в воскресенье, так же как и посетитель приличного общества, обедающий в ресторане, не знает, что произойдет, если он будет ковыряться в еде ножом, - но они оба поражены своего рода параличом при одном намеке на нарушение этих табу.

(1) См. Вестермарк, там же, ii. 586.

Брачные обычаи всегда были благодатной почвой для возникновения табу. Кажется сомнительным, чтобы нечто похожее на абсолютную распущенность когда-либо преобладало среди человеческой расы, но многое указывает на то, что широкий выбор и половые сношения были обычным явлением среди первобытных народов и что тенденция позднейших брачных обычаев в целом заключалась в ограничении этого диапазона выбора. В какой-то ранний период имело место запрещение браков между теми, кто носил одно и то же тотемное имя. Так, в Австралии "ни один мужчина из племени эму не мог жениться на женщине-эму; ни одна черная змея не могла жениться на женщине-Черной змее и так далее". (1) Среди камилароев и арунта Южной Австралии племя было разделено на классы или кланы, иногда четыре, иногда восемь, и мужчина из одного определенного клана мог вступить в брак только с женщиной из другого определенного клана — скажем, (1) с (3) или (2) с (4), и так далее. (2) Обычаи со схожей тенденцией, но отличающиеся в деталях, по-видимому, преобладали среди коренных племен Центральной Африки и Северной Америки. И правила во всем этом вопросе были настолько (очевидно) совершенно произвольными в различных случаях, что могло бы показаться, что граница родства через Тотем была ОПРАВДАНИЕМ, происходящим, возможно, из какого-то суеверия, но что реальной и более постоянной целью было просто ограничение. И, возможно, это была мудрая линия поведения. Необходимо было установить табу на промискуитет, и для этой цели можно было использовать любые существующие предрассудки. (3)

(1) Миф, ритуал и религия, i, стр. 66.

(2) См. Спенсер и Гиллен, "Коренные племена Австралии".

(3) Автор "Мистической розы", похоже, придерживается этой точки зрения. См. стр. 214 этой книги.

У нас, современных людей, все это приобрело иную окраску. Когда мы рассматриваем огромное количество страданий и болезней, как ума, так и тела, возникающих в результате подавления секса, о котором я только что говорил, особенно среди женщин, мы видим, что простые необоснованные табу, которые, возможно, имели свое место и применение в прошлом, больше нельзя терпеть. Мы обязаны направить луч разума и науки на ряд суеверий, которые все еще витают в темных и затхлых уголках Церквей и судов. Современные исследования убедительно показали не только основополагающую важность секса в эволюции каждого человеческого существа, но и огромное РАЗНООБРАЗИЕ спонтанных проявлений у разных индивидуумов и жизненную необходимость их признания, если общество когда-либо хочет принять рациональную человеческую форму. В мои задачи здесь не входит обрисовывать будущее брака и сексуальных отношений в целом - тема, которая сейчас очень эффективно рассматривается со многих сторон; я лишь настаиваю на том, чтобы мы использовали наш здравый смысл во всем этом вопросе и отказались больше быть связанными бессмысленными предварительными суждениями.

Нечто в том же роде можно сказать и о наготы, которая в современной цивилизации стала объектом очень серьезного и действительно вредного табу, как на слова, так и на действия. Как кто-то сказал, в конце девятнадцатого века стало чуть ли не преступлением называть по имени любую часть человеческого тела в радиусе примерно двадцати дюймов от ее центра (!), и фактически несколько реформаторов одежды того периода были фактически привлечены к суду и рассматривались как преступники за то, что разгуливали с голыми ногами до колен и непокрытыми плечами и грудью! Подобные общественные безумства были ответственны за большую часть телесных и психических заболеваний и подавления, о которых только что говорилось, и чем скорее они будут отправлены в подвешенное состояние, тем лучше. Ни один здравомыслящий человек не стал бы пропагандировать беспорядочную наготу не больше, чем беспорядочные сексуальные отношения; и маловероятно, что пожилые и изуродованные люди когда-либо захотят обнажиться. Но, несомненно, в уме обычного человека достаточно здравого смысла и понимания изящества и физической формы, чтобы оно могло освободить тело от бессмысленного сокрытия и придать ему должное выражение. Древние греки, имевшие в целом чистые тела, относились к ним с уважением и отличием. Юноши появлялись в палестре совершенно обнаженными, и даже девушки Спарты публично участвовали в скачках в таком же состоянии; (1) и когда-нибудь, когда наши тела (и умы тоже) станут чистыми, мы вернемся к подобным заведением. Но это произойдет не сразу. Пока на нас лежит скверна этой коммерческой цивилизации, мы будем предпочитать нашу грязь и маскировку. Власть имущие будут протестовать против перемен. Генрих Шам в своей очаровательной небольшой брошюре "Nackende Menschen" (2) описывает ужас коммерсантов от таких идей:

“Что с нами будет, - закричали портные, - если вы пойдете голыми?”

И все они - шляпники, галстучники, сорочники и сапожники - присоединились к хору.

“А КУДА мне ОТНЕСТИ СВОИ ДЕНЬГИ?” - воскликнул тот, кого только что назначили директором.

(1) См. Феокрит, Идиллия XVIII.

(2) Опубликовано в лейпциге около 1893 года.

XIII. ГЕНЕЗИС ХРИСТИАНСТВА

Возвращаясь к существованию чего-то похожего на великую мировую религию, которая просуществовала столетия, постоянно расширяясь и ветвясь в процессе, мы должны теперь рассмотреть генезис того особого вида или ответвления, которое мы называем христианством. Каждая религия или культ, языческий или христианский, имели, как мы видели, огромное количество общего с общей мировой религией; однако у каждой были свои особые характеристики. Каковы были основные характеристики христианской ветви, отличающие ее от других ветвей?

В предыдущей главе мы видели, что определенное аскетическое отношение к сексу было одной из наиболее характерных черт христианской церкви; и что, в то время как большинство языческих культов (хотя иногда и отдавали предпочтение ужасающим аскезам и жестоким жертвоприношениям) в целом радовались удовольствиям и миру чувств, христианство — в значительной степени следуя иудаизму — демонстрировало тенденцию к отречению от мира и плоти и уходу во внутренние и более духовные области разума. Ту же тенденцию можно проследить в египетских и фригийских культах того периода. Следует помнить, как Ювенал (Сб. VI, 510-40) высмеивает жрецов Кибелы в Риме за то, что они сделали себя “евнухами ради царства небесного”, или богатую римлянку за то, что она окунулась в зимний Тибр для умилоствления Исиды. Несомненно, среди более поздних язычников “длительная невыносимая тирания чувств над душой” стала очень серьезной проблемой. Но христианство представляло собой, возможно, самую мощную реакцию против этого; и эта реакция имела, как указывалось в предыдущей главе, чрезвычайно ценный результат: (на то время) оно отделило любовь от секса и утвердило Любовь, чистую и незапятнанную, правящей миром. “Бог есть Любовь”. Но, как также указывалось, доведенный до крайности разрыв между двумя элементами человеческой природы привел со временем к искалению обоих элементов и развитию определенной болезненности и самосознания, которые, нельзя отрицать, болезненно отмечены среди некоторых слоев христиан, особенно среди альтруистов и “филантропов”.

Другой характеристикой христианства, которая также по-своему прекрасна, но имеет свои пределы полезности, было его настаивание на “морали”. Некоторые современные авторы действительно зашли так далеко — забыв, я полагаю, о стоиках, — что заявляют, что главной отличительной чертой христианства является его высокая нравственность и что язычникам в целом недоставало морального чувства! Это, конечно, глубокая ошибка. Я должен сказать, что в истинном смысле этого слова ранние народы, ведущие племенной образ жизни, как правило, были гораздо более “моральными” — то есть готовыми как личности уважать потребности сообщества, — чем более поздние и более цивилизованные общества. Но ошибка возникает из-за различных толкований этого слова; ибо, в то время как все языческие религии очень сильно настаивали на только что упомянутом виде морали, которую мы должны называть *гражданским долгом по отношению к ближнему*, христианская мораль заключалась в

большей степени в *долге человека перед Богом*. У них это стало частным делом человека и Бога, а не общественным делом; и, таким образом, привело в конце концов к очень неприятному и совершенно фарисейскому типу морали, главным вдохновением для которой была не помощь ближнему, а спасение собственной души.

Возможно, существуют и другие существенные отличительные черты христианства от предшествующих языческих религий; но в настоящее время мы можем распознать эти две— (а) тенденцию к отречению от мира и последующее культивирование чисто духовной любви и (б) настойчивое соблюдение морали, вдохновением для которой было личное чувство долга перед Богом, а не общественное чувство долга перед ближним и обществом в целом. Возможно, было бы интересно проследить причины, приведшие к такой дифференциации.

За три столетия до нашей эры завоевания Александра привели к распространению греческой мысли и культуры по большей части известного мира. Таким образом, огромное количество небольших групп почитателей местных божеств с их различными ритуалами и религиозными обычаями были распущены или, по крайней мере, приведены в соприкосновение друг с другом, частично модифицированы и эллинизированы. Уже прослеживалась орбита более общей концепции жизни и религии. Ко времени основания первой христианской церкви огромные завоевания Рима значительно расширили и закрепили этот процесс. Средиземное море превратилось в великое римское озеро. Торговые суда и транспортные маршруты пересекали его во всех направлениях; туристы посещали его берега. Известный мир стал единым. Бесчисленные народы, племена, нации, общества в пределах пояса Империи, с их различными языками, верованиями, обычаями, религиями, философиями, оказывали глубокое влияние друг на друга. (1) Происходило великое слияние; и становилось неизбежным, что следующее великое религиозное движение будет иметь всемирный характер.

(1) Подробнее об этой теме см. в книге Гловера "Конфликт религий в ранней Римской империи"; также С. Дж. Кейс, "Эволюция раннего христианства" (Чикагский университет, 1914). Например, поклонение Адонису (культ воскресения) "все еще процветало в Сирии и на Кипре, когда там проповедовал Павел", а поклонение Исида и Серапису уже достигло тогда Рима и Неаполя.

Было вероятно, что эта новая религия объединит многие элементы предыдущих ритуалов в одном культе. В связи с прекрасными храмами и тщательно продуманными богослужениями Исида, Кибелы и Митры росло могущественное духовенство; Франц Кумон (1) говорит об "ученых жрецах азиатских культов" как о создавших на фундаменте старого фетишизма и суеверий законченную религиозную философию — точно так же, как брахманы построили монизм Веданты на "чудовищном идолопоклонстве индуизма". И было вероятно, что аналогичный процесс приведет к развитию ожидаемой новой религии. Тутен снова обращает внимание на покровительство, оказанное всем этим культам римскими императорами, как способствующее новому сочетанию и синтезу: "Адриан, Комод, Септимий Север, Юлия Домна, Элагабал, Александр Север, а также особый вклад в популяризацию и успех культов как знаменитостей, так и почитателей Сераписа и Изиса, сирийских богов и Митры". (2)

(1) See Cumont, *Religions Orientales dans le Paganisme Romain* (Paris, 1906), p. 253.

(2) *Cultes païens dans l'Empire Romain* (2 vols., 1911), vol. ii, стр. 263.

Также было вероятно, что эта новая Религия проявит (как указывалось в предыдущей главе) реакцию против простого потакания сексуальным желаниям; и, что касается ее стандарта

морали в целом, что среди стольких конфликтующих народов с их различными гражданскими и местными обычаями она не сможет полностью идентифицировать себя ни с одним из них, но разовьет собственное внутреннее вдохновение, которое в своей лучшей форме будет любовью к ближнему, независимо от расы, вероисповедания или обычаев соседа, и санкция которого будет исходить не от каких-либо внешних авторитетов, конфликтующих таким образом друг с другом, но в смысле прямой ответственности души к Богу.

Вот и все, чего мы могли бы ожидать априори относительно влияния окружающей обстановки на общую форму новой Религии. А как насчет вероучения или вероучений, которым эта религия отдавала бы предпочтение? И здесь мы снова должны видеть, что влияние окружения привело к определенному результату. Те доктрины, которые мы описали в предыдущих главах, — доктрины о Грехе и Жертве, Спасителе, Евхаристии, Троице, Непорочном зачатии и так далее — в своих различных формах бурлили, так сказать, повсюду. Ни один новый религиозный синтез не мог избежать их; все, что он мог сделать, — это присвоить их и, возможно, придать им свой собственный оттенок. Таким образом, именно в середину этой прорастающей массы мы должны представить себе различные языческие культы, нисходящие, подобно оплодотворяющим потокам. Проследить все эти потоки, конечно, было бы невыполнимой задачей; но в качестве примера процесса может быть полезно взять случай с каким-то конкретным убеждением. Давайте возьмем веру в пришествие бога-Спасителя; и это будет тем более подходящим, что в прошлом эта вера обычно считалась отличительной чертой христианства. Конечно, теперь мы знаем, что это ни в каком смысле не является чем-то особенным, но что давняя традиция о Спасителе исходит из самых отдаленных времен и, возможно, из каждой страны мира. (1) Мессианские пророчества евреев и пятьдесят третья глава Книги Пророка Исаяи проникли в христианское учение и до некоторой степени придали ему иудаистский оттенок. “Мессия”, конечно же, означает Помазанника. Еврейское слово встречается в Ветхом Завете около 40 раз; и каждый раз в Септуагинте или греческом переводе (сделанном в основном в третьем веке до нашей эры) это слово переводится как [gr cristos], или Христос, что опять же означает Помазанник. Таким образом, мы видим, что идея или слово “Христос” были в моде в Александрии еще в 280 году до нашей эры, или почти за три столетия до Иисуса. А что, строго говоря, означает слово “Помазанник” и от чего, вероятно, произошло это выражение, выяснится позже. В Книге Еноха, написанной не позднее 170 г. до н.э., (2) о Христе говорится как об уже существующем на небесах и готовящемся прийти как судья всех людей, и он определенно называется “Сыном Человеческим”. Книга Откровений ПОЛНА отрывков из Еноха; так же как и Послания Павла; так же и Евангелия. Книга Еноха верит в грядущий Золотой век; в ней есть дантовские видения Рая и Ада, добрых и злых Ангелов, и в ней говорится о “саде Праведности” с “Древом Мудрости” посреди него. Повсюду, говорит профессор Древис, в первом веке до нашей эры было страстное ожидание пришествия Спасителя.

(1) Даже сегодня арабские земли постоянно вибрируют от пророчеств о грядущем Махди.

(2) См. Издание Р. Х. Чарльза (1893).

Но бог-спаситель, как мы также знаем, был знакомой фигурой в Египте. Великий Осирис был Спасителем мира как при жизни, так и после смерти: в своей жизни благодаря благородным деяниям, которые он совершил на благо человечества, и в своей смерти из-за предательства силами тьмы, своего воскресения из могилы и вознесения на небеса. (1) Египетские доктрины

перешли в христианство через Александрию — и хотя они не оказывали глубокого влияния на последнее примерно до 300 г. н.э., все же затем им удалось достичь христианских церквей, придать окраску их учениям о Спасителе и убедить их принять и чтить египетское поклонение Исиде в христианской форме Девы Марии.

(1) См. главу ii.

Опять же, еще один мощный поток влияния пришел из Персии в форме культа Митры. Митра, как мы видели, (1) был великим Посредником между Богом и человеком. С его крещениями и евхаристиями, с его двенадцатью учениками, с его рождением в пещере и так далее, он казался ранним Отцам изобретением дьявола и опаснейшей насмешкой над христианством — и это тем более потому, что его поклонение становилось чрезвычайно популярным. Культ, по-видимому, достиг Рима около 70 г. до н.э. Он распространился по всей империи. Она распространилась на Великобританию, и многочисленные остатки митраистских памятников и скульптур в этой стране — в Йорке, Честере и других местах — свидетельствуют о ее широком признании даже здесь. В Риме популярность митраизма стала настолько велика, что в третьем веке нашей эры было весьма сомнительно, (2) восторжествует ли он Или христианство; император Аврелиан в 273 году основал культ Непобедимого Солнца в связи с митраизмом; (3) и, как сообщает нам святой Иероним в своих письмах, (4) последний культ позже был подавлен в Риме и Александрии ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛОЙ, настолько мощным он был.

(1) Глава ii.

(2) See Cumont, op. cit., who says, p. 171:—“Jamais, pas meme a l’époque des invasions mussulmanes, l’Europe ne sembla plus pres de devenir asiatique qu’au moment ou Diocletien reconnaissait officiellement en Mithra, le protecteur de l’empire reconstitue.” Смотрите также "Тайны Митры" Кумона, предисловие. Римская армия, по сути, придерживалась Митры повсюду, в противовес христианству; то же самое делала и римская знать. (См. S. Исповедь Августина, книга VIII, гл. 2.)

(3) Кумон действительно говорит, что отождествление Митры с Солнцем (эмблемой императорской власти) стало одной из причин, по которой митраизм НЕ подвергался преследованиям в то время.

(4) Epist. cvii, ad Laetam. См. "Языческие христы" Робертсона, стр. 350.

Применялась не только сила. ПОДРАЖАНИЕ - это не только самая искренняя лесть, но и часто самый тонкий и эффективный способ победить соперника. Священники восходящей христианской церкви, как и священники ВСЕХ религий, не испытывали недостатка в мастерстве; и в этот момент, когда вопрос о мировой религии висел на волоске, для них было очевидной политикой бросить на свою чашу весов как можно больше элементов популярных языческих культов. Митраизм процветал 600 лет; и, мягко говоря, любопытно, что все митраистские доктрины и легенды, которые я только что упомянул, были заимствованы (разумеется, совершенно непреднамеренно!) в христианство; и еще более любопытно, что некоторые другие из того же источника, такие как легенда о пастухах при Рождестве Христовом и учение о Воскресении и Вознесении, которые вообще НЕ упоминаются в первоначальном варианте самого раннего Евангелия (от Марка), появились в христианских писаниях позже, когда они были написаны. Митраизм делал большие шаги вперед. История показывает, что по мере того, как Церковь прогрессирует и расширяется, она обычно чувствует себя вынужденной

расширять и укреплять свои собственные основы, вставляя материал, которого там изначально не было. Вскоре я приведу другую иллюстрацию этого; сейчас я просто укажу, что христианские писатели с течением времени не только вводили новые доктрины, легенды, чудеса и так далее — большинство из которых мы можем проследить до предшествующих языческих источников, — но и что они прилагали особые усилия, чтобы уничтожить языческие записи и таким образом стереть свидетельства своей собственной нечестности. Мы узнаем от Порфирия (1), что существовало несколько тщательно продуманных трактатов, излагающих религию Митры; и Дж. М. Робертсон добавляет (“Языческие христы”, стр. 325): “все они были уничтожены заботой Церкви, и примечательно, что даже трактат Фирмика искажен в отрывке (v), где он, по-видимому, обвиняет христиан в следовании митраистским обычаям”. И снова профессор Мюррей говорит: “Полемическая литература христианства громка и триумфальна; книги язычников были УНИЧТОЖЕНЫ”. (2)

(1) De Abstinencia, ii. 56; iv. 16.

(2) Четыре этапа, стр. 180. Вероятно, у нас есть пример такого разрушения в полном исчезновении энергичных нападок Цельса на христианство (180 г. н.э.), из которых, однако, отдельные фрагменты, к счастью, сохранились в довольно просторном опровержении того же Оригеном.

Возвращаясь к учению о Спасителе, я уже приводил в предыдущих главах так много примеров веры язычников в подобное божество — будь то Кришна, или Митра, или Осирис, или Гор, или Аполлон, или Геркулес, — что нет необходимости останавливаться на этом предмете дальше, чтобы убедить читателя в том, что это учение “витало в воздухе” во времена прихода христианства. Даже Диониса, в то время видную фигуру в ‘Мистериях’, называли Элевтерием, Избавителем. Но, возможно, будет интересно проследить ту же доктрину среди дохристианских сект гностиков. Гностики, говорит профессор Мюррей, (1) “все еще обычно считаются группой христианских еретиков. На самом деле гностические секты существовали по всему эллинистическому миру как до христианства, так и после. Они, должно быть, были основаны в Антиохии и, вероятно, в Тарсе задолго до дней Павла или Аполлоса. Их Спаситель, подобно еврейскому Мессии, утвердился в сознании людей раньше, чем Спаситель христиан. “Если мы присмотримся повнимательнее, - говорит профессор Буссе, - то с большой ясностью обнаружим, что фигура Искупителя как таковая не ждала, пока христианство проложит себе дорогу в религию гнозиса, а уже присутствовала там в различных формах”.

(1) Четыре этапа, стр. 143.

Этот гностический Искупитель, продолжает профессор Мюррей, “происходит по довольно четкой генеалогии от ‘Тритос Сотер’ (“третий Спаситель”) (1) ранней Греции, загрязненный похожими фигурами, такими как Аттис и Адонис из Малой Азии, Осирис из Египта и особая еврейская концепция Мессии Избранного народа. У него есть различные имена, которые постепенно вытесняют имя Иисус или ‘Христос’, “Помазанник”. Прежде всего, он в каком-то смысле Человек, или “второй человек”, или “Сын Человеческий”... Он - настоящий, окончательный, совершенный и вечный Человек, все телесные люди которого являются слабыми копиями”. (2)

(1) По-видимому, существуют некоторые сомнения относительно точного значения этого выражения. Даже самого Зевса иногда называли "Сотер", и, как говорят, на пирах в его честь всегда выпивали ТРЕТИЙ кубок.

(2) См. также "Гностическую историю Иисуса Христа" Гилберта Т. Сэдлера (К. У. Дэниел, 1919).

Этот отрывок живо вызывает в памяти процесс, о котором я говорил, а именно слияние и взаимный обмен идеями о Спасителе в период, предшествующий нашей эре. Также это служит нам примером того, через какую абстрактную сферу гностических религиозных спекуляций пришлось пройти доктрине, прежде чем она нашла свое выражение в христианстве. (1) Эта возвышенная философская концепция получила распространение и в какой-то степени вновь проявилась в Четвертом Евангелии и Посланиях Павла (особенно в Первом Кор. xv); но вряд ли мне нужно говорить, что она не была поддержана. Энтузиазм маленьких разрозненных христианских групп — с их коммунизмом практики по отношению к ЭТОМУ миру и силой веры по отношению к загробному — начал ослабевать во втором и третьем веках нашей эры. По мере роста Церкви (с заглавной буквы) ее все меньше и меньше занимали настоящие религиозные чувства, и все больше и больше ее занимали битвы против преследований извне, а также ссоры и разногласия по поводу ересей внутри ее собственных границ. И когда на Никейском соборе (325 г. н.э.) была предпринята попытка установить официальное вероучение, раздоры и горечь только усилились. "Нет более дикого зверя, - сказал император Юлиан, - чем разгневанный богослов". Там, где четвертый Евангелист проповедовал Евангелие Любви, а Павел провозгласил искупление через внутреннее и духовное отождествление с Христом: "Как в Адаме все умирают, так и во Христе все оживут"; и тогда как некоторые языческие культы учили славному спасению через новое рождение божественного существа внутри каждого человека: "Ободритесь, о посвященные в тайну освобожденного бога; ибо и к вам от всех ваших трудов и печалей придет Освобождение", — в Никейском символе веры не было ничего, что могло бы предложить, кроме некоторых крайне бесполезных рассуждений о божественном происхождении каждого человека. отношение друг к другу Отца и Сына, отношение БОЖИХ к Святому Духу и всех ТРОИХ к Деве Марии — спекуляции, которые служили лишь возобновлению позорных раздоров и вражды — бунтов, кровопролития и убийств — внутри Церкви и насмешек над язычниками снаружи. И в том, что касалось распятия, смерти и воскресения Господа, оно не отличалось от множества предшествующих языческих вероучений, за исключением полного материализма и отсутствия поэзии в изложении, которые оно демонстрирует. Фактически, после Никейского собора иудейский оттенок в доктринах Церкви становится более очевидным, и все больше и больше ее Схема Спасения через Христа приобретает характер довольно грязной и торгашеской сделки, посредством которой Человек берет верх над Богом, убеждая последнего пожертвовать своим собственным Сыном ради искупления мира! За исключением нескольких эпизодов, таких как образование в средние века благородных братств и сестричеств фрейров имонахинь, посвященных помощи и исцелению страждущего человечества, и появление нескольких настоящих любителей человечества (и животных), таких как святой Франциск — (и эти проявления вряд ли могут быть востребованы Церковью, которая довольно последовательно выступала против них) — можно сказать, что примерно после четвертого века настоящий дух и свет раннехристианского энтузиазма угас. Вторжения варварских племен с Севера и Востока, а позже мавров и арабов с Юга приобщили европейские народы к идеям кровопролития и насилия; преобладали грубые и материальные представления о жизни; романтическое и честолубивое христианство уступило место мирскому и вульгарному церковничеству.

(1) Путешествуя по Индии, я обнаружил, что тамошние джняни, или Мудрецы, довольно часто утверждали, что Иисус (судя по его учению), должно быть, когда-то был посвящен в эзотерические доктрины Веданты.

На этих двух или трех страницах я коснулся только — и то очень кратко — вхождения языческого учения о Спасителе в христианскую сферу, показав его трансформацию там и то, как христианство не могло избежать наличия учения о Спасителе или не придать этому учению собственную окраску. Следовать тому же курсу с другими доктринами, подобными тем, которые я упомянул выше, очевидно, было бы бесконечной задачей, которую следует предоставить каждому студенту или читателю выполнять в соответствии с его возможностями и способностями. Во всяком случае, ясно, что все эти элементы языческих религий, изливаясь в обширный резервуар или, скорее, водоворот Римской империи и смешиваясь среди всех этих многочисленных братств, обществ, коллегий, мистериальных клубов и групп, которые в то время пристально искали какое-то новое откровение или вдохновение, более или менее автоматически действовали и реагировали друг на друга, и в силу преобладающих общих условий видоизменялись, пока в конечном счете не объединились и не приняли единую форму в движении, которое мы называем христианством, но которое, как я уже сказал, лишь чудом избежало названия митраизмом - так что эти культы были почти родственны и тесно связаны друг с другом.

В этот момент, естественно, возникнет вопрос: “А где в этой схеме Гenezиса христианства находится главная фигура и признанный лидер движения, а именно сам Иисус Христос, — поскольку, судя по всему, в приведенном здесь изложении этого вопроса, его практически не существует или им можно пренебречь?” И этот вопрос очень уместный, и на него очень трудно ответить. “Где основатель Религии?” — или, выражаясь по-другому: “Нужно ли вообще предполагать наличие человека и видимого Основателя?” Несколько лет назад такой простой вопрос был бы расценен как откровенное богохульство и был бы проигнорирован только из—за его предполагаемой абсурдности. Однако сегодня, благодаря огромному объему работы, проделанной в последнее время по вопросу о происхождении христианства, этот вопрос приобретает совершенно иную окраску. И начиная со Штрауса, все более влиятельная и образованная группа критиков склонна считать всю историю Евангелий **ЛЕГЕНДАРНОЙ**. Например, Артур Дрюс, профессор Карлсруэ, в своей знаменитой книге “Миф о Христе” (1) ставит Дэвида Ф. Штрауса первым в области мифологии, хотя и допускает, что Дюпюи в книге “Происхождение наших культов” (1795) дал ключ ко всей идее. Затем он упоминает Бруно Бауэра (1877), утверждающего, что Иисус был чистым вымыслом Марка, и Джона М. Робертсона, который в своем труде “Христианство и мифология” (1900) дал первое тщательно аргументированное изложение легендарной теории; также Эмилио Босси в Италии, который написал “Иисус Христос без бога”, и аналогичных авторов в Голландии, Польше и других странах, включая У. Бенджамина Смита, американского автора “Дохристианского Иисуса” (1906), и П. Йенсена в “Эпосе о Гильгамеше” в den Welt - литератор (1906), который делает историю об Иисусе вариантом вавилонского эпоса, 2000 год до н.э. Довольно сильный список! (2) “Но, ” продолжает Дрюс, “обычные историки по-прежнему игнорируют все это”. Наконец, он отвергает Иисуса как “фигуру, неясно плавающую в тумане традиции”. Тем не менее, вряд ли мне нужно отмечать, что, каким бы большим и образованным ни было представленное здесь сообщество мнений, еще большее (но менее образованное) сообщество отчаянно борется за действительную **ИСТОРИЧНОСТЬ** Иисуса, а некоторые даже до сих пор отстаивают старый взгляд на него как на совершенно уникальное и чудесное откровение Божественности на земле.

(1) Die Christus-mythe: verbesserte und erweiterte Ausgabe, Jena, 1910.

(2) К этому мы можем также добавить "Поиски исторического Иисуса" Швейцера (1910).

Поначалу, без сомнения, легендарная теория кажется СЛИШКОМ притянутой за уши. Во всех этих вещах есть мода, и, ВОЗМОЖНО, мода есть даже здесь. Но, когда вы задумываетесь, как быстро легенды растут даже в эти дни точных наук и всеведущего пресс; как фигура Шекспира, умер только 300 лет почти полностью теряется в тумане времени, и даже подлинность его произведений стала предметом споров; когда вы обнаружите, что Вильгельм Телль, предполагалось, жили около 300 лет до Шекспира, и чьи деяния в мельчайших подробностях уже читали и почитали по всей Европе, почти, конечно, чистойшей выдумкой, и никогда не существовало; когда ты вспомнишь—как уже упоминалось ранее в этой книге (1)—, что это более, чем пятьсот лет после предполагаемого рождения Иисуса до каких-либо серьезных усилий было сделано, чтобы установить дату рождения—и что тогда чисто мифические дата была выбрана не случайно: 25 декабря, в день солнечного нового рождение после зимнего солнцестояния, и время предполагаемого рождения Аполлона, Вакха и других Sungods; когда, кроме того, вы подумайте на мгновение, что состояние исторической критики, должно быть, и общий уровень доверия 1 900 лет назад, в такой стране, как Сирия, и среди невежественного населения, где любой передается история из уст в уста был уверен в доверие, если достаточно чудесного или воображение;—почему тогда легендарный теория не кажется такой уж невероятной. Нет сомнений в том, что после разрушения Иерусалима (в 70 году н.э.) там и в других местах сформировались небольшие группы верующих в спасающего 'Христа', точно так же, как, несомненно, существовали в первом веке до нашей эры группы гностиков, терапевтов, ессеев и других, чьи учения были очень ПОХОЖИ на христианские, и теперь от многих из этих групп возник спрос на "писания" и "истории", которые должны были воодушевлять и утверждать молодые и растущие Церкви. Евангелия и Послания, которых до сих пор сохранилось великое множество, как апокрифических, так и канонических, отвечали этому требованию; но насколько их свидетельства о личности Иисуса из Назарета являются достоверной историей, или насколько они являются просто образными изображениями того, каким человеком мог бы быть Спаситель, (2) это вопрос, на который, как я уже сказал, трудно ответить опытным критикам, и по которому я, конечно, не намерен выносить положительный вердикт. Лично я должен сказать, что считаю "легендарное" решение вполне вероятным и в некотором смысле более удовлетворительным, чем противоположное — по той простой причине, что кажется гораздо более обнадеживающим предположить, что история Иисуса (какой бы милостивой и прекрасной она ни была) - это миф, который постепенно сформировался в сознании человечества и, таким образом, указывает путь будущей эволюции человечества, чем предполагать, что это просто запись уникального и чудесного вмешательства Провидения, которое полностью зависело от высших сил и вряд ли могло повториться.

(1) Глава II.

(2) Одно из обвинений Цельса в адрес христиан состояло в том, что их Евангелия были написаны "несколько раз" (см. Ориген, "Против Цельса", ii. 26, 27).

Однако вопрос не в том, чего мы желаем, а в том, что мы можем доказать как действительный факт. И, конечно, трудности на пути признания евангельской истории (или историй, поскольку нет ни одной последовательной истории) ПРАВДИВОЙ огромны. Если кто—нибудь прочтет, например, в четырех Евангелиях события ночи, предшествовавшей распятию, и посчитает

время, которое они обязательно заняли бы для совершения — Тайная вечеря, агония в Саду, предательство Иуды, избивание перед Каиафой и Синедрионом, а затем перед Пилатом в Зале суда (хотя суды над преступниками обычно не заседают посреди ночи); затем — у Луки — прерванный визит к Ироду и ВОЗВРАЩЕНИЕ к Пилату; Пилат речи и омовение рук перед толпой; затем бичевание, насмешки и облачение Иисуса в пурпурные одежды как царя; затем приготовление Креста и долгое и мучительное путешествие на Голгофу; и, наконец, Распятие на восходе солнца; — он увидит, — как часто указывалось, - что вся эта история физически невозможна. Как запись реальных событий эта история невозможна; но как запись или серия заметок, полученных от очевидцев “мистерии” — а такие пьесы с ОЧЕНЬ ПОХОЖИМИ эпизодами были достаточно распространены в древности в связи с культами умирающего Спасителя, это, скорее всего, правда (можно видеть очень драматический характер инцидентов: омовение рук, троекратное отречение Петра, пурпурная мантия и терновый венец и так далее); и как таковая она сейчас принята многими авторитетными источниками. (1)

(1) Доктор Фрейзер в “Золотой ветви” (том ix, “Козел отпущения”, стр. 400) говорит о частом появлении в древности мистерии, повествующей о богочеловеке, который отдает свою жизнь и кровь за людей; и он выдвигает предварительное и ни в коем случае не догматичное следующее замечание: “Такой драмой, если мы правы, была первоначальная история Эстер и Мардохея, или (если называть их более старыми именами) Эстер и Мардохей”. Иштар и Мардук. В нее играли в Вавилонии, а из Вавилонии вернувшиеся пленники привезли ее в Иудею, где она разыгрывалась, скорее как историческая, чем мифическая пьеса, игроками, которые, будучи обречены на суровую смерть на кресте или виселице, естественно, были вызваны из тюрьмы, а не из гримерки. Цепочка причин, которые, поскольку мы не можем проследить за ними, можно было бы — на вольном языке обыденной жизни — назвать случайностью, определила, что роль умирающего бога в этом ежегодном спектакле должна быть отведена Иисусу из Назарета, которого враги, которых он нажил в высших кругах своими откровенными репрессиями, были полны решимости убрать с дороги”. См. Также vol. iv, “Умиравший бог”, в той же книге.

Есть много других трудностей. Воскрешение Лазаря, умершего три дня назад, превращение воды в вино (чудо, приписываемое в древности Бахусу), накормление пяти тысяч человек и другие чудеса, мягко говоря, нелегки для усвоения. “Нагорная проповедь”, которая со встроеной в нее “Молитвой Господней” образует великое и признанное хранилище “христианского” учения и благочестия, хорошо известна как собрание высказываний из дохристианских писаний, включая Псалмы, Исайю, Экклезиаста, Тайны Еноха, Шемон-Хесре (книгу молитв на иврите) и другие; и тот факт, что это собрание действительно было составлено после времен Иисуса и не могло исходить от него, становится очевидным из того акцента, который он делает на “преследования” и “лжепророки” — вещи, которые, безусловно, не были источником проблем в то время, когда, как предполагается, говорил Иисус, хотя они были в более позднее время, — а также из-за появления слова “язычники”, которое здесь используется очевидно в противовес слову “христиане”, не могло быть уместным в то время, когда еще не существовало признанных христианских организаций.

Но самым примечательным моментом в этой связи является абсолютное молчание Евангелия от Марка по поводу Воскресения и Вознесения, то есть ОРИГИНАЛЬНОГО Евангелия, поскольку теперь все признают, что двенадцать стихов от Марка xvi. 9 до конца являются более поздней вставкой. Учитывая природу этого события, действительно поразительного, если оно физически верно, и уникального в мировой истории, странно, что в этом Евангелии — самом раннем

написанном из четырех Евангелий и ближайшем по времени к фактическим свидетельствам — о нем ничего не упоминается. Следующее по времени Евангелие — от Матфея - упоминает об этом довольно кратко и робко и сообщает историю о том, что тело было УКРАДЕНО из гробницы. Лука значительно расширяет и посвящает воскресению и вознесению целую длинную главу; в то время как Четвертое Евангелие, написанное еще целых двадцать лет спустя — скажем, примерно в 120 году нашей эры, — содержит две главы и ВЕЛИКОЕ МНОЖЕСТВО ДЕТАЛЕЙ!

Однако это увеличение детализации по мере того, как человек все дальше и дальше удаляется от реального события, - это как раз то, что, как я уже говорил ранее, всегда встречается в легендарных традициях. Недавно обнаружился очень интересный пример этого в случае с преданиями, касающимися жизни и смерти персидского Баба. Баб, как, вероятно, известно большинству моих читателей, был Основателем великого религиозного движения, которое сейчас насчитывает (или насчитывало до Великой войны) несколько миллионов приверженцев, в основном мусульман, христиан, евреев и парсов. Период его миссионерской деятельности пришелся на 1845-1850 годы. Его Евангелие было удивительно похоже на Евангелие Иисуса — евангелие любви к человечеству, только (как и следовало ожидать из разницы в датах) с еще более широким и преднамеренным включением всех классов, вероисповеданий и рас, грешников и святых; и события и окружение его служения также были удивительно похожи. Он родился в Ширазе в 1820 году и, выросший многообещающим мальчиком и юношей, в возрасте 21 года попал под влияние некоего Сейида Казима, лидера неортодоксальной секты и своего рода предтечи или Иоанна Крестителя в Баб. Результатом стал период душевных расстройств (подобно "искушению в пустыне"), после которого юноша вернулся в Шираз и в возрасте двадцати пяти лет начал свою собственную миссию. Его настоящее имя было Мирза Али Мухаммад, но с тех пор он называл себя Баб, то есть Врата ("Я есмь Путь"); и постепенно вокруг него собрались ученики, привлеченные очарованием его личности и преданностью его характеру. Но с быстрым ростом числа его последователей великая зависть и ненависть возбудились среди мулл, сторонников фанатичного и ограниченного магометанства, вполне соответствующих Книжникам и фарисеям Нового Завета. Они донесли на него турецкому правительству. Он был арестован по обвинению в организации политических беспорядков и приговорен к смертной казни. Среди его учеников был один любимец, (1) который был абсолютно предан своему Учителю и в конце концов отказался покинуть его. Итак, они вместе были повешены над городской стеной (в Тебризе) и одновременно расстреляны. Это было 8 июля 1850 года.

(1) Мирза Мухаммед Али; и следует отметить сходство этих двух имен.

В ноябре 1850 года — или между этой датой и октябрём 1851 года - появилась книга, написанная одним из первых и самых восторженных учеников Б [а^] б - купцом из Кашана - и дающая в довольно простой и непритязательной форме описание вышеупомянутых событий. В ней нет рассказа о чудесах или великих претензиях на божественность и тому подобном. Это просто простая история жизни и смерти любимого учителя. Оно было сердечно принято и распространено повсюду; и у нас нет никаких оснований сомневаться в его достоверности. И даже если сейчас будет доказано, что одна или две детали неточны, это не отменит мораль остальной части истории, которая заключается в следующем:

После смерти Баба началось великое гонение (в 1852 году); было много мучеников-баби, и в течение нескольких лет основные последователи были рассеяны. Но со временем они снова

собрались вместе; были назначены преемники первоначального пророка — хотя и не без разногласий — и начала формироваться церковь баби, главным образом в Акке или Акко в Сирии. Именно в этот период возникло множество легенд — легенд о чудесном младенчестве и отрочестве, легенд о чудесах, совершенных взрослым Ребенком, и так далее; и когда новообразованная Церковь пришла к рассмотрению этого вопроса, она пришла к выводу (вполне естественно!), что что такая простая история, как я изложил выше, никогда не годилась бы для основы его планов, которые теперь стали несколько амбициозными. Так было составлено новое Евангелие, названное Тарих-и-Джадид (“Новая история“ или ”новый путь“), воплощающее и включающее в себя множество легендарных материалов и изданное с разрешения “Церкви”. Это было в 1881-1882 годах; и сравнивая это с оригинальной записью (называемой “Точка Кафа”), мы получаем яркое представление о росте fable за те тридцать коротких лет, которые прошли после смерти Баба. Тем временем, конечно, стало крайне необходимо изъять из обращения, насколько это возможно, все копии оригинальной записи, чтобы они не выдали ложь более позднего “Евангелия”; и это, по—видимому, было сделано очень эффективно - настолько эффективно, что профессор Эдвард Браун (которому мир так многим обязан за его труды в связи с бабизмом), после упорных поисков, в свое время пришел к выводу, что оригинала больше не сохранилось. Однако, к величайшему счастью, хорошо известный граф де Гобино в ходе своих исследований восточных религий приобрел экземпляр “Точки Кафа”; и после его смерти он был найден среди его литературных сокровищ и идентифицирован (что было наиболее уместно) самим профессором Брауном.

Такова вкратце история ранней Бабийской церкви (1) — церкви, которая выросла и значительно расширилась на памяти многих еще живущих. Об этом можно было бы написать многое, но главное сейчас для нас - отметить хорошо проверенный и интересный приведенный в нем пример быстрого распространения религиозной легенды в Сирии и причин, которые способствовали этому росту, и быть предупрежденными, насколько быстрее, вероятно, росли подобные легенды в той же стране в середине Первого века нашей эры. История о Бабе также интересна для нас, потому что, хотя вокруг нее сформировалась масса легенд, нет никаких сомнений в реальном существовании исторического ядра в лице Мирзы Али Мухаммеда.

(1) Литературу см. в книге Эдварда Г. Брауна “Рассказ путешественника об эпизоде с Бабом” (1891) и в его “Новой истории Баба”, переведенной с персидского “Тарих-и-Джадид” (Кембридж, 1893). Также Проповеди и эссе Герберта Рикса (Уильямс и Норгейт, 1907), стр. 295-325, “Персидский баб”.

В целом, иногда можно усомниться в том, что какое-либо великое движение когда-либо давало о себе знать в мире, не начавшись сначала с какой-нибудь могущественной личности или группы личностей, вокруг которых склонен кристаллизоваться идеализирующий и мифотворческий гений человечества. Но даже здесь не следует быть слишком уверенным. Кое—что об апостоле Павле мы знаем, и кое-что об “Иоанне”, евангелисте и писателе Первого Послания от Иоанна; и в том, что “христианские” доктрины в значительной степени восходят к проповеди и учению этих двоих, мы не можем сомневаться; но Павел никогда не видел Иисуса (кроме как “в Духе”), и он никогда не упоминает этого человека лично или какой-либо случай из его реальной жизни (“распятый Христос” всегда был идеальной фигурой); и “Иоанн”, написавший Евангелие, определенно не был тем же учеником, который “возлежал на груди Иисуса”, - хотя это и пример того, что он написал. вставленный стих, предпоследний в Евангелии, подтверждает эту идентичность. (1)

(1) На самом деле очевидно, что ВСЯ последняя глава Евангелия от Иоанна является более поздней вставкой, и опять же, что два последних стиха этой главы более поздние, чем сама глава!

Возможно, существовал исторический Иисус — и если это так, получить достоверный очерк его жизни действительно было бы сокровищем; но в настоящее время, похоже, нет никаких признаков этого. Если бы историчность Иисуса в какой-либо степени могла быть доказана, это дало бы нам основание предположить — во что я лично всегда был склонен верить, — что существовало также историческое ядро для таких персонажей, как Осирис, Митра, Кришна, Геркулес, Аполлон и остальных. Вопрос, по сути, сводится к следующему: были ли в ходе человеческой эволюции определенные, так сказать, узловые точки или периоды, в которые психологические течения сходились вместе и конденсировались для нового старта; и был ли каждый такой узел или точка конденсации отмечена появлением настоящего и героического мужчины (или женщины), который придал необходимый импульс новому отправлению и дал свое имя результирующему движению? ИЛИ достаточно предположить автоматическое формирование таких узлов или отправных точек без вмешательства какого-либо особого героя или гения и представить, что в каждом случае тенденция к мифотворчеству человечества СОЗДАВАЛА легендарную и вдохновляющую фигуру и долгое время после этого поклонялась ей как богу?

Как я уже говорил ранее, это вопрос, который, каким бы интересным он ни был, на самом деле не очень важен. Главное заключается в том, что пророческий и творческий дух человечества время от времени развивал эти фигуры как идеализацию своего “сокровенного желания” и создавал нимб вокруг их голов. Длинная череда их становится НАСТОЯЩИМ фрагментом Истории — истории эволюции человеческого сердца и человеческого сознания. Но психологией всего предмета я займусь в следующей главе.

Здесь, однако, я могу ненадолго остановиться на двух других моментах, которые по праву относятся к этой главе. Я уже упоминал о большой уверенности, которую сторонники уникального "откровения" возлагают на высокую мораль, проповедуемую Евангелиями и Новым Заветом в целом. Конечно, нет необходимости оспаривать эту мораль или чрезмерно принижать ее; но аргумент предполагает, что она настолько превосходит все, чему учили раньше, что мы вынуждены предположить нечто вроде откровения для объяснения ее появления — тогда как, конечно, любой, знакомый с писаниями древности, среди греков, римлян, египтян, индусов или более поздних евреев, прекрасно знает, что приведенные высказывания Иисуса и Апостолов могут иметь множество параллелей из этих источников. Я уже проиллюстрировал это на примере Нагорной проповеди. Если кто—нибудь взглянет на "Завет Двенадцати патриархов" — еврейскую книгу, составленную около 120 года до нашей эры, - он увидит, что она полна моральных предписаний, и особенно предписаний любви и прощения, настолько пылких и благородных, что они почти ни в чем не уступают учению Нового Завета, и что, следовательно, не требуется особого чуда, чтобы объяснить появление последнего.

Двенадцать Патриархов, о которых идет речь, - это двенадцать сыновей Иакова, и книга состоит из их предполагаемых сцен у смертного одра, в которых каждый патриарх по очереди рассказывает о своей собственной (более или менее воображаемой) жизни и деяниях и дает благочестивый совет своим детям и преемникам. Она написана в прекрасном поэтическом

стиле и полна возвышенных мыслей, напоминающих десятки отрывков из Евангелий — слов и всего остального — совпадения слишком поразительны, чтобы быть случайными. Очевидно, это оказало глубокое влияние на авторов Евангелий, а также на апостола Павла. Это подтверждает веру в пришествие Мессии и в спасение язычников. Ниже приведены некоторые цитаты из него: (1) Завещание Завулону (стр. 116): “Дети мои, я заклинаю вас соблюдать заповеди Господа, проявлять милосердие к своим ближним и иметь сострадание ко всем, не только к людям, но и к животным”. Дан (стр. 127): “Любите Господа всю свою жизнь и друг друга от чистого сердца”. Джозеф (стр. 173): “Я был болен, и Господь посетил меня; в тюрьме, и Бог мой проявил ко мне благосклонность”. Бенджамин (стр. 209): “Ибо, как солнце не оскверняется, освещая навоз и грязь, а скорее высушивает и то, и другое и изгоняет дурной запах, так и чистый разум, окруженный земными загрязнениями, скорее очищает их и сам не оскверняется”.

(1) Ссылки даны на издание Р. Х. Чарльза (1907).

Я думаю, что этих цитат достаточно, чтобы доказать высокий уровень этой книги, которая была написана во Втором веке до нашей эры и из которой авторы Нового Завета много заимствовали.

Другой момент связан с моим утверждением в начале этой главы о том, что двумя главными ‘характеристиками’ христианства были его настойчивость в (а) тенденции к отречению от мира и последующему культивированию чисто духовной любви и (б) нравственности, вдохновением для которой было личное чувство долга перед Богом, а не общественное чувство долга перед ближним и обществом в целом. Я думаю, однако, что последнюю упомянутую характеристику следует рассматривать в связи с третьей, а именно, с) необычайно ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ тенденцией новой Религии. (1) Цельс (200 г. н.э.) издевался над ранними христианами за их крайнюю демократичность: “Только простаков, неблагородных, бессмысленных — рабов, женщин и детей — они хотят убедить (присоединиться к своим церквям) или МОГУТ убедить” — “шерстяных дел мастеров, сапожников и валяльщиков, самых необразованных и вульгарных людей” и “всякого, кто является грешником, или неразумным, или дураком, одним словом, любого, кто оставлен богом ([gr kakodaimwn]), тот получит Царство Божье”. (2) Таким образом, Цельс, образованный, умный, философствующий и к тому же юмористический критик, смеялся над приверженцами новой религии и предсказывал их скорое вымирание. Тем не менее, он ошибся. Нет никаких сомнений в том, что само по себе включение женщин, слабых и изгоев в ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ способствовало распространению христианства (и митраизма). Это принесло надежду и чувство человеческого достоинства презираемым и отверженным на земле. Из огромного числа мелких чиновников, руководивших обширной организацией Римской империи, большинство, возможно, были взяты из рядов вольноотпущенников и бывших рабов, представителей самых разных рас и уже знакомых с языческими культами всех видов — египетскими, сирийскими, халдейскими, иранскими и так далее. (3) Этот факт помог придать христианству — при прекрасной терпимости Империи — его демократический характер, а также его готовность принимать всех. Грубые и поденщинные массы, которые до сих пор были почти незаметны для греческой и римской культуры, стекались сюда; и хотя со временем это, несомненно, стало источником слабости Церкви и причиной разногласий и суеверий, все же это было в неизбежной линии человеческой эволюции и имело психологическую основу, которую я должен сейчас попытаться объяснить.

(1) Однако важно отметить, что та же самая демократическая тенденция была очень заметна в митраизме. “Il est certain,” says Cumont, “qu’il a fait ses premières conquêtes dans les classes inférieures de la société et c’est là un fait considérable; le mithracisme est resté longtemps la religion des humbles.” *Mystères de Mithra*, p. 68.

(2) См. книгу Гловера "Конфликт религий в ранней Римской империи", глава viii.

(3) См. Toutain, *Cultes païens*, том ii, заключение.

XIV. ЗНАЧЕНИЕ ВСЕГО ЭТОГО

Общий ход и смысл настоящей книги, я думаю, теперь, исходя из многих намеков, разбросанных по ходу ее написания, становятся все более ясными. Но, возможно, в этой главе будет полезно, рискуя несколько повториться, свести все рассуждения воедино. И аргумент заключается в том, что с момента зарождения человечества на земле — много сотен тысяч или, возможно, миллион лет назад — происходила медленная психологическая эволюция, постепенное развитие или утончение Сознания, которое на определенной стадии спонтанно породило в человеческой расе феномены религиозной веры и религиозных ритуалов — эти феномены (будь то в расе в целом или в какой-либо ее ветви) всегда следуют, шаг за шагом, в определенном порядке, в зависимости от соответствующих степеней психологической эволюции; и что именно этот общий факт объясняет странное сходство веры и ритуала, которое наблюдалось по всему миру. во всем мире и в местах, далеко удаленных друг от друга, которые были кратко отмечены в предыдущих главах.

И основных стадий этой психологической эволюции — во всяком случае, тех, которые нас здесь интересуют, — три: стадия Простого Сознания, стадия Самосознания и третья стадия, которую за неимением лучшего слова мы можем назвать стадией Универсального Сознания. Конечно, когда-нибудь в будущем эти три стадии могут быть проанализированы в меньшей степени с полезным результатом, но сейчас я хочу лишь привлечь к ним внимание, так сказать, в общих чертах, показать, что именно из них и из их перехода одна в другую по совершенно естественной логике и сцеплению вытекла странная панорама религиозной эволюции человечества — его суеверий, магии, жертвоприношений, танцев и ритуалов в целом, а позже — его заклинаний и пророчеств, речевых служб и стихов, картин, форм искусства и фигур богов. Поистине чудесная Панорама, или поэма веков, или, если хотите, Мировая симфония с тремя великими ведущими мотивами!

И сначала у нас есть стадия простого Сознания. На протяжении сотен веков (мы не можем сомневаться) Человек обладал степенью сознания, не радикально отличающейся от уровня высших Животных, хотя, вероятно, более быстрой и разнообразной. Он видел, он слышал, он чувствовал, он отмечал. Он действовал или реагировал, быстро или медленно, в ответ на эти впечатления. Но сознание себя как существа, отдельного от своих впечатлений, как отдельного от своего окружения, еще не возникло и не овладело им. Он был инстинктивной частью Природы. И в этом отношении он был очень близок к Животным. Самосознание у животных, в зачаточной форме, несомненно, присутствует, но ВСТРОЕНО, так сказать, в общее мировое сознание. Именно по этой причине животные обладают таким удивительно острым

восприятием и инстинктом, заложенными в Природе. И у первобытного человека было то же самое. Также мы должны, как я уже говорил ранее, допустить, что человек на той стадии должен был обладать такой же грацией и совершенством формы и движений, какими мы восхищаемся в (диких) животных сейчас. Было бы совершенно неразумно предполагать, что он, венец в том же смысле творения, с самого начала был неудачным и плохо сделанным абортom. В течение длительного периода племена людей, подобно племенам высших животных, должны были быть (в целом, с учетом случайных лишений, страданий и конфликтов) хорошо приспособленными к своему окружению и гармоничными с землей и друг с другом. Должно быть, был период, напоминающий Золотой век, — во всяком случае, какое-то состояние, которое по сравнению с последующими невзгодами заслуживало эпитета 'золотое'.

По-видимому, именно в этот период возникла система тотемов. Племена чувствовали свою связь со своими крылатыми и четвероногими товарищами (включая также другие объекты природы) настолько глубоко и интенсивно, что приняли последних в качестве своих эмблем. Человек до цивилизации искренне поклонялся животным и гордился тем, что его называли в их честь. Конечно, мы, современные люди, находим это странным. Мы, чьи представления об этих прекрасных созданиях в основном основаны на сломанной лошади-извозчике, или меланхоличной корове, доевшей молоко на закопченном поле, или больном и унылом льве или орле в зоопарке, никогда их даже не видели и не любили, и только задавались вопросом с нашим истинным коммерческим инстинктом, какую прибыль мы могли бы извлечь из них. Но они, первобытные люди, любили животных и восхищались ими; они приручили многих из них силой естественной дружбы (1) и наделили их своего рода божественностью. Это была эпоха племенной солидарности и скрытого чувства солидарности с Природой. И смысл всего этого в том (применительно к рассматриваемому нами вопросу), что это была также эпоха, из которой в результате естественной эволюции к человечеству пришло чувство Религии. Если религия в человеке - это чувство уз, связывающих его внутреннее "я" с силами окружающей его вселенной, то, я думаю, очевидно, что первобытный человек, каким я его описал, обладал РЕАЛЬНОСТЬЮ этого чувства, хотя и настолько глубоко спрятанного и подсознательного, что он едва ли осознавал его. Только позже, с наступлением Второй стадии, это чувство начало отчетливо проявляться в сознании.

(1) См. главу iv. Тайлор в своей книге "Примитивная культура" (том i, стр. 460, изд. 1903) говорит: "Чувство абсолютного психического различия между человеком и животным, столь распространенное в цивилизованном мире, вряд ли можно найти среди низших рас".

Перейдем затем ко Второму этапу. В эволюции ребенка есть момент — где-то, возможно, примерно в возрасте трех лет (1), — когда простое, почти животное сознание младенца нарушается новым элементом — самосознанием. Перемена настолько заметна, настолько определена, что (в глубине глаз младенца) вы почти МОЖЕТЕ ВИДЕТЬ, как она происходит. Итак, в эволюции человеческой расы был период — также отмеченный и определенный, хотя и растягивающийся с перерывами на огромный промежуток времени, — когда у людей в целом зародилось осознание САМИХ СЕБЯ, своих собственных мыслей и действий. Старое простое принятие ощущений и опыта уступило место РЕФЛЕКСИИ. Возник вопрос: "Как эти ощущения и опыт влияют на МЕНЯ? Чтoя могу сделать, чтобы изменить их, поощрять приятное, избегать или подавлять болезненное и так далее?" С этого момента в жизни появился новый мотив. Разум вращался вокруг нового центра. Он начал вращаться, как маленький вихрь, вокруг своей собственной оси. Сначала он изучил СЕБЯ и стал глубоко озабочен своими собственными

удовольствиями и болями, потеряв при этом связь с более широкой жизнью, которая когда—то доминировала в нем, - жизнью Природы, жизнью Племени. Старое единство духа, старая солидарность были разрушены.

(1) См. "Космическое сознание" Баке (Филадельфия, 1901), стр. 1 и 39; также "Социальную психологию" У. Макдугалла (1908), стр. 146, где предварительно предполагается тот же возраст.

Я уже касался этой темы раньше, но она настолько важна, что читатель должен извинить повторение. Наступил неизбежный разрыв, неизбежный период борьбы. Волшебное зеркало души, отражавшее природу, как прежде, со спокойной и простой грацией, внезапно треснуло. Новый человек, осознающий себя (не сразу, а постепенно), стал отчужденным от своего племени. Он впал в раздор со своими товарищами. Появились амбиции, тщеславие, жадность, любовь к господству, стремление к собственности. Влияние товарищества и солидарности ослабевало. Он отдалился от своей великой Матери. Его инстинкты были все менее и менее уверенными — и это по мере того, как их место занимали мозговая активность и эгоистичный расчет. Любовь и взаимопомощь были менее убедительными по мере того, как требования личных интересов становились все громче и настойчивее. В конце концов наступил кризис. Каин убил своего брата и стал изгоем. Эдемский сад и Золотой век закрыли за ним свои врата. Он вступил в период страданий — период труда, изнурения и печали, каких он никогда прежде не знал, и таких, каких, конечно, никогда не знали животные. И в этом горестном состоянии, в этой скорбной долине своего долгого паломничества он остается и по сей день.

Таким образом, язва самосознания сделала свое дело. Было бы глупо и бесполезно протестовать против процесса или обвинять кого-либо в нем. Так и должно было быть. Через эту мрачную юдоль своекорыстия человечество должно было пройти — хотя бы для того, чтобы, наконец, найти свое Истинное "Я", которое было (и все еще остается) его целью. Паломничество не будет длиться вечно. Действительно, есть признаки того, что недавняя Великая Война и последующие События знаменуют низшую точку падения и начало возвращения человеческой души к здравомыслию и восхождения к небесному Царству. Без сомнения, когда-нибудь Человек снова обретет изящество, хладнокровие и неторопливую красоту жизни, которые животные осознали давным—давно, хотя ему кажется, что прошло очень много времени; и когда весь этот кошмар Жадности, тщеславия, самомнения, жестокости и Жажды угнетения и господства, которым отмечен нынешний период, пройдет — а он пройдет, - тогда человечество снова придет к своему Золотому веку и к тому Раю искупления и мира, о котором так долго пророчествовали.

Но мы имеем дело с истоками религии; и я хочу, чтобы читатель увидел, что именно это разрушение старого психологического единства и непрерывности человека с его окружением привело ко всей панораме ритуалов и вероучений. Человек, сосредоточившийся вокруг самого себя, неизбежно стал изгнанником из великого Целого. Он совершил грех (если это был грех) Отделения. В любом случае, Возмездие было быстрым. На него нахлынули чувство одиночества и вины. Осознание себя как отдельного сознательного существа неизбежно привело к тому, что он приписал какое-то сходное сознание великой Жизни вокруг него. Действие и противодействие равны и противоположны. Что бы он ни чувствовал раньше, теперь ему стало ясно, что существа, более или менее похожие на него, хотя, несомненно, более обширные и могущественные, двигались за завесой видимого мира. С этого момента вера в Магию, Демонов и Богов возникла или медленно развивалась сама по себе; и посреди этого смятения опасных и

конфликтующих сил он ощущал себя чужаком и изгнанником, охваченным Страхом, пораженным ощущением Греховности. Если раньше он испытывал страх — в том виде автоматического инстинкта самосохранения, в каком его испытывают животные, — то теперь он, с лихорадочным самоуважением и возбужденным воображением, испытывал его в двойной или утроенной степени. И если раньше он осознавал, что фортуна и случай не всегда были дружелюбны и благоприятствовали его планам, то теперь он воспринималили думал, что воспринимал в каждом неблагоприятном событии преднамеренное преследование властей и обвинение в вине, направленное против него за какое-то пренебрежение или недостаток в его отношении к ним. Отсюда совершенно логичным и естественным образом возникла вера в потусторонние или сверхъестественные силы, будь то чисто случайные и магические или более отчетливо рациональные и личные; возникло чувство Греха или оскорбления этих сил; возник сложный ритуал Искупления — будь то личной жертвой и страданиями или принесением в жертву жертв. Возник также целый перечень церемоний — церемоний Посвящения, с помощью которых новичок должен был научиться оставаться в пределах благосклонности Сил, под благословением своего Племена и защитой его Тотема; церемоний евхаристических трапез, которые должны были восстановить утраченную святость совместной жизни и устранить чувство вины и изоляции; церемоний брака, правил и обрядов половой связи, приспособленных для обуздания ужасающего и демонического буйства страстей, которые в противном случае действительно могли бы легко расколоть общину на части. И так далее. Легко видеть, что при условии наличия ранней стадии простого нерелефксирующего природосознания и при условии, что оно было нарушено и через некоторое время разрушено приходом самосознания, неизбежно последовал бы в спонтанном, но логичном порядке целый ряд религиозных институтов и верований, которые, какими бы призрачными и нереальными они ни казались нам, ни в коем случае не были нереальными для наших предков. Легко также увидеть, что поскольку психологический процесс неизбежно носил сходный общий характер в каждой ветви человеческой расы и во всем мире, то и религиозная эволюция — верования и ритуалы — повсюду приобретали почти одинаковый оттенок; и, хотя они различались в деталях в зависимости от климата и других влияний, шли по таким удивительно параллельным линиям, как мы отметили.

Наконец, чтобы прояснить весь вопрос, позвольте мне повторить, что это событие, прорыв Самосознания, произошло или НАЧАЛО происходить очень давно, возможно, в начале эпохи неолита. Я останавливаюсь на слове “началось”, потому что считаю вероятным, что в самом начале и в течение длительного периода после это новорожденное сознание имело инфантильный и очень невинный характер, совершенно отличный от его более поздних и агрессивных форм — точно так же, как мы видим, что самосознание маленького ребенка обладает очарованием и грацией, которые оно теряет позже, в хвастливом или жадном детстве и возмужании. Таким образом, мы можем понять, что, хотя самосознание, возможно, начало проявляться у человеческой расы в это очень раннее время (и более или менее одновременно с изобретением очень грубых орудий труда и неоформленного языка), вероятно, прошел очень долгий период — возможно, вся эпоха неолита — прежде чем зло этой второй стадии человеческой эволюции достигло апогея. Макс Мюллер указал, что среди слов, которые являются общими для различных ветвей арийского языка и которые, следовательно, относятся к самому раннему периоду, предшествовавшему разделению этих ветвей, не встречаются слова, обозначающие войну и конфликт, а также оружие и орудия борьбы — факт, который

предполагает длительное сохранение мирных привычек среди человечества ПОСЛЕ первого формирования и использования языка.

То, что зарождение языка и самосознания произошло ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО одновременно, является вероятной теорией, которую поддерживают многие мыслители; (1) но медленное зарождение того и другого, должно быть, было настолько длительным, что, возможно, бесполезно пытаться дать какое-либо очень точное определение. Поздние исследования, по-видимому, показывают, что язык зародился в том, что можно было бы назвать ПЛЕМЕННЫМИ выражениями настроения и чувств (голофразы типа “пойти-на-охоту-убить-медведя”) без привязки к отдельным личностям и отношениям; и что только на более позднем этапе в обиход вошли такие слова, как “я” и “Ты”, а голофразы распались на “части речи” и приобрели определенную грамматическую структуру. (2) Если это правда, то эти факты ясно указывают надлительный период существования грубого общинного языка, похожего, хотя и значительно превосходящего язык животных, предшествующего или подготавливающего эволюцию собственно самосознания в формах “я” и “Ты” и грамматике личных действий и отношений. “Они показывают, что множественное число и все другие формы числа в грамматике возникают не путем умножения первоначального “Я”, а путем отбора и постепенного ИСКЛЮЧЕНИЯ из первоначального коллективного “мы”.” (3) Согласно этой точке зрения зарождение самосознания в человеческой семье или в какой-либо конкретной расе или секции человеческой семьи должно было быть столь же медленным и нерешительным; и было бы легко представить, как только что было сказано, что в его начале мог быть очень долгий и “золотой” период, прежде чем новое сознание приняло свои более зрелые и грубые формы.

(1) Доктор Баке (Космическое сознание) настаивает на их одновременности, но относит оба события к чрезмерно далекому прошлому, как мы должны думать, то есть 200 000 или 300 000 лет назад. Возможно, он не проводит достаточного различия между грубым языком голофразы и гораздо более поздним развитием сформированной и грамматической речи.

(2) См. “Идею души” А. Э. Кроули, гл. ii; “Фемиду” Джейн Харрисон, стр. 473-5; и “Историю Нового света под названием Америка” Э. Дж. Пейна, т. ii, стр. 115 кв., где начало самосознания связано с распадом голофразы.

(3) Фемида, стр. 471.

Общеизвестно, что все оценки времени, затраченного на эти эволюции раннего человека, наиболее расходятся, и в них труднее всего быть уверенными; но если мы примем 500 000 лет назад за первое появление настоящего Человека (*homo primigenius*), (2) и (следуя профессору У. Дж. Солласу) (3) 30 000 или 40 000 лет назад за первых людей, использующих орудия труда (*homo sapiens*) челлийской эпохи (палеолит), 15 000 лет за наскальные рисунки и надписи ориньякского и магдальнийского народов и 5000 лет назад за первое появление человека, использующего орудия труда (*homo sapiens*). по первым фактическим историческим записям, дошедшим до нас, мы, возможно, получим что-то вроде соотношения между разными периодами. Иными словами, полмиллиона лет для чисто животного человека на его различных формах и ступенях эволюции. Затем, где-то ближе к концу палеолита или началу неолита, смутно зарождается самосознание и, примерно через 10 000 лет медленного прорастания и доисторической культуры, достигает кульминации в фактическом историческом периоде и на заре цивилизации 40 или 50 веков назад, и сегодня (мы надеемся) достигает кульминации, которая предшествует или предвещает его ослабление и трансформацию.

(2) Хотя доктор Артур Кейт, " Древние типы человека" (1911), стр. 93 и 102, называет цифру более чем в миллион.

(3) См. " Древние охотники" (1915); также Энциклопедию Гастингса. "Этнология"; и Хэвелок Эллис, "Происхождение войны", в "Философии конфликта" и других эссе.

Без сомнения, многие геологи и антропологи отдали бы предпочтение периодам значительно БОЛЕЕ ДЛИТЕЛЬНЫМ, чем упомянутые здесь; но, возможно, было бы достигнуто некоторое согласие относительно СООТНОШЕНИЯ соответствующих периодов времени друг с другом: то есть упомянутые авторитеты, вероятно, допустили бы ОЧЕНЬ длительный период между животными и человеком (1), соответствующий первой стадии; гораздо более короткий период агрессивного "самосознания", соответствующий Второй стадии, возможно, длящийся всего одну тридцатую или пятидесятую часть времени первого периода; а затем - если бы они вообще ожидали третью стадию - были бы склонны по очевидным причинам приписать ей снова очень длительный срок.

(1) Я использую здесь фразу "человек-животное" не с оттенком презрения или порицания, как это сделали бы дорогие викторианцы, а с чувством неподдельного уважения и восхищения, какие испытываешь по отношению к самим животным.

Однако все это весьма умозрительно. Возвращаясь к языковым трудностям и рассмотрению тех ранних времен, когда слов, адекватных выражению религиозных или магических идей, просто не существовало, становится ясно, что единственным доступным или, по крайней мере, ГЛАВНЫМ средством выражения в те времена, должно быть, были жесты, позы, церемониальные ДЕЙСТВИЯ - фактически, более или менее сложный ритуал. (1) Такие идеи, как Поклонение, Благодарение, признание вины, утоление гнева, Искупление, Жертвоприношение, Празднование Сообщества, сакраментальное Искупление и множество других, в то время могли быть выражены соответствующими обрядами — и, фактически, часто выражаются так даже сейчас — БОЛЕЕ легко и непосредственно, чем с помощью языка. 'Танец' — когда было изобретено это слово — означал не простое размахивание конечностями во время отдыха, а любые выразительные движения тела, которые могли быть использованы для передачи чувств танцора или аудитории, которую он представлял. Так 'религиозный танец' стал важнейшей частью ритуала.

(1) См. гл. ix и xi.

Вот и все о второй стадии Сознания. Давайте теперь перейдем к третьей стадии. Очевидно, что процесс разрушения — разрушения как человеческого разума, так и общества вокруг него из— за действия Второй Стадии - не мог продолжаться бесконечно. В настоящее время сотни тысяч людей умирают от психических или телесных заболеваний — их нервная система разрушена неприятностями, связанными с чрезмерным самосознанием — эгоистичными страхами, тревогами и беспокойством. Общество в целом гибнет как в промышленности, так и на войне из-за господства в его организме личных мотивов жадности, тщеславия и амбиций. Это не может продолжаться вечно. Все должно либо продолжаться в том же духе, и в этом случае очевидно, что мы приближаемся к кризису полного распада, либо должен войти новый элемент, новое вдохновение жизни, и мы (как индивидуумы) и общество, частью которого мы являемся, должны начать все сначала. Что это за новый и необходимый элемент возрождения?

Очевидно, что это должно быть новое рождение — вступление в следующую стадию сознания, которая должна заменить нынешнюю. Из-за какого-то подобного кризиса, о котором мы говорили, из-за крайних страданий Человеческий разум в том ВИДЕ, в КАКОМ ОН УСТРОЕН В НАСТОЯЩЕЕ время, должен умереть. (1) Самосознание должно умереть, быть похоронено и воскреснуть в новой форме. Вероятно, ничто, кроме крайних страданий, не может вызвать этого. (2) И что же это за новая форма, в которой сознание должно возродиться? Очевидно, что, поскольку страдания мира на протяжении бесчисленных веков произошли от этой фатальной попытки сделать маленькое личное "Я" центром усилий и активности, и поскольку эта попытка неизбежно привела к разобщенности, разладу и смерти как в самом разуме, так и в теле общества, не остается ничего, кроме возвращения к Сознанию, которое будет иметь Единство в качестве своего основополагающего принципа и которое будет исходить из непосредственного ОЩУЩЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ такого единства во всем творении. Простой разум Древнего Человека и Животных носил именно такой характер — сознание, так сказать, непрерывное в природе и, хотя устремляющееся к точкам озарения и очагам особой активности у индивидуумов, все же ни в коем случае не нарушенное по существу и не заключенное в отдельные ячейки. (И именно эта НЕПРЕРЫВНОСТЬ примитивного разума позволяет нам, как я уже объяснял, понимать таинственную работу инстинкта и интуиции.) К какому-то подобному сознанию единства мы должны вернуться; но ясно, что оно будет иметь — это не так - простой зачаточный характер Первой Стадии, поскольку оно было обогащено, углублено и значительно расширено опытом Второй стадии. По сути, это новый порядок мышления — сознание Третьей стадии.

(1) “Ум должен быть сдержан в сердце, пока ему не придет конец”, - говорится в "Майтраяна-Брахмана-упанишаде".

(2) В этой связи можно вспомнить тапас индийских йогов или испытания посвященных в языческие мистерии вообще.

Чтобы понять действие и качества этого Третьего Сознания, может оказаться полезным прямо сейчас рассмотреть, каким более или менее рудиментарным образом оно фигурировало в языческих ритуалах и христианстве. Мы видели грубых сибиряков в Северо-Восточной Азии или племена североамериканских индейцев ‘гризли’ в окрестностях горы Шаста, выражающих свое почтение и обожание пленному медведю — одновременно пищевому животному и божеству Племени. Один из соплеменников убил медведя — и, надо сказать, убил его не на публичной охоте с соблюдением всех надлежащих церемоний, а в частном порядке, для собственного удовлетворения. Следовательно, он совершил грех, теоретически непростительный; ибо разве он — не для удовлетворения своей личной жажды пропитания — нанес удар духу-хранителю Племени? Разве он не отдалился от своих братьев, уничтожив сам его символ? Был только один способ, которым он мог восстановить дружеские отношения со своими товарищами. Он должен загладить свою вину каким-нибудь общественным жертвоприношением, и вместо того, чтобы оставить мясо животного себе, он должен разделить его со всем племенем (или кланом) на общем пиршестве, в то же время животному возносятся самые напряженные молитвы и благодарность за то, что оно пожертвовало свое тело в пищу. Магическая формула требовала не чего иного, как этого — иначе ужасная катастрофа обрушилась бы на человека, который согрешил, и на все братство. Здесь, как и в сотне подобных ритуалов, мы видим три фазы племенной психологии — первая, при которой отдельный член просто остается в рамках племенного разума и действует только в гармонии с ним; вторая, при которой индивид выходит

за рамки и, чтобы удовлетворить свое личное "Я", совершает действие, которое отчуждает его от товарищей; и третья, при которой, чтобы загладить вину и доказать свою искренность, он приносит какую-то жертву и на общем пиршестве или какой-то подобной церемонии снова принимается в единство сообщества. Тело животного-божества поглощается, и последнее становится, как в духе, так и во плоти, Спасителем племени.

С течением времени, когда Тотем или дух-Хранитель перестает быть просто Животным или Гением со звериной головой, но становится Божеством, сформированным человеком, сохраняются все те же общие очертания идей - только с большей интенсивностью благодаря сугубо человеческому интересу драмы. Божество, отдающее свою жизнь за свою паству, - это уже не просто обычный Бык или Ягненок, а Адонис, или Осирис, или Дионис, или Иисус. Он предан одним из своих собственных последователей и терпит смерть, но воскресает, искупая все с самим собой в едином содружестве; и зерно, и вино, и мясо диких животных, которые были его телом и которые он отдал для пропитания человечества, употребляются на святой вечере примирения. Ритуалом Спасения всегда является возвращение к единству, символом которого является Евхаристия — второе рождение, формирование “нового творения, когда старое уходит в прошлое”. Ибо “Если человек не родится свыше, он не может увидеть Царствия Божьего”; и “первый человек от земли, земной, но второй человек - Господь с небес”. Подобно странному рефрену, из веков до нашей эры доносится эта вера в бога, который заключен в каждом человеке и чье освобождение является новым рождением и началом нового творения: “Радуйтесь, посвященные в тайну освобожденного бога” — радуйтесь мысли о герое, который умер как смертный в гробу, но воскресает как Повелитель всего!

Кем же тогда был этот "Христос", которого мир ждал за три столетия до нашей эры (и даже за столетия до этого)? Кем был этот “трижды Спаситель”, которого приветствовали греческие гностики? Что означало то “пришествие Сына Человеческого”, которого Даниил узрел в видении среди облаков небесных? или о “совершенном человеке”, который, как провозгласил Павел, должен избавить нас от рабства тления в славную свободу детей Божьих? Что это было за спасение, которое раз за разом языческие божества обещали своим приверженцам и которое Элевсинские и другие Мистерии изображали в своих религиозных драмах с таким убедительным энтузиазмом, что даже Пиндар мог сказать: “Счастлив тот, кто видел их (Мистерии) до того, как сойдет под полую землю: этот человек знает истинный конец жизни и ее божественный источник”; и относительно которого Софокл и Эсхил были в равной степени восторженны? (1)

(1) См. "Культы греческих государств" Фарнелла, том. iii, с. 194; также "Мистерии, языческие и христианские" С. Читама, доктора философии (Лондон, 1897).

Можем ли мы сомневаться в свете всего, что мы уже сказали, в том, каков ответ на эти вопросы? Как с первым расцветом самосознания в человеческом разуме наступил рассвет огромного цикла переживаний — цикла действительно изгнания из Эдема, страданий, тяжелого труда и слепых скитаний в пустыне, но цикла абсолютно необходимого и неизбежного, — так и теперь искупление, возвращение, реставрация должны произойти через еще один шаг вперед в той же области. Отказавшись от поисков и прославления отдельного изолированного "я", мы должны вернуться к космической универсальной жизни. Именно расцвет этой ‘новой’ жизни в глубинах нашего разума является спасением, и на это указывают все выражения, которые я только что процитировал. Именно это присутствие на протяжении веков приветствовалось как Спаситель и

Освободитель: рассвет сознания, настолько более обширного, настолько более великолепного, чем все, что было прежде, что маленькая свеча локального "я" поглощается его лучами. Это возвращение домой, возвращение в непосредственный контакт с Природой и Человеком — освобождение от долгого изгнания разлуки, от болезненного чувства изолированности и отвратительного кошмара вины и "греха". Можем ли мы сомневаться в том, что это новое рождение — эта третья стадия сознания, если нам нравится называть это так, — должно наступить, что это действительно не просто благочестивая надежда или предварительная теория, но ФАКТ, уже засвидетельствованный облаком свидетелей в прошлом — свидетелей, сияющих своим собственным, легко узнаваемым и подлинным светом, но по большей части изолированных друг от друга среди засушливых и суровых условий? бесплодные отбросы Цивилизации, похожие на светлячков в сухой траве летней ночью?

Со времени первой смутной эволюции человеческого самосознания, как мы уже говорили, прошел огромный период — возможно, 30 000 лет, возможно, даже больше. Сейчас, в наши дни, этот период достигает своей кульминации, и хотя он завершится не сразу, его конец, так сказать, уже на виду. Между тем, на протяжении всей исторической эпохи позади нас — скажем, за последние 4000 или 5000 лет — поступали свидетельства (частично в виде зарегистрированных религиозных обрядов, частично в оракулах, поэмах и пророческой литературе) о наступлении этого дальнейшего озарения — "света, которого никогда не было ни на море, ни на суше" — и облако свидетелей, рассеянное поначалу, в эти последующие столетия стало настолько очевидным и заметным, что мы испытываем искушение поверить или предвидеть великое и всеобщее новое рождение, которое теперь не так уж и далеко. (1) (Нам, однако, не мешало бы вспомнить в этой связи, что уже много раз в истории Тысячелетнее царство предсказывалось, но все же не наступало точно к настоящему времени, и принять к сведению слова "Петра", который, несколько прискорбно разочарованный долгожданным вторым пришествием Господа Иисуса на облаках небесных, написал в своем втором Послании: "В последние дни придут насмешники, поступающие по своим собственным похотям и говорящие: "Где обетование о Его пришествии?" ибо с тех пор, как отцы уснули, все остается таким, каким оно было от начала творения". (2))

(1) Подробнее обо всей этой теме читайте в замечательной и эпохальной книге доктора Баке "Космическое сознание" (впервые опубликована в Филадельфии в 1901 году).

(2) 2 Петра iii. 4; написано, вероятно, около 150 г. н.э..

Я говорю, что на протяжении всей исторической эпохи, прошедшей позади нас, были свидетельства — пусть и разрозненные — о спасении и возвращении Космической жизни. Человек никогда еще не был так полностью погружен в горькое море эгоцентризма, но иногда ему удавалось смахнуть брызги со своих глаз и мельком увидеть солнце и великолепный небесный свет. Мы не можем сказать, из какого далекого прошлого, но из глубокой древности пришли прекрасные мифы, которые указывают на это.

Золушка, дева-золушка, сидит без ведома в своей земной клетушке;
Над ней издеваются, она оплакивает свою одинокую судьбу;
Несмотря на то, что она родилась младшей, она превосходит своих сестер и облачается в одеяние из солнца и звезд;
Из крошечной искры она возносится и освещает вселенную, и выходит замуж за принца небес.

Как прекрасно это видение маленькой девушки, незаметно сидящей рядом с Огнем Очага вселенной - она сама, на самом деле, всего лишь маленькая искорка от него; презираемая и отвергнутая; отвергнутая миром, презираемая двумя своими старшими сестрами (телом и интеллектом); и все же она, душа, хотя и родилась последней, безусловно, самая красивая из трех. И о Князе Любви, который искупает и освобождает ее; и о ее свадебном одеянии, олицетворяющем славу и красоту всей природы и небес! Притчи Иисуса по-своему очаровательны, но вряд ли они достигают такой высоты вдохновения.

Или древний как мир миф об Эросе и Психее. Как странно, что здесь снова присутствуют три сестры (три стадии человеческой эволюции), и самая красивая из трех - младшая, и зависть и преследования, которым подвергают младшую остальные, и особенно Афродита, богиня простого чувственного очарования. И снова приход неизвестного, невидимого Возлюбленного, на которого смертным не позволено смотреть; и долгие, долгие испытания, которые Психее предстоит пройти, прежде чем Эрос действительно заключит ее в свои объятия и вознесет к небесным высотам. Разве мы не можем представить себе, что, когда эти вещи были представлены в Мистериях, мир стекался посмотреть на них, и поэты действительно говорили: “Счастливы те, кто видит, а видящий может понять”? Можем ли мы не понять, почему в амфикионическом указе второго века до нашей эры говорилось об этих же Мистериях как о подкреплении урока о том, что “величайшее из человеческих благословений - это общение и взаимное доверие”?

XV. ДРЕВНИЕ МИСТЕРИИ

Таким образом, мы подходим к тому, что мы не должны упускать из виду, потому что это проливает большой свет на значение и интерпретацию всех этих обрядов и церемоний великой Мировой религии. Я имею в виду тему Древних мистерий. И этому я посвящу несколько страниц.

Эти мистерии, вероятно, были пережитками древнейших религиозных обрядов греческих народов и в своих ранних формах заключались не столько в поклонении Небесным богам, сколько божествам Земли, Природы и Смерти. Несомненно, поначалу грубые, они постепенно становились (особенно в их элевсинской форме) более утонченными и философскими; постепенно, при определенных условиях, эти обряды стали доступны не только мужчинам в целом, но и женщинам и даже рабам; и в конце концов они оказали глубокое влияние на христианство. (1)

(1) См. Эдвин Хэтч, Д.Д., Влияние греческих идей и обычаев на христианскую церковь (Лондон, 1890), стр. 283-5.

Очевидно, в этих обрядах использовались три формы обучения: [gr legomena] - сказанные вещи; [gr deiknomena] - показанные вещи; и [gr drwmena] - выполненные вещи или ПОСТУПКИ. (1) Я уже приводил некоторые примеры сказанного — тексты, нашептываемые для утешения на ухо неофиту, и так далее; о ТРЕТЬЕЙ группе, разыгрываемых вещах, у нас есть достаточное количество свидетельств. Существовали ритуальные драмы или игры страстей, из которых важная касалась нисхождения Керы или Прозерпины в подземный мир, как в элевсинских представлениях (2), и ее искупления и возвращения в верхний мир весной; другая - страданий

Психеи и ее спасения Эросом, как описано Апулеем (3) — сам посвященным в культ Исиды. Есть пародия Лукиана, в которой рассказывается о рождении Аполлона, женитьбе Корониды и пришествии Эскулапа как Спасителя; была смерть и возрождение Диониса (главного божества орфического культа); а иногда и тайна рождения Диониса как святого младенца. (4) Каждый год в Элевсине совершалась торжественная и продолжительная процессия, или паломничество, символизирующее долгое странствие человеческой души, ее страдания и освобождение.

(1) Читам, указ. соч., стр. 49-61 кв.

(2) См. Farnell, *op. cit.*, iii. 158 кв.

(3) Посмотрите на Золотого осла.

(4) Фарнелл, ii, 177.

“Почти всегда, ” говорит доктор Читэм, — страдание бога - страдание, за которым следует триумф, — кажется, было предметом священной драмы”. Затем, время от времени, неофитам, принявшим участие в паломничестве, и когда их умы были подготовлены испытанием темноты, усталости и ужасов, было даровано откровение о Рае и даже видение Преображения — образ самого Иерофанта, или учителя Мистерий, был виден полузатерянным в ярком свете. (1) Наконец, было вкушение пищи и питье ячменного напитка из священного сундука (2) - своего рода Причастие или Евхаристия.

(1) Там же, 179 кв.

(2) Там же, 186. Священные сундуки, в которых хранились святыни, часто фигурируют в ранних обрядах и легендах — как в случае с ковчегом еврейской скинии, ковчегом или шкатулкой, которую несли во время празднования мистерий Вакха (Феокрит, Идиллия xxvi), легендой о ящике Пандоры, в котором содержались семена всего доброго и злого, Ноевом ковчеге, спасшем все живые существа от потопа, “Арго аргонавтов”, лодке в форме луны, в которой Исида, плывущая по водам, собрала вместе отрубленные конечности Осириса и таким образом привела к рождению Христа. его воскресение и множество сундуков или гробов, из которых различные боги (Адонис, Аттис, Осирис, Иисус), будучи похороненными там, воскресли для искупления мира. Все они, очевидно, относятся к мистическому лону Природы и Женщины и являются символами спасения и искупления (Полное обсуждение этого предмета см. в “Великом законе религиозного происхождения” У. Уильямсона, глава iv.)

Апулей в “Золотом осле” дает интересный отчет о своем посвящении в мистерии Исиды: как однажды вечером, попрощавшись с общим собранием снаружи и облачившись в новое льняное одеяние, он был передан священником во внутренние помещения самого храма; как он “приблизился к границам смерти и, ступив на порог Прозерпины (Подземного мира), вернулся оттуда, пройдя через все стихии. В полночь я увидел солнце, сияющее своим ослепительным светом; и я приблизился к присутствию Богов внизу и Богов наверху, и встал рядом, и поклонился им”. Ночью произошли события, которые не должны быть раскрыты; но утром он вышел, “освященный тем, что был одет в двенадцать накидок, расписанных фигурами животных”. (1) Он взошел на кафедру посреди Храма, неся в правой руке горящий факел, в то время как его голову окружал венок, из которого подобно лучам света исходили пальмовые листья. “Одетый таким образом, как Солнце, и поставленный так, чтобы походить на статую, я внезапно оказался перед взорами толпы, когда занавески были отдернуты. После этого я

отпраздновал самый радостный день моего посвящения, как мой нательный день (день Нового Рождения), и был веселый банкет и веселая беседа”.

(1) Намек, без сомнения, на двенадцать знаков Зодиака, путь Солнца, а также на практику древних жрецов носить шкуры тотемных животных в знак их божественности.

Вряд ли можно не признать в этом рассказе описание какой-то церемонии, которая, как предполагалось, должна была запечатлеть просветление человека и его новое рождение в божественности - животном происхождении, круговороте всех переживаний, ужасах смерти и воскресении в виде Солнца, символа всего света и жизни. Само слово “озарение” несет в себе идеи света и нового рождения. Рейценштейн в своей очень интересной книге о греческих мистериях (1) снова и снова говорит об озарении ([gr fwtismos]), которое проводилось для участия в Посвящении и Спасении. Доктрина о Спасении действительно ([gr swthria]) была, как мы уже видели, распространена и широко распространена во Втором веке до нашей эры. Она представляла собой реальный опыт, и человек, который разделял этот опыт, становился [gr qeios] [gr anqrwpos] или божественным человеком. (2) В Орфических Табличках фраза “Я - дитя земли и звездного неба, но моя раса - небесная (единственная)” встречается более одного раза. В одном из самых длинных из них умершему дается указание “после того, как он пройдет воды (Леты), где находятся белый Кипарис и Дом Аида”, обратиться с этими самыми словами к хранителям Озера Памяти, когда он попросит глоток холодной воды из этого озера. В другом стихотворении к самому умершему обращено такое обращение: “Радуйся, ты, претерпевший Страдания, каких на самом деле ты никогда прежде не испытывал; ты стал богом из человека!” (3) Экстаз был вершиной религиозной жизни; и, что для нас особенно интересно, Спасение или божественная природа были открыты для всех людей — то есть для всех, кто должен был пройти необходимые стадии подготовки к нему. (4)

(1) Die hellenistischen Mysterien-Religionen, by R. Reitzenstein, Leipzig, 1910.

(2) Reitzenstein, p. 12.

(3) Эти таблички (так называемые) являются инструкциями для умерших относительно их перехода в мир иной и были найдены в гробницах Италии и других стран, написанными на очень тонких золотых пластинах и захороненными вместе с усопшими. Смотрите "Руководство по греческим древностям" Перси Гарднера и Ф. Б. Джерома (1896); также "Пролегомены к греческой религии" Джейн Э. Харрисон (1908).

(4) Рейценштейн, стр. 15 и 18; также С. Дж. Кейс, Эволюция раннего христианства, стр. 301.

Рейценштейн утверждает (стр. 26), что в Мистериях часто сочетались преобразование ([gr metamorfwsis]), спасение ([gr swthria]) и новое рождение ([gr paliggenesia]). Он говорит (стр. 31), что в египетском культе Осириса посвященный приобретает природу, “равную Богу” ([gr isoqeos]), то же самое выражение, что используется в отношении Иисуса Христа в Послании к Филиппийцам ii. 6; он упоминает Аполлония Тианского и Сергия Павла как примеры людей, которые, по мнению их современников, достигли этой природы; и он цитирует Эхнатона (фараон Египта в 1375 г. до н.э.), сказавшего: “Ты в моем сердце; никто другой не знает Тебя, кроме твоего сына Эхнатона; Ты ты посвятил его в твою мудрость и в твою силу”. Он также цитирует слова Гермеса (Трисмегист) — “Приди ко Мне, как дети к груди своей матери: ты есть Я, и я есть Ты; что твое, то мое, а что мое, то твое; ибо воистину Я — твой образ”, и ссылается на диалог между Гермесом и Татом, в котором они говорят о великом и мистическом Новом Рождении и

Единении со Всем - со всеми Элементами, Растениями и Животными, Временем и Пространством.

“Мистерии, ” очень откровенно говорит доктор Читем, “ значительно повлияли на христианство и видоизменили его в некоторых важных отношениях”; и доктор Хэтч, как мы видели, не только поддерживает эту общую точку зрения, но и развивает ее в деталях. (1) Он указывает, что членство в Мистических обществах было очень многочисленным в древнейшие времена нашей эры; что их общие цели были благими, включая чувство истинной религии, достойной жизни и братства; что от неофита требовали чистоты от преступлений и исповеди; что за исповедью следовало крещение ([gr kaqarsis]), а ЗАТЕМ жертвоприношение; что термин [gr fwtismos] (озарение) был принят христианской церковью как название нового рождения крещения; что христианский обычай накладывать печать на лоб пришел от неофита. тот же источник; что само крещение через некоторое время было названо мистерией ([gr musihriou]); что священные лепешки и ячменный напиток Мистерий превратились в молоко, мед, хлеб и вино первых христианских евхаристов, и что случайное принесение в жертву ягненка на христианском алтаре (“упоминание о котором часто замалчивается”), вероятно, возникло таким же образом. Действительно, концепция стола для причастия КАК алтаря и многие другие элементы ритуала постепенно утвердились из этих источников с течением времени. (2) Вряд ли нужно говорить больше в доказательство того, до какой степени в этих древних представлениях “сказанное” и “разыгранные сцены” предвосхищали доктрины и церемонии христианства.

(1) См. Hatch, указ. соч., стр. 290 кв.

(2) См. Дионисия Ареопа. (конец пятого века), который описывает христианские обряды в основном языке мистерий (Хэтч, 296).

“Но как насчет второй вышеупомянутой группы, “показанных вещей”? Естественно, не так-то легко получить точную информацию о них, но они, по-видимому, были особо священными предметами, вероятно, предметами, связанными с очень древними ритуалами в прошлом — такими как священные камни, старые и грубые изображения богов, магические символы природы, такие как упомянутый выше наполовину раскрытый початок кукурузы (Гл. V.). “В Храме Исида в Филе, - говорит доктор Читам, “ мертвое тело Осириса представлено с прорастающими из него кукурузными стеблями, которые жрец поливает из сосуда. Надпись гласит: ‘Это форма того, кого мы не можем назвать, Осириса Мистерий, возникшего из возвращающихся вод’ (Нила)”. Прежде всего, без сомнения, там были изображения фаллоса и вульвы, великих символов человеческой плодovitости. Мы видели (гл. XII), что лингам и йони, вплоть до сегодняшнего дня, обычно сохраняются и почитаются как святые объекты в S. Индийские храмы и помазанные маслом (некоторые из них) по очень практичным причинам. У сэра Дж. Г. Фрейзера в его недавно опубликованных томах, посвященных фольклору Ветхого Завета, есть глава (в т. ii) на очень многочисленных священных камнях различных форм и размеров, найденных или о которых говорят в Палестине и других частях света. Хотя он и не уверен в значении этих камней, он упоминает, что они “часто, хотя и не всегда, РАСПОЛОЖЕНЫ ВЕРТИКАЛЬНО”. Смазывание их маслом, уверяет он нас, “является широко распространенной практикой, иногда женщинами, которые хотят иметь детей”. И он завершает главу словами: “Священный камень в Вефиле, вероятно, был одним из тех массивных стоячих камней или грубых столбов, которые евреи называли массебот и которые, как мы видели, были постоянными дополнениями ханаанских и ранних израильских святилищ”. Мы уже упоминали

столбы Иахин и Воаз, стоявшие перед Храмом Соломона и имевшие общепризнанное сексуальное значение; и поэтому представляется вероятным, что большое количество этих священных камней имело аналогичное значение. (1) Следуя этой подсказке, представляется вероятным, что лингам, таким образом помазанный и которому поклоняются в Храмах Индии и других стран, ЯВЛЯЕТСЯ оригиналом [gr cristos] (2), которому человечество поклонялось с самого начала, и что в более позднее время, когда Священник и Царь, как объекты поклонения, заняли место Лингама, ОНИ также были помазаны миром плодородия. То, что демонстрация этих эмблем должна была быть частью первоначальных 'Мистериальных' ритуалов, было совершенно естественным - особенно потому, что, как мы уже объясняли (3), старые обычаи часто сохранялись в довольно наивной форме в ритуалах, когда более позднее общественное мнение стало считать их неприличными; и (можно сказать) было совершенно в порядке вещей, потому что есть множество свидетельств того, что в первобытных посвящениях, линейными потомками которых были Мистерии, все эти вещи объяснялись новичкам и фактически обучали их использованию. (4) Без сомнения, также имели место некоторые представления или драматические инциденты довольно грубого характера, заимствованные из этих древних источников. (5) Странно, однако, наблюдать, как простое упоминание о таких вещах вызывало почти истерический переполох среди критиков Мистерий — со времен первых христиан, которые (чтобы поддержать свою религию) не уставали оскорблять язычников, и по сей день, когда современные ученые либо, с одной стороны, следуют за ранними христианами, представляя Мистерии как вместилища беззакония, либо, с другой (зная, что это обвинение не могло быть обосновано иначе, как в период их окончательного упадка), придерживаются линии игнорирования сексуального интереса, связанного с ними, как не связанного с религией. - существующий или, во всяком случае, недостойный внимания. Добрый архидьякон Читам, например, при написании интересной книги о Мистериях проходит мимо этой стороны предмета, КАК будто ее не существует; в то время как ученый доктор Фарнелл, по-видимому, подавленный тяжестью своей учености и неспособный противостоять тревожному препятствию, создаваемому этими сексуальными обрядами и аспектами, прикрывается довольно уклончивым замечанием (говоря об элевсинских обрядах): "Мы не имеем права представлять какую-либо часть этой торжественной церемонии грубой или непристойной". (6) Поскольку Природа, однако, известна (довольно часто) как грубая или непристойная, и поскольку инициаторы Мистерий, вероятно, не были ни "хорошими", ни "образованными", а просто стремились интерпретировать Природу как можно лучше, мы не можем придирается к последним за то, как они справились с проблемой, и, действительно, не можем видеть, как они могли бы справиться с ней лучше.

(1) Ф. Норк в "Der Mystagog" упоминает, что римские пенаты обычно помазывались маслом. Дж. Стюарт Хэй в своей книге "Жизнь Элагабала" (1911) говорит, что "Элагабалу поклонялись под символом большого черного камня или метеорита в форме фаллоса, который, упав с небес, представлял истинную частицу Божества, во многом в стиле тех изображений из черного камня, которые широко почитались в Норвегии и других частях Европы".

(2) Дж. Э. Хьюитт в своей книге "Правящие расы доисторических времен" (стр. 64) приводит длинный список доисторических рас, поклонявшихся лингаму.

(3) См. Главу XI.

(4) См. книгу Эрнеста Кроули “Мистическая роза”, гл. xiii, стр. 310 и 313: “В некоторых племенах Центральной Африки и мальчики, и девочки после инициации должны как можно скорее вступить в половую связь”. Инициация является не просто предварительным, но часто и ФАКТИЧЕСКИМ вступлением в брак. То же самое среди кафров, племен Конго, сенегальцев и т.д. Также среди австралийских арунта.

(5) Профессор Дидерихс сказал, что “во многих древних ритуалах считалось, что мистическое общение с божеством может быть достигнуто через подобие полового акта - как в поклонении Аттису-Кибеле и ритуале Исиды”. (Фарнелл.) Рейценштейн говорит (ор. cit., стр. 20), что Посвященные, подобно некоторым христианским монахиням более позднего времени, верили в единение с Богом через получение семени.

(6) Фарнелл, указ. соч., iii. 176. Господа. Гарднер и Джевокс в своем “Руководстве по греческим древностям”, процитированном выше, выгодно сравнивают элевсинские мистерии с некоторыми другими, такими как аркадские, трезенские, эгинские и очень примитивные самофракийские: говоря (стр. 278), что о последних “мы знаем мало, но смело предполагаем, что в них идеи секса и продолжения рода доминировали ДАЖЕ БОЛЬШЕ, чем в элевсинских”.

В конце концов, совершенно ясно, что древние народы видели в Сексе великую связующую силу, которая удерживала (мы не будем говорить о Человечестве, но, во всяком случае,) Племя вместе и поддерживала расу. На стадии простого Сознания это, должно быть, было одной из первых вещей, которые воспринимал подающий надежды интеллект. Секс стал одним из самых ранних божеств, и существует множество свидетельств того, что его органы и процессы, как правило, были наделены религиозным чувством благоговения и святости. На самом деле это был символ (или, скорее, действительность) постоянной бессмертной жизни расы, и как таковой он был священен для целей расы. Какие бы табу ни существовали у разных народов, охранявших его деятельность, по сути, это не было тем, что следовало скрывать или стыдиться. Скорее наоборот. Например, раннехристианский писатель Ипполит, епископ Понтийский (200 г. н.э.), в своем “Опровержении всех ересей”, книга V, говорит, что только что упомянутые самофракийские мистерии прославляют Адама как первичного или архетипического Человека, вечного на небесах; и затем он продолжает: “Обычно в храме самофракийцев стоял два изображения обнаженных мужчин с обеими руками, простертыми к небу, и их половые органы обращены вверх, как и в случае со статуей Меркурия на горе Киллена. И вышеупомянутые образы являются образами первобытного человека и того духовного, который рождается свыше, во всех отношениях из той же субстанции, что и этот (первый) человек”.

Этот отрывок из Ипполита встречается в длинной речи, в которой он ‘разоблачает’ ересь так называемых наассенских доктрин и мистерий. Но вся эта беседа должна быть прочитана теми, кто желает понять гностическую философию периода, современного христианству и предшествовавшего ему. Перевод дискурса, тщательно проанализированный и аннотированный, приведен в книге Г. Р. С. Мида “Трижды величайший Гермес” (1) (том i); и сам Мид, говоря об этом, говорит (стр. 141): “Утверждение этих гностиков практически сводилось к тому, что благая весть о Христе (the Christos) была завершением внутренней доктрины Мистериальных институтов всех наций; концом всего этого было раскрытие Тайны Человека”. Далее, он объясняет, что Душа в этих доктринах рассматривалась как синоним Бога. причина всего; и что его любовь была двойкой - к Афродите (или Жизни) и к Персефоне (или Смерти и потустороннему миру). Также, что Аттис, отказываясь от своего пола в поклонении Богине-

Матери (Dea Syria), возносится на Небеса — новый человек, Мужчина-женщина и источник всего сущего: скрытой Тайной является сам Фаллос, воздвигнутый как Гермес на всех дорогах, границах и храмах, Проводник и Восстановитель Душ.

(1) Рейценштейн, указ. соч., в основном цитирует этот дискурс. К Трижды величайшему Гермесу также можно обратиться за переводом "Исиды и Осириса" Плутарха.

Все это может показаться странным, но можно справедливо сказать, что оно представляло в своей степени и на той первой 'непавшей' стадии человеческого мышления и психологии истинную концепцию космической Жизни, и действительно концепцию вполне разумную и достойную восхищения, пока, конечно, Вторая стадия не принесла искажение. Как только эта великая сила космической жизни была отвлечена от ее истинного использования в Зарождении и Возрождении (1) и присвоена индивидуумом для своего личного удовольствия - как только ее религиозный характер как племенного служения (2) (часто оказываемого в пределах территории Храма) был упущен из виду или деградировал до коммерческой сделки — на человечество обрушилось всевозможное зло. *Corruptio optimi pessima*. Следует также помнить, что одновременно с этим сексуальным расстройством произошло разрушение других человеческих отношений; и мы перестаем удивляться тому, что болезни и эгоистичные страсти, жадность, ревность, клевета, жестокость и массовые убийства бушевали — и бушуют до сих пор.

(1) Об особом значении этих двух терминов см. "Драму любви и смерти" Э. Карпентера, стр. 59-61.

(2) Эрнест Кроули в "Мистической розе" оспаривает это отождествление религии с племенными интересами; однако его аргументы не очень убедительны. На стр. 5 он признает, что "существует религиозный смысл, присущий примитивной концепции и практике ВСЕХ человеческих отношений"; и большая часть его главы xii посвящена показу того, что даже такие институты, как Сатурналии, были религиозными, поскольку подтверждали чувство социального единства и вели к "расширенной идентичности".

Но человеческую душу — какой бы ни была ее судьба, какие бы опасности и катаклизмы ей ни угрожали — всегда ждет искупление. Как мы видели в предыдущей главе, это извращение Секса привело (вполне естественно) к его отрицанию; а его отрицание привело к отличию от него Любви. Человечество обрело власть и обожествление Любви, чистой и незапятнанной, и (на данный момент) возвышенной над этим бранным миром, и свободной от всех земных контрактов. Но опять же, в конце концов, возникший таким образом разрыв между физическим и духовным привел к искажению обоих. Любовь, низведенная, так сказать, на небеса как чисто филантропическое, благочестивое и 'духовное' занятие, стала чрезвычайно СКУЧНОЙ; а секс, оставшийся на земле, но покинутый спасающим присутствием, превратился в простое "плотское любопытство и убожество нечистой жизни". Очевидно, что для человеческой расы в конечном итоге не остается ничего, кроме примирения физического и духовного и после многих страданий воссоединения Эроса и Психеи.

Однако еще многое предстоит сказать о Третьем состоянии Сознания. Давайте рассмотрим его немного внимательнее. Ясно, что, поскольку это новое состояние, а не просто продолжение предыдущего, к нему нельзя прийти с помощью аргументов, выведенных из Второго состояния, поскольку все сознательные Мысли, которые мы обычно используем, просто удерживают нас

ВО Втором состоянии. Ни одно животное или вполне примитивный человек не смогли бы понять, что мы подразумеваем под самосознанием, пока не испытают это на собственном опыте. Простой спор не просветил бы его. И поэтому никто во Втором состоянии не может полностью осознать Третье состояние, пока он не испытает его на себе. Тем не менее, объяснения могут помочь нам понять, в каком направлении следует искать, и распознать в некоторых наших переживаниях приближение к искомому состоянию.

Очевидно, что это психическое состояние в некоторых отношениях больше похоже на первую, чем на вторую стадию. Вторая стадия психологической эволюции человека - это абберация, развод, замкнутость. С ее кульминацией и освобождением разум возвращается в простое состояние единения с Целым. (Состояние Экаграты в индуистской философии: однонаправленность, цельность ума.) И сознание Целого, и того, что было в прошлом, и того, что грядет, и того, что находится далеко вокруг, — сознание, которое было отключено концентрацией на локальном "я", — начинает возвращаться снова. Это, конечно, не означает, что экскурс во второй этап был потерей и недостатком. Напротив, это означает, что Возвращение - это приведение всего, что было приобретено за период изгнания (всевозможных ментальных и технических знаний и умений, эмоционального развития, утонченности и приспособляемости ума) ОБРАТНО в гармонию с Целым. В конечном итоге это означает большую выгоду. Человек, достигший совершенства, возвращается к значительно расширенной гармонии. Он снова вступает в настоящее понимание и доверительные отношения со своим физическим телом и с телом общества, в котором он живет, — с обоими из которых он, к сожалению, был разлучен; и он снова берется за оборванную нить Космической Жизни.

Все замечали необычайное согласие, иногда наблюдаемое среди членов сообщества животных — как стая из 500 птиц (например, скворцов) внезапно меняет направление полета — свет на крыльях меняется МГНОВЕННО, как будто импульс изменить направление пришел ко всем в один и тот же момент; или как пчелы будут роиться или иным образом действовать слаженно, или как мигрирующие существа (лемминги, олени, паучки-паутинки, крылатые муравьи) будут действовать одинаково. Какое бы объяснение этим фактам мы ни предпочли — будь то обладание более быстрыми и тонкими средствами внешней коммуникации, чем мы можем воспринять, или общая внутренняя чувствительность к гению Племен ("Духу Улья") или к побуждениям великой Природы вокруг, — в любом случае эти факты из жизни животных, по-видимому, проливают свет на возможности согласия среди представителей истощенного человечества, о котором мы мечтаем сейчас, и, кажется, вселяют в нас надежду на будущее.

Возможно, именно здесь возникает древнее поклонение лингаму. Само слово, по-видимому, связано с нашим словом 'связь' и изначально имело то же значение. (1) Это связующее звено между поколениями. Начавшись с поклонения физической жизни Расы, психологическая эволюция привела сначала к поклонению Племен (или Тотему, представляющему племя); затем к поклонению созданному человеком Богу племени - Богу, который умирает и воскресает вечно, когда племя переходит в вечность, хотя его члены постоянно погибают; затем к концепции бессмертного Спасителя, а также к реализации и отчетливому переживанию некоего вида Сверхсознания, которое, несомненно, пребывает, более или менее скрытое, в глубинах разума и веками ожидало своего появления. его раскрытие и признание. Затем снова к признанию того, что в жертвоприношениях Убийца и Убитая суть одно — странное и глубоко мистическое восприятие того, что Бог и Жертва по сути одно и то же — посвящение "Самого

Себя Самому Себе" (2) и одновременно с этим интерпретация Евхаристии как означающей, даже для отдельного человека, участие в Вечной Жизни — продолжающейся жизни Племени или, в конечном счете, Человечества. (3) Племенной порядок возвышается до Человечности; любовь восходит от лингама к йоге, от одного только физического единения к единству с Целым — что, конечно, включает физическое и все другие виды единения. Неудивительно, что добрый святой Павел, ставший свидетелем этого необычайного водоворота верований и практик, новых и старых, существовавших в первом веке нашей эры — беззастенчивого обожания секса бок о бок с трансцендентальной преданностью ведических мудрецов и гностиков, — сам несколько растерялся и даже немного вспылал, ругая своих учеников (I Кор. х. 21) за их безоговорочное принятие, как ему казалось, вещей совершенно чуждых и антагонистичных. “Вы не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; вы не можете быть участниками трапезы Господней и трапезы бесовской”.

(1) Смотрите Словарь санскрита.

(2) См. Главу VIII.

(3) В литературе есть много указаний — в пророческой или поэтической форме — на это осознание и отчетливую убежденность в вечной жизни, достигаемой через любовь и внутреннее чувство единения с другими и с человечеством в целом; указания, которые несут на себе отпечаток абсолютной подлинности и искренности чувств. См., например, стихотворение Уитмена “В сад мира” (“Листья травы”, полное издание, стр. 79). Но вечная жизнь третьего порядка - нет, слава богу! вечность назойливого и сбивающего с толку застенчивого Интеллекта!

Каждый внимательный читатель заметил путаницу в мыслях и аргументах Павла. Даже если взять только те Послания (к Галатам, Римлянам и Коринфянам), которые критики приписывают его перу, факт заметен — и некоторые ученые немцы даже говорят о ДВУХ Павлах. (1) Но в то же время это вполне естественно. Не может быть никаких сомнений в том, что Павел из Тарса, еврей, воспитанный в самой строгой секте фарисеев, действительно в какой-то момент глубоко подпал под влияние греческой мысли и, вполне возможно, стал посвященным в Мистерии. Иначе было бы трудно объяснить его постоянное использование языка Мистерий. Рейценштейн говорит (стр. 59): “Должно быть, он читал эллинистическую религиозную литературу; он использует ее термины и пропитан ее мыслями” (см. Рим. vi. 1-14). И это в сочетании с его еврейским опытом придало ему творческой силы. “Возможно, многое в его чувствах и мыслях ОСТАВАЛОСЬ еврейским, но своему эллинизму он был обязан своей любовью к свободе и твердой верой в свое апостольство”. Он использует термины (такие как [gr sarkikos], [gr yucikos] и [gr pneumatikos]) (2), которые были в употреблении среди эллинистических сект того времени; и он пишет, как в Послании к Римлянам vi. 4, 5, о том, что его “похоронили” вместе со Христом или “посадили” по подобию его смерти, словами, которые вполне могли иметь другое значение. был использован (с изменением названия) последователем Аттиса или Осириса после того, как стал свидетелем соответствующих “мистерий”; несомненно, намек на этих древних божеств был бы понятен каждому верующему того времени. Этих нескольких моментов достаточно, чтобы подчеркнуть два элемента в Павле, иудейский и греческий, и объяснить (пока) кажущуюся путаницу в его высказываниях. Далее, интересно отметить — как показывающее языческое влияние в писаниях Новой Зеландии — степень, в которой Послание к Филимону (приписываемое Павлу) ПОЛНО— каким бы коротким оно ни было, таких выражений, как УЗНИК

Господа, ТОВАРИЩ-СОЛДАТ, ПЛЕННИК или РАБ, (3) которые были настолько распространены в то время, что стали почти каноном в митраизме и смежных культах. В Первом Послании Петра ii. 2 (4) у нас есть стих “Как новорожденные младенцы, желайте чистого МОЛОКА слова, чтобы через него вы могли расти”. И снова мы можем сказать, что никто в то время не мог ошибочно принять содержащуюся здесь ссылку на старые церемонии посвящения и нового рождения (как описано в главе VIII выше), поскольку молоко действительно было хорошо известной пищей новичка в мистериях Исиды, а также (в некоторых диких племенах) Знахаря, практикующего свое призвание.

(1) “Die Mysterien-anschauungen, die bei Paulus im Hintergrunde stehen, drangen sich in dem sogenarmten Deuteropaulinismus machtig vor” (Reitzenstein).

(2) Напоминающий о наших Трех Стадиях: Животной, самосознательной и Космической.

(3) [григорий десмиос, стративтс, дулос].

(4) См. также Первое Коринфянам iii. 2.

И здесь тоже вступает в силу демократия — странное предчувствие с самого начала во всем этом вопросе. (1) Третья стадия не только приносит просветление, интуитивное понимание процессов в Природе и человечестве, сочувствие к животным, художественные способности и так далее, но она обязательно приносит новый Общественный порядок. Абсурдная — можно даже сказать, отвратительная — социальная эпоха, несомненно, подходит к концу, разгром, который мы наблюдаем сегодня по всей Европе (включая Британские острова), распад старых институтов, в целом материалистический взгляд на жизнь, выход на поверхность огромных масс больного и оупевшего населения, отбросов, созданных прошлым порядком, - все это указывает на конец Устроения. Протестантизм и коммерциализм в двух областях религии и повседневной жизни, как я указывал ранее, были заняты сосредоточением ума каждого человека исключительно на его СОБСТВЕННОМ благополучии, спасении его СОБСТВЕННОЙ души или тела. Таким образом, эти две силы были разрушительными до последней степени; они знаменуют кульминацию Эпохи Самосознания — кульминацию войн, Жадности, материализма и общего принципа "Черт возьми, самого последнего" - и расчистку почвы для грядущего нового порядка. Так что у человеческой расы есть надежда. Ее эволюция - это не просто бесформенное увлечение и беспорядок. Существует внутренняя необходимость, благодаря которой Человечество переходит с одной ступени или плана сознания на другой. И если имело место великое ‘Падение’ или Впадение в конфликт, болезни, "грех" и нищету, занимавшее до сих пор большую часть Исторического периода, мы видим, что этот период, так сказать, непродолжителен по сравнению со всей кривой роста и экспансии. Мы видим также, что, как я уже говорил ранее, вера в состояние спасения в прошлые века никогда не оставляла себя совсем без свидетельства в вероучениях, ритуалах, поэмах и пророчествах человечества. Искусство в той или иной форме, как деятельность или вдохновение, исходящее не от сознательного Интеллекта, а из более глубоких областей подсознательного чувства и интуиции, постоянно приходило к нам как послание и свидетельство Третьей стадии или состояния, а также как обещание его более полной реализации при других условиях.

Сквозь долгую ночь, когда блуждают Народы

От Эдема прошлого к Раю грядущему,

Священные цветы искусства, подобные прекрасным звездам, сияющим там,

В одиночестве освещаешь мрак Жизни.

О милосердные Художники, из ваших глубоких сердец,
Я сомневаюсь, что люди не догадываются о каком-то великом Солнце,
Чьи лучи исходят, борясь, тонкими стрелами,
Затенять то, что Есть, пока не проявится Время.

(1) Найдите зародыши демократии в учении индусов о йоге, а также в Упанишадах, Бхагават-гите и других книгах.

С Космической стадией неизбежно приходит также восстановление ВСЕГО Общества в едином сообществе (истинная демократия). Не правление или доминирование одного класса или касты - Интеллектуальных, Набожных, Коммерческих или Военных, — а слияние или, по крайней мере, согласованная организация ВСЕХ (как в соответствующих функциях человеческого организма). Классовое господство было отличительной чертой этого второго периода эволюции человечества и неизбежно породило в течение этого периода войны и самовозвеличивание классов и секций, а также их последующую жадность и тиранию по отношению к другим классам и секциям. Его нет в примитивных человеческих племенах и обществах, и его не будет в конечных формах человеческого объединения. Освобожденный и эмансипированный Человек беспрепятственно проходит через все ступени и планы человеческого общения, равный и невозмутимый, и никогда не покидает своего истинного дома и постоянного места в сердце всего сущего. Столь же неизбежно за реабилитацией Общества в целом последует реабилитация всего физического тела каждого члена Общества. Мы уже говорили о наготы: ее значении и вероятной степени принятия (глава XII). Идея о том, что голова и руки являются единственными приличными членами организма, а остальные члены недостойны и неприличны, очевидно, такая же односторонняя, как и та, которая чтит определенные классы в содружестве и презирает другие. Почему голова должна хвастаться своим господством, а сердце должно быть подавлено и спрятано? Это будет только жизнь, в большей степени проводимая на свежем воздухе, чем та, которую мы ведем сейчас, которая восстановит равновесие и в конечном итоге вернет нам здравомыслие.

XVI. ИСХОД ХРИСТИАНСТВА

Мы разобрались с Гenezисом христианства; теперь переходим к Исходу. То, что христианство может ПРОДОЛЖАТЬ удерживать поле религии в Западном мире, не является ни вероятным, ни желательным. Это правда, как я уже отмечал, что существует определенная проблема с определением того, что мы подразумеваем под “христианством”, аналогичная той, что возникает со словом “Цивилизация”. Если мы выберем из огромной массы доктрин и обрядов, которым отдают предпочтение различные христианские церкви, только те, которые соответствуют самому современному, гуманному и рациональному человеческому уму, и решим назвать получившуюся в результате (но довольно небольшую) совокупность верований и практик ‘христианством’, мы, конечно, вправе так поступить и надеяться (как мы действительно надеемся), что этот остаток выживет и пойдет дальше в будущее. Но такого рода действия вряд

ли справедливы и уж точно нелогичны. Это позволяет христианству изображать из себя ангела света, в то же время незаметно скрывая от глаз все свои собственные мерзости и дела тьмы. Церковь, которая начала свою карьеру с уничтожения, искажения и отрицания языческих источников, из которых она возникла; чьи епископы и другие священнослужители убивали друг друга в своей теологической ненависти к “диким зверям”, которая поощряла злобное безумие крестовых походов — особенно детских крестовых походов — и позорных убийств манихеев, альбигойцев и гугенотов; которая сжигала на кострах тысячи и тысячи бедных "ведьм" и "еретиков"; которая вряд ли когда-либо произнесла великодушное слово в пользу или защиту животных; которая в наше время поддерживает вивисекцию как борьбу с последними, капитализм и коммерциализм как борьбу с беднейшими классами человечества; и чьи священники в формах различных сект, греческих или католических, лютеранских или протестантских, в эти последние дни бросились призывать народы убивать друг друга всеми дьявольскими научными приемами и прославлять боевой клич Патриотизма вопреки принципу всеобщего Братства - такая Церковь вряд ли может утверждать, что установила ангельский характер своей миссии среди человечества! И если это будет сказано — как это часто ГОВОРЯТ: “О! но вы должны вернуться к подлинной статье ”истинное происхождение Церкви и единственное основание в личности и учении Иисуса Христа", тогда вы действительно возвращаетесь к тому, что подчеркивается в этой книге, как указано выше: а именно, что в отношении личности Иисуса нет никакой УВЕРЕННОСТИ в том, что он когда-либо существовал; а что касается учения, приписываемого ему, несомненно, что оно восходит к периоду, намного предшествующему "христианству", и является частью того, что по праву можно назвать очень древней Мировой религией. Итак, как и в случае с ‘Цивилизацией’, мы вынуждены видеть, что бесполезно применять это слово к какому-то идеальному положению дел или доктрине (идеал ни в коем случае не одинаков в умах всех людей или во всех местностях и временах), но что единственное разумное, что можно сделать, - это применять его в каждом конкретном случае к определенному ИСТОРИЧЕСКОМУ ПЕРИОДУ. В случае христианства исторический период длился почти 2000 лет, и, как я уже сказал, мы вряд ли можем ожидать или желать, чтобы он длился намного дольше.

Очень тщательное исследование религиозных истоков, проведенное в последние годы большим количеством студентов и наблюдателей, несомненно, имеет тенденцию показывать, что существовало нечто вроде великой Мировой религии, пришедшей на протяжении веков с самых отдаленных времен и постепенно расширяющейся и разветвляющейся по мере своего появления, то есть сходство (по СУТИ, хотя не всегда во внешних деталях) между верованиями и ритуалами широко разделенных племен и народов настолько велико, что оправдывает точку зрения, выдвинутую в настоящей книге, о том, что эти верования и ритуалы являются необходимыми наростами человеческой психологии, медленно эволюционирующими, но не всегда проявляющимися во внешних деталях. и что, следовательно, они имеют общее происхождение и в своих различных формах находят общее выражение. Христианство, несомненно, является ветвью этой великой Мировой религии, столь нисходящей, и важной ветвью. Но важные ответвления были и раньше; и хотя может быть правдой, что христианство подчеркивает некоторые моменты, которые, возможно, были упущены из виду или пренебрегались в ведических учениях, или в буддизме, или в персидских, египетских и сирийских культах, или в магометанстве, и так далее, не менее верно и то, что само христианство упустило из виду или пренебрегло ценными моментами в этих религиях. На самом деле у него есть недостатки своих качеств. Если Мировая религия подобна огромному дереву, то

нельзя ожидать или желать, чтобы все ее ветви были направлены к одной и той же точке компаса.

Райнах, чьи исследования происхождения религии всегда интересны и характеризуются определенной галльской грацией и неттетом, хотя и с некоторым еврейским неприятием мистического элемента в жизни, определяет религию как сочетание анимизма и щепетильности. В каком-то смысле это хорошо, потому что дает два аспекта предмета: внутренний, анимистический, состоящий из чувства контакта с более или менее разумными существами, движущимися в Природе; и внешний, состоящий из угрызений совести или табу. Один аспект показывает чувство, которое ВДОХНОВЛЯЕТ религию, другой - ограничения, которые ОПРЕДЕЛЯЮТ ее и порождают ритуал. Но, как и большинство антропологов, он (Райнах) чересчур покровительственно относится к “бедному индейцу с необразованным умом”. Ему жаль людей, настолько глупых, что придерживаются анимистических взглядов, и он всегда осторожно указывает на то, что угрызения совести и табу были совершенно бессмысленны по своему происхождению, хотя иногда (случайно) они оказывались полезными. И все же, как я уже говорил ранее, анимизм — это совершенно разумная, логичная и НЕОБХОДИМАЯ позиция человеческого разума. Это необходимый атрибут психической природы человека, с помощью которого он проецирует в окружающий его огромный Мир образ своего собственного разума. Когда этот разум находится в очень примитивном, зачаточном и фрагментарном состоянии, проецируемые таким образом образы являются образами фрагментарных разумных существ (‘духов’, гномов и т.д. — эпоха магии); когда разум поднимается до отчетливого осознания самого себя, его отражениями являются антропоморфные “боги”; когда, наконец, он достигает универсального или космического состояния, он воспринимает присутствие универсального Существа за всеми явлениями — которое на самом деле является им самим — “Самим для Себя”. Если хотите, вы можете назвать весь этот процесс анимизмом. Во всем этом есть смысл. Единственное условие заключается в том, что вы также должны быть благоразумны и различать различные этапы процесса.

Джейн Харрисон прилагает значительные усилия, чтобы показать, что религия — это прежде всего отражение ОБЩЕСТВЕННОГО Сознания (см. Themis, стр. 482-92), то есть что ощущение Человеком “Силы, которая творит праведность” вне (а также внутри) его, проистекает из его чувства преемственности с Племенем и его инстинктивного подчинения его предписаниям, подтвержденного веками коллективной привычки и опыта. На самом деле он не может разорвать пуповину, соединяющую его с Матерью по племени, даже если он хочет это сделать. И, без сомнения, такой взгляд на происхождение Религии совершенно верен. Но следует указать, что это никоим образом не исключает точки зрения, согласно которой религия также происходит от анимизма, согласно которому человек в целом признает Природу своей приемной матерью и ощущает себя в самом тесном контакте с НЕЙ. Что могло быть первым, социальная принадлежность или Природная принадлежность, я оставляю на усмотрение профессоров. Термин анимизм, насколько я могу судить, может быть вполне применим к социальной принадлежности, поскольку последнее, очевидно, является лишь случаем, когда индивид проецирует свой собственный уровень сознания на окружающую его человеческую группу, а не на животных или деревья, но справедливость этого случая настолько очевидна, что современный человек может интеллектуально уловить и понять его, и, следовательно, он не запятнает его ‘анимистической’ окраской.

И мисс Харрисон, следует заметить, в других отрывках той же книги (см. Themis, стр. 68, 69) признает, что религия берет свое начало не только из единства с Племенем, но и из чувства принадлежности к Природе — чувства “мира невидимой силы, лежащего за видимой вселенной, мира, который, как будет видно, является сферой магической активности и средой мистицизма. Мистический элемент, единство и непрерывность очень отчетливо проявляются в представлении о ваконде у индейцев сиу.... Омаха считали, что все живые и неодушевленные формы, все явления пронизаны общей жизнью, которая была непрерывной и подобной силе воли, которую они осознавали в себе. Эту таинственную силу во всех вещах они называли Ваконда, и через нее все вещи были связаны с человеком и друг с другом. В идее непрерывности жизни поддерживалась связь между видимым и невидимым, мертвым и живым, а также между фрагментом чего-либо и его целостностью”. Таким образом, подтверждается наша общая позиция, что религия в своем происхождении была ВДОХНОВЛЕНА глубокой инстинктивной убежденностью или фактическим чувством преемственности с существом или существами в окружающем мире, в то время как она постепенно выводила свою ФОРМУ и ритуал из огромного количества табу, порожденных в первую очередь суеверными страхами, но постепенно, с ростом разума и наблюдательности, упрощающихся и рационализируемых в формах использования. С одной стороны, был позитивный импульс — простое животное Желание и животная потребность в самовыражении; с другой стороны, была негативная сила Страх, основанная на невежестве — последнее постоянно высекало, формовало и придавало форму первому. В соответствии с этим организованное изучение и классификация табу могли бы дать некоторые интересные результаты, потому что это действительно пролило бы свет на самые ранние формы как религии, так и науки. Можно было бы увидеть, что некоторые табу, такие как табу на КОНТАКТ (скажем, с женщиной во время менструации, или со свекровью, или с деревом, пораженным молнией), имели очевидную основу для наблюдения, оправданную, но очень грубую; в то время как другие, такие как табу на причинение вреда врагу, который заключил кровную дружбу с кем-то из вашего собственного племени, или на предоставление достойных похорон убийце, были столь же грубыми выражениями или указаниями на растущее моральное чувство человечества. Все равно, в любом случае, остался бы большой остаток табу, которые можно было бы оценить только как бессмысленные и просто мусор дикарского разума.

Вот и все о первых истоках Мировой религии; и я думаю, что в различных главах этой книги было сказано достаточно, чтобы показать, что повсюду происходил один и тот же общий процесс. Человек, как и животные, начинал с этого глубокого, подсознательного чувства единства с окружающей Природой. Когда это стало (в Человеке) достаточно осознанным, это привело к Магии и тотемизму. Более сознательный, и он разветвлялся, с одной стороны, на фигуры Богов и определенные формы верований, с другой — на сложные научные теории - последние основывались на сильной ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ вере в Единство, но яро отрицали любой ‘антропоморфный’ или “анимистический” СМЫСЛ этого единства. Наконец, кажется, что сейчас мы находимся на пороге следующего этапа, когда теории и верования, научные и религиозные, находятся на грани краха, но таким образом, чтобы оставить чувство и восприятие Единства — реальное содержание всего процесса — не только не разрушенными, но и чрезвычайно усиленными и освещенными. Тем временем табу, некоторые из которых все еще сохраняются, как религиозные, так и научные, постепенно разрушаются и вливаются в разумный и гуманный образ жизни и философию.

Я уже говорил, что из этой Мировой религии действительно возникло христианство. Очевидно, что настало время, когда она должна либо признать свой источник и откровенно попытаться

присоединиться к нему, либо, если это не удастся, должна погибнуть. В первом случае ему, вероятно, придется сменить название; во втором вопрос о его названии "больше не будет его интересовать".

Что касается первой из этих альтернатив, я мог бы рискнуть — хотя и с безразличием — высказать несколько предложений. Почему бы нам не иметь — вместо Святой Римской Церкви — Святую Человеческую Церковь, восстанавливающую древние символы и ритуалы, христианство (если вы все еще хотите это так называть), откровенно и с радостью признающее свои собственные источники? Это кажется разумным и даже осуществимым предложением. Если бы такая церковь пожелала отслужить Мессу, Причастие или Евхаристию, у нее было бы на выбор большое разнообразие обрядов и обычаев такого рода; те, которые не подходят для использования в наше время или были связаны с поклонением чужим богам, не нужно отвергать или осуждать, но все еще можно прокомментировать и объяснить как приближение к той же идее — идее посвящения себя общей жизни и придания сил приобщению к ней. Если бы Церковь захотела отпраздновать Распятие или предательство своего Основателя, у нее были бы под рукой сотни примеров таких празднований, и все же мысль, лежащую в основе таких празднований с начала мира, можно было бы легко распутать и представить в конкретной форме заново. В свете такого учения такие выражения, как "Я знаю, что мой Искупитель жив", были бы прослежены до их происхождения, и люди поняли бы, что, несмотря на скопившуюся вокруг них массу мусора, канители и надувательства, они действительно что-то значат и представляют вековой инстинкт человечества, нащупывающего свой путь к более расширенному откровению, новому порядку бытия, третьей стадии сознания и просветления. В такой Церкви или религиозной организации должны были бы быть представлены ВСЕ качества человеческой природы, разрешены все практики и обычаи и отведено им место — магические и астрономические значения, обряды, связанные с поклонением солнцу, или с сексом, или с поклонением животным; освящение зерна, вина и других продуктов земли, инициации, жертвоприношения и так далее — все (если бы это действительно претендовало на звание Мировой религии) должно было быть представлено и признано. Ибо все они имеют свое давнее человеческое происхождение в языческих верованиях и через них, и все они в той или иной степени проникли в христианство и воплотились в нем. Поэтому христианство, как я уже сказал, должно либо сейчас откровенно выступить вперед и, признавая свое происхождение от великого Ордена прошлого, попытаться реабилитировать ЕГО и продвинуть человечество на один шаг вперед по пути эволюции — или же оно должно погибнуть. Другой альтернативы нет.

(1)

(1) Конт, основывая свою философию позитивизма, по-видимому, имел в виду некую подобную Святую Человеческую Церковь, но ему удалось сделать все это настолько глубоко скучным, что оно никогда не расцвело, в нем не было семени Жизни.

Позвольте мне привести пример того, как фрагмент древнего ритуала, который сохранился из далекого прошлого и все еще празднуется, но без особого разума или понимания, в современной католической церкви, мог быть принят в такой Церкви, о которой я говорил, истолкован и придан красноречивый смысл современному человечеству. Когда я был на Цейлоне почти 30 лет назад, мне посчастливилось стать свидетелем ночного праздника в индуистском храме — великого фестиваля Тайпусам, который проводится каждый год в январе. Конечно, было полнолуние, и громкие звуки труб раздавались в огромном дворе Храма. Луна светила сверху, из-за крон высоких кокосовых пальм, на плотную толпу местных богомольцев —

мужчин и нескольких женщин, — мужчины по большей части были одеты лишь в набедренные повязки, женщины были живописны в своих цветных сари и украшенных драгоценными камнями серьгах в ушах и носу. Изображения Шивы и двух других богов проносились процессией вокруг храма — три или четыре раза; девушки-научч танцевали перед изображениями, музыканты, дующие в рожки и огромные раковины, дудящие на флажолетах или бьющие в тамтамы, сопровождали их. Толпа, несущая факелы или высокие ящики с пылающими кокосовыми орехами, шла или, скорее, танцевала по бокам, окрыленная ощущением божественности настоящего, но в то же время приятно свободная от какого-либо низменного благоговения. Все это действительно напоминало какой-нибудь барельеф с изображением вакхической процессии, вырезанный на греческом саркофаге, — и особенно своим весельем и намеком на дружескую близость с богом. Пели гимны и главные действующие лица плыли на плоту вокруг священного озера. Шива, или его изображение, очень тяжелое и несомое на плечах сильных мужчин, было внесено в первую комнату или зал Храма и помещено на алтарь, перед которым висел занавес. Толпа хлынула следом; а затем зазвучала музыка, прозвучали гимны и чтение священных книг. С того места, где мы стояли, нам был виден обряд, который совершался за занавесом. Были зажжены два пятисвечных подсвечника, и способ их зажигания был следующим. Каждая веточка заканчивалась маленькой чашечкой, и в чашечки были помещены пять кусочков камфары, все примерно одинакового размера. После того как были сделаны подношения из фруктов, цветов и сандалового дерева, в каждом подсвечнике зажгли по пять камфар. По мере того как пламя камфары догорало, музыка становилась все более дикой и возбуждающей, а затем, в момент их угасания, занавеси раздвигались, и собравшиеся снаружи внезапно узрели явленного бога в ослепительном свете. Это сжигание камфары, как и другие предметы богослужения, было символичным. Пять огней представляют пять чувств. Точно так же, как камфара поглощает саму себя и не оставляет после себя остатка, так и пять чувств, будучи предложены богу, должны поглощать сами себя и исчезать. Когда это делается, в душе происходит то, что теперь фигурировало в ритуале — Бог раскрывается во внутреннем свете. (1)

(1) Более подробный отчет об этом храмовом празднике см. в "От пика Адама до Элефанты" Э. Карпентера, глава vii.

Нам знакомо это раздвигание завесы. Мы слышим об этом в Еврейском храме, а также в греческих и египетских мистериях. Это имело мистически религиозное, а также явно сексуальное значение. Это встречается то тут, то там в римско-католическом ритуале. В Испании некоторые древние католические церемонии соблюдаются с блеском, которого вряд ли можно найти где-либо еще в Европе. В кафедральном соборе Севильи служба Страстей Господних, совершаемая в Страстную пятницу с большой торжественностью и сопровождаемая прекрасной музыкой, достигает кульминации субботним утром — то есть в промежутке между Распятием и Воскресением — зрелищем, подобным тому, что описано на Цейлоне. Перед Главным Алтарем висит богатый бархатно-черный занавес. В подходящий момент, когда очень эмоциональное звучание голосов и инструментов достигает своего апогея в "Gloria in Excelsis", занавес с внезапным взрывом звука (раскаты грома и звон всех колоколов) разлетается в клочья, и мы видим распятого Иисуса, висящего в ореоле славы.

Также в Севильском соборе и перед Главным алтарем каждый год проводится очень любопытный Танец сейсов (шестерок), который теперь исполняют 16, а не (как раньше) 12 причудливо одетых мальчиков. Похоже, это пережиток какого-то очень древнего ритуала,

вероятно астрономического, в котором два набора из шести символов представляют знаки Зодиака и отмечаются во время праздников Тела Христова, Непорочного Зачатия и Карнавала.

Конечно, можно привести многочисленные примеры того, как Церковь, стремящаяся стать настоящей Церковью Человечества, может перенять и воссоздать ритуалы прошлого в свете современного вдохновения. Действительно, трудность заключалась бы в том, чтобы ограничить этот процесс, поскольку КАЖДЫЙ древний ритуал, как мы теперь можем видеть, имел значение и послание, и было бы настоящей радостью распутать их и показать глубокую солидарность человечества и устремления с самого зарождения цивилизации вплоть до наших дней. Также нет необходимости представлять какой-либо акт единообразия или мертвый уровень церемониала в этом вопросе. Разные группы могут концентрироваться на разных этапах религиозной мысли и практики. Единственной необходимостью было бы, чтобы они подошли к этому предмету с настоящей любовью к человечеству в своих сердцах и с реальным желанием соприкоснуться с глубокой внутренней жизнью и мистическими болями роста душ мужчин и женщин во все века. В этом направлении мсье Луази проделал благородную и превосходную работу; но мертвый груз и эгоистичная зашоренность католической организации препятствовали ему до такой степени, что он не смог добиться справедливости в отношении своих либерализационных замыслов — или, возможно, даже раскрыть их в полном объеме. И та же трудность останется. С одной стороны, ни одно духовное движение, которое не занимает позицию Мировой религии, не имеет сейчас, в этот век, никаких шансов на успех; с другой стороны, все существующие Церкви — будь то римско-католическая, или греческая, или протестантская, или секуляристская, будь то христианская, или иудейская, или персидская, или индуистская — по всей вероятности, займут ту же слепую, зашоренную и эгоистичную позицию, что и описанная выше, и таким образом дисквалифицируют себя для великой роли всемирного освобождения, которую какая-либо религия в какой-то момент обязательно должна будет сыграть. Это та же самая трудность, которая вырисовывается в современной мировой политике, где местный эгоизм и тщеславный “патриотизм” наций, к сожалению, препятствуют развитию того чувства интернационализма и Братства, которое является четко обозначенной формой будущего и которое единственное может дать каждой нации избавление от страха, обещание роста и уверенную уверенность в силе.

Я говорю, что христианство должно либо откровенно занять эту великодушную позицию и признать себя ответвлением великой Мировой религии, стремящейся лишь воздать честь своему источнику, — либо оно должно погибнуть. Другой альтернативы нет. Час его Исхода настал. Конечно, может случиться так, что ни христианская церковь, ни какое-либо ее ответвление, ни какая-либо другая религиозная организация не вступят в этот промежуток. Возможно — но я не думаю, что это вероятно, — что время обрядов и формальных вероучений ПРОШЛО, и церкви любого рода больше не будут нужны в мире: маловероятно, говорю я, из-за все еще большой отсталости человеческих масс и их все еще значительной зависимости от законов, форм и ритуалов. Тем не менее, если это докажет, что эпоха зависимости действительно подходит к концу, это, несомненно, будет поводом для поздравлений. Это означало бы, что человечество приближалось к знанию РЕАЛЬНОСТИ, которая лежала в основе этих внешних проявлений, — что оно вступало в Третью стадию своего Сознания. Найдя это, ему больше не было бы необходимости пребывать в стране суеверий и формул. Это привело бы к месту, на которое эти последние являются лишь отдаленными указаниями.

Следовательно, может случиться — и это совершенно независимо от роста Мирового культа, подобного тому, который я описал, хотя ни в коем случае не противоречит ему, — что религиозная философия или теософия могла бы развиваться и распространиться, подобно гномам индусов или гномсисам дохристианских сект, которые стали бы, сначала среди отдельных людей, а затем и среди больших групп по всему миру, религией — или, возможно, следует сказать, религиозным подходом к Третьему Состоянию. Такие книги, как Упанишады ведических провидцев и Бхагават-гита, хотя и искажены и затемнены вмешательством священников и мистификациями, несомненно, представляют и выражают высочайшее выражение религиозного опыта, которое можно найти где бы то ни было в мире. Они действительно являются руководствами по вступлению человека в космическое состояние. Но, как я уже сказал, и как это произошло в случае с другими священными книгами, вокруг их основных учений скопилось огромное количество мусора, и их необходимо убрать. Вдаваться в серьезное объяснение значения этих книг было бы слишком объемным занятием и было бы чуждо цели настоящего тома; но я включил в Приложение ниже две статьи (об “Отдыхе” и “Природе самости”), содержащие суть лекций, прочитанных по вышеупомянутым книгам. Эти статьи или лекции изложены самым простым языком, свободным от санскритских терминов и обычного ‘школьного жаргона’, и, я надеюсь, даже по этой причине могут быть полезны для ознакомления читателей, которые не являются специально ИЗУЧАЮЩИМИ, с идеями и ментальными установками космического состояния. Недифференцированность (Адвайта (1)) - это коренная установка привитого ума.

(1) Это слово означает “недвойственность”. Здесь мы видим большую тонкость определения. Призывается не быть “одним целым” с другими, а быть “не двумя”.

Мы видели, что в *Прошлом* была эпоха недифференцированности - недифференцированности от других членов Племена, от Животных, от Природы и Духа или Духов природы; почему бы не возникнуть аналогичному чувству недифференцированности в *Будущем* — аналогичному, но более расширенному, более разумному? Несомненно, это *will* придет в назначенное время. Произойдет преодоление границ разделения. Произойдет преодоление всех Табу. Мы видели использование и функцию табу на ранних стадиях эволюции и то, как прогресс и рост в значительной степени зависели от их постепенного исчезновения и ассимиляции в общую систему рациональных мыслей и чувств. Неразумные и идиотские табу все еще сохраняются, но они становятся слабее. Придет новая Мораль, которая освободится от них. Чувство родства с животными (как в старых ритуалах) (1) будет восстановлено; чувство родства со всеми расами человечества будет расти и укрепляться; чувство осквернения и нечистоты человеческого тела (с принятием в целом чистого и здорового образа жизни) исчезнет; и само тело станет рассматриваться скорее как собрание святынь, в которых можно поклоняться богам, и меньше как простой орган для тривиального самоудовлетворения.; (2) не будет ни одной формы Природы, или человеческой жизни, или низших созданий, которая была бы закрыта от приближения Человека или от интимного и проникающего вторжения его духа; и как во время определенных церемоний и после почетных трудов гражданина иногда принимают в сообщество его собственного города, так и освобожденному человеческому существу по завершении его долгого-долгого паломничества по Земле будет предоставлена Свобода Вселенной.

(1) Отчет Римско-католической церкви был печально бессердечным и бесчеловечным в отношении животных.

(2) Смотрите "Искусство созидания" Э. Карпентера.

XVII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение, кажется, особо нечего сказать, разве что подчеркнуть некоторые моменты, которые все еще могут показаться сомнительными или поддающимися пониманию.

Тот факт, что основной аргумент этой книги направлен в русло психологической эволюции, несомненно, понравится некоторым, в то время как, с другой стороны, дискредитирует книгу в глазах других, чьи глаза, устремленные на чисто материальные причины, не могут видеть никакого импульса в истории, кроме как через них. Но следует помнить, что нет ни малейшей причины для РАЗДЕЛЕНИЯ этих двух факторов. Тот факт, что психологически человек эволюционировал от простого сознания к самосознанию и сейчас находится в процессе эволюции к другому, более расширенному виду сознания, ни в малейшей степени не препятствует одновременному появлению материальной эволюции и ее влиянию.

Действительно, ясно, что эти два фактора должны в значительной степени сочетаться, действуя и реагируя друг на друга. Какими бы ни были физические состояния мозга животных, которые связаны с простым (неотраженным и неотрефлексируемым) сознанием, очевидно, что эти состояния — у животных и первобытного человека — сохранялись в течение огромного периода, прежде чем возникло отчетливое сознание индивидуума и отдельного "Я". Этот второй тип сознания, по-видимому, зародился примерно в тот же период, что и открытие использования орудий труда (инструментов из камня, меди, бронзы и т. Д.), Внедрение графического письма и использование отражающих слов (таких как "я" и "Ты"); и это привело к повышению ценности золота и железа с их декоративными и практическими ценностями, накоплению собственности, установлению различного рода рабства, порабощению женщин, поощрению роскоши и потакания своим желаниям, росту перенаселенных городов и возникающим в результате этого бесконечным конфликтам и войнам. Мы можем ясно видеть, что появление самомотива оказало прямое стимулирующее воздействие на стремление к этим материальным объектам и приспособлениям; и что материальные приспособления, в свою очередь, в значительной степени усилили самомотив; но настаивать на том, что реальное объяснение всего процесса можно найти только по одному каналу — материальному ИЛИ психическому, - очевидно, совершенно излишне. Те, кто понимает, что вся материя в той или иной степени обладает сознанием и что всякое сознание имеет ту или иную материальную форму, будут первыми, кто признает это.

Те же замечания применимы и к Третьему этапу. Мы можем видеть, что в наше время огромные и неограниченные возможности производства с помощью машин в сочетании с растущей тенденцией к разумному регулированию рождаемости готовят почву для эпохи коммунизма и общественного изобилия, которые неизбежно будут связаны (частично как причина, частично как следствие) с новой общей фазой сознания, включающей смягчение борьбы за существование, рост интуитивного и психического восприятия, распространение дружелюбия и солидарности, исчезновение войн и реализацию (в определенной степени) Космической жизни.

Возможно, величайшей трудностью или камнем преткновения на пути всеобщего принятия веры в третью (или 'Золотой век') фазу человеческой эволюции является упорное и непреклонное предварительное суждение о том, что выход Человечества из Второй стадии может означать только полный ОТКАЗ ОТ САМОСОЗНАНИЯ; и это люди говорят — и совершенно справедливо - одновременно невозможно и нежелательно. На протяжении предыдущих глав я старался, где это было возможно, опровергнуть это недоразумение, но у меня мало надежды на успех. Стремление мира неправильно понимать или перевирать все, что хоть немного ново или незнакомое, - это то, что, возможно, только автор может должным образом оценить. Но хотя ясно, что самосознание первоначально возникло в процессе отчуждения, изгнания и страха, которые отметили его каиновым клеймом одиночества и обособленности, столь же ясно, что думать об этой обособленности как об абсолютной и постоянной разлуке - иллюзия, поскольку ни одно существо на самом деле не может продолжать жить в разлуке с источником своей жизни. На какой-то период эволюции "Я" принимало в сознании эту иллюзорную форму, подобную *ignis fatuus* — форму существа, отделенного от всех других существ, атомарного, одинокого, без убежища, окруженного опасностями и борющегося только за себя и за свое собственное спасение посреди враждебного окружения. Возможно, поначалу такое ужасное воображение было необходимо, так сказать, для того, чтобы направить Человечество по новому пути. Но это имело свою компенсацию, ибо страдания и истязания, умственные и физические, лишения, преследования, обвинения, ненависть, войны и конфликты, столь пережитые миллионами индивидуумов и целыми расами, в конце концов, запечатлели в человеческом разуме чувство индивидуальной ответственности, которое в противном случае, возможно, никогда бы не возникло, и чей след теперь можно стереть; в конечном счете, эти явления также исследовали нашу внутреннюю природу до самых глубин и обнажили ее каменный фундамент. Они убедили нас, что эта идея окончательного разделения - иллюзия, и что на самом деле все мы являемся неосуществимыми и неразрушимыми частями одного великого Единства, в котором "мы живем, движемся и существуем". Поскольку это так, ясно, что в конечном итоге остается самосознание, от которого ни в коем случае не нужно отказываться, которое действительно достигает своего истинного воплощения и понимания только тогда, когда оно осознает свою принадлежность к Целому и прославляется индивидуальностью, которая является выражением как самой себя, так и целого. Человеческое дитя, сидящее на коленях у своей матери, вероятно, первым осознает, что у него ЕСТЬ "я", в какой-нибудь роковой день, когда, забредя далеко, оно теряется среди чужих домов и улиц или в безлюдных полях. Это ужасающее переживание — чувство опасности, страха, одиночества — никогда не забывается; оно запечатлевает в детском сознании какое-то новое ощущение Бытия, но это чувство, вместо того чтобы быть уничтоженным, становится еще более гордым и лучезарным в час возвращения в объятия матери. Возвращение, спасение, которого ожидает человечество, — это возвращение маленького индивидуального "я" к гармонии и единению с великим "Я" Вселенной, но ни в коем случае не его исчезновение или заброшенность, скорее обретение своей собственной истинной природы, как никогда прежде.

Здесь можно сказать еще кое-что, а именно, что разделение, как указано выше, трех основных стадий психологической эволюции как великих формирующих факторов в истории человечества ни в коей мере не исключает установления меньших стадий в пределах этих границ. По всей вероятности, подразделения всех трех компаний придут вовремя, чтобы быть признанными и допущенными к работе. Если взять только вторую стадию, может показаться, что самосознание в своем первом развитии характеризуется усилением Робости; во втором -

более целенаправленным стремлением к чувственным удовольствиям (похоть, еда, питье и т.д.); в третьем - стремлением к умственным удовольствиям (тщеславие, амбиции, порабощение других); в четвертом - стремлением к собственности как средству достижения этих целей; в пятом - доступом к вражде, ревности, войнам и так далее, вытекающим из всего этого; и так далее. В настоящее время у меня нет намерения развивать эту линию мысли, а только хочу предложить ее осуществимость и степень, в которой она может пролить свет на социальную эволюцию прошлого. (1)

(1) Анализ природы самосознания см. в т. iii, стр. 375 кв. один из трех увесистых томов Вильгельма Вундта — *Grund-zuge der Physiologischen Psychologie*, — в котором среди огромной массы словоблудия время от времени можно обнаружить проблески полезных советов.

В качестве своего рода грубой общей философии мы можем сказать, что в жизни есть только два основных фактора, а именно Любовь и Невежество. И о них мы также можем сказать, что они не находятся в одном и том же плане: один позитивен и субстанциален, другой негативен и просто иллюзорен. Сначала может показаться, что Страх, Ненависть, Жестокость и тому подобное - это очень позитивные вещи, но в конце концов мы видим, что они происходят просто из-за ОТСУТСТВИЯ восприятия, из-за тупости понимания. Или мы можем выразить это утверждение в несколько менее грубой форме и сказать, что в жизни есть только два фактора: (1) чувство Единства с другими людьми (и с Природой), которое охватывает Любовь, Веру, Мужество, Истину и так далее, и (2) Невосприятие того же самого, которое охватывает Вражду, Страх, Ненависть, Жалость к себе, Жестокость, Ревность, Подлость и бесконечный подобный список. Современный мир, который мы видим вокруг себя, с его идиотскими войнами, его бессмысленной завистью между нациями и классами, его страхами, жадностью и тщеславием, с его тщетными попытками — как у людей, барахтающихся в болоте — найти собственное спасение, топча ногами других, является негативным явлением. Невежество, невосприятие лежат в основе этого. Но благословенная добродетель Невежества и невосприятия заключается в том, что они неизбежно — пусть только медленно и болезненно — **РАЗРУШАЮТ САМИ СЕБЯ**. Весь опыт служит для того, чтобы рассеять их. Мир, каков он есть, несет в себе обреченность на собственное преображение; и по мере того, как исчезает то, что является негативным, позитивный элемент должен утверждаться все больше и больше.

Итак, мы возвращаемся к тому, с чего начали, а именно: (1) к Страху, порожденному Невежеством. Из этого источника возник длинный список безумств, жестокостей и страданий, которыми отмечен род человеческий с незапамятных времен; и, преодолевая этот Страх, мы волей-неволей должны стремиться к нашему будущему освобождению и открытию, даже посреди этого мира, нашего истинного Дома. Наступает время, когда позитивный конструктивный элемент должен доминировать. Неизбежно, что Человек когда-либо должен построить вокруг себя общественное устройство по образцу своего собственного внутреннего состояния. Вся бесполезная и идиотская структура торговли и промышленности, в которой мы сейчас заключены, проистекает из той лжи индивидуалистического своекорыстия, которая знаменует вторую стадию человеческой эволюции. Эта стадия уже близка к своему падению, разрушенная самим потоком эгоистичных страстей и интересов, тщеславия, жадности и жестокости, которые воюют друг с другом и являются верным результатом и кульминацией ее функционирования. С восстановлением чувства Общей Жизни и постепенным ростом соответствующего ментального настроения из потопа возникнет нечто вроде твердой земли — нечто, на чем можно будет строить с хорошей надеждой на будущее. Схемы восстановления по-

своему достаточно хороши, но если под ними нет почвы для РЕАЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ, какая от них польза?

(1) См. Введение, глава I.

Промышленная система, которая не является настоящим промышленным порядком, а всего лишь (со стороны работодателей) дьявольским устройством для получения частной прибыли под видом общественной полезности, и (со стороны занятых) унылым и малодушным отказом — ради простого существования — от всякого реального интереса к жизни и работе: такая "система" должна безошибочно исчезнуть. По природе вещей это не может быть постоянным. Первым условием социального счастья и процветания должен быть смысл Совместной жизни. Это чувство, которое инстинктивно лежало в основе всего племенного строя далекого прошлого, которое впервые осозналось в поклонении тысяче языческих божеств и в ритуалах бесчисленных жертвоприношений, посвящений, искуплений, любовных праздников и причастий, которое вдохновляло мечты о Золотом веке и вспыхнуло на время в коммунизме первых христиан и в их поклонении воскресшему Спасителю, — в конце концов, должно стать творческим условием нового порядка: оно должно обеспечить материал, из которого будет построен Золотой город. Долгий труд Мировой религии не будет напрасным, что гарантирует это завершение. Какими будут признаки и условия любого общего продвижения к этому новому порядку жизни и сознания, мы не знаем. Возможно, что как к отдельным людям откровение нового видения часто приходит совершенно внезапно, и ОБЫЧНО, возможно, после периода великих страданий, так и к обществу в целом подобное откровение придет — подобно "молнии, которая исходит с Востока и сияет даже до Запада" — с неожиданной быстротой. С другой стороны, возможно, было бы разумно не слишком рассчитывать на такую внезапную трансформацию. Когда мы смотрим за границу (и дома) в этот год благодати и долгожданного мира, 1919-й, и видим духов злобы и мести, страхов, эгоистичной слепоты и невежества, которые все еще держат в своих парализующих объятиях огромные классы и кружки в каждой стране мира, мы видим, что вторая стадия человеческого развития ни в коем случае еще не достигла своего полного срока, и что, как в некоем огромном коконе, для освобождения существа внутри МОГУТ потребоваться все более и более ужасные схватки. Мы можем только молиться, чтобы этого не произошло. В любом случае, если мы следили за аргументацией этой книги, мы вряд ли можем сомневаться в том, что разрушение (которое происходит повсюду) внешней формы нынешнего общества отмечает первую стадию окончательного освобождения человека; и что рано или поздно, и в свое время, это дальнейшее "божественное событие", несомненно, осуществится.

Нам также не нужно бояться, что Человечество, однажды вступившее в великое Освобождение, снова будет побеждено злом. От Знания к Невежеству полного возврата нет. Народам, пришедшим к просветлению, не нужно испытывать страха перед теми другими (какими бы враждебными они ни казались), которые все еще мрачно погружаются в беспокойные воды себялюбия. Подлые страхи, которые вдохновляют всю жестокость войны — будь то белые против белых, или это могут быть белые против желтых или Черных, — могут быть отброшены навсегда той благословенной расой — которая однажды доберется до берега, поскольку по самой природе дела те, кто находятся на суше, могут ничего не бояться и им не нужно ничего бояться со стороны несчастных, которые все еще барахтаются в суматохе волн.

Доктор Фрейзер в заключении своего великого труда "Золотая ветвь" (1) прощается со своими читателями следующими словами: "Законы природы - это всего лишь гипотезы, придуманные для объяснения той постоянно меняющейся фантазмагии мышления, которую мы присваиваем звучным названиям Мира и Вселенная. В конечном счете, магия, религия и наука - это не что иное, как теории (мышления); и поскольку наука вытеснила своих предшественников, впоследствии она сама может быть вытеснена какой-нибудь более совершенной гипотезой, возможно, каким-нибудь совершенно иным способом смотреть на явления — регистрировать тени на экране, — о котором мы, нынешнее поколение, не можем составить ни малейшего представления". Я полагаю, доктор Фрейзер прав, полагая, что "взгляд на явления", отличный от научного, может когда-нибудь восторжествовать. Но я думаю, что это изменение произойдет не столько благодаря росту самой Науки или распространению ее 'гипотез', сколько благодаря росту и расширению человеческого СЕРДЦА, изменению его психологии и способностей восприятия. Возможно, некоторые из предыдущих глав помогут показать, в какой степени взгляд человечества на мир на протяжении веков определялся медленной эволюцией его внутреннего сознания. Постепенно, из бесконечной массы глупости и заблуждений, человеческая душа таким образом выпуталась и будет выпутываться в будущем, чтобы, наконец, предстать в свете истинной СВОБОДЫ. Все табу, безумные страхи, бессмысленные запреты того и другого (с вытекающими из них душевными поисками и страданиями), возможно, были по-своему необходимы для того, чтобы прояснить и определить значение и понимание этого слова. Сегодня эти табу и ужасы все еще сохраняются, многие из них, в форме условностей морали, беспокойных угрызений совести, сомнений и отчаяния религии; но в конечном счете Человек выйдет из всего этого СВОБОДНЫМ — знакомым, то есть со всем этим, использующим все, щедро принимающим ценности всего, но НИЧЕМУ не скованным и не связанным. Он осознает внутренний смысл символов веры и ритуалов древних религий и будет с радостью приветствовать исполнение их далекого пророчества на века вперед — обрета, в конце концов, долгожданного Спасителя мира в своей собственной груди и Рай в раскрытии там вечного мира души.

(1) См. "Бальдер", т. ii, стр. 306, 307. ("Прощание с Неми".)

ПРИЛОЖЕНИЕ

УЧЕНИЕ УПАНИШАД, ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ СУТЬЮ ДВУХ ЛЕКЦИЙ ДЛЯ ПОПУЛЯРНОЙ АУДИТОРИИ

I. ОТДЫХ

II. ПРИРОДА САМОСТИ

Я. ОТДЫХ

Кому-то в нынешнем водовороте жизни и дел может показаться почти абсурдным говорить об Отдыхе. Уже достаточно долго отдых казался чем-то далеким и недостижимым. С почтой, стучащейся в наши двери по десять или двенадцать раз в день, с телеграммами, прибывающими каждый час, и постоянно звонящим телефоном; с моторами, бешено несущимися по улицам, и самолетами, проносящимися над головой, с работой, ускоренной во

всех направлениях, и суетой в мастерских, становящейся с каждым днем все более невыносимой; с темпом ходячих и темпом говорящих, безумно увеличивающимся час от часа, — можно спросить, где здесь место для отдыха? И теперь проблемы войны, удваивающие актуальность всех вопросов, стоят перед нами.

Очевидно, что проблема серьезная. Это настолько срочно, что, я думаю, можно с уверенностью сказать, что количество безумия, вызванного давлением повседневной жизни, растет; дома престарелых возникли специально для лечения таких случаев; и врачи начинают специальные курсы обучения искусству — которое сейчас становится очень важным — систематического ничегонеделания! И все же трудно увидеть результат всего этого. Часы того, что называется Прогрессом, нелегко повернуть вспять. В наши дни мы не очень охотно согласились бы с отменой телеграмм или с постановлением, обязывающим экспрессы останавливаться на каждой станции! Мы не можем ВСЕ отправиться в Дома престарелых или позволить себе насладиться зимним отдыхом в Египте. А если нет, то будет ли процесс ускорения продолжаться бесконечно, его невозможно будет остановить и в конечном итоге он приведет цивилизацию в сумасшедший дом?

Я говорю, что это серьезная и неотложная проблема. И это, я думаю, вынуждает нас к определенному ответу, который я сейчас попытаюсь объяснить.

Если мы не можем повернуть вспять и обратить вспять этот фатальный натиск современной жизни (а очевидно, что мы не можем сделать этого за очень короткое время — хотя, конечно, в конечном итоге мы могли бы добиться успеха), тогда, я думаю, очевидно, что остаются только две альтернативы — либо идти вперед ко всеобщему беспорядку и безумию, либо научиться отдыхать даже в самый разгар спешки.

Чтобы объяснить, что я имею в виду, позвольте мне использовать иллюстрацию. Тайфуны и циклоны в Китайском море - одни из самых сильных штормов, с которыми могут столкнуться суда. Их пути в прошлом были усеяны затонувшими кораблями и катастрофами. Но теперь, благодаря возросшим знаниям, большая часть их опасностей была предотвращена. Известно, что они имеют КРУГОВОЙ характер, и что, хотя скорость ветра на их окраинах часто достигает 100 миль в час, в центре шторма царит полное затишье — конечно, не морское затишье, а полное отсутствие ветра. Опытный мореплаватель, если он не может избежать шторма, направляется прямо в его сердце и отдыхает там. Даже среди грохота он находит тихое место, где может убрать паруса и скорректировать свой будущий курс. По своему положению он также знает, в каком направлении в каждой точке вокруг него дует ветер и куда он ударит, когда его корабль наконец выйдет из заколдованного круга.

Разве мы не можем спросить, возможно ли, что в самом центре циклона повседневной жизни мы можем найти подобное пристанище? Если мы сможем, наше дело ни в коем случае не безнадежно. Если мы не сможем, тогда опасность действительно существует.

Оглядываясь назад в историю, мы, кажется, видим, что в старые времена люди относились к жизни гораздо неторопливее, чем сейчас. Старшие поколения в своих обычаях и религиях давали больше простора удовлетворенности и душевному покою. Мы связываем определенный квиетизм и пассивность с мышлением восточных народов. Но по мере продвижения цивилизации на Запад внешняя активность и темп жизни увеличивались — все меньше и меньше времени оставалось для медитации и отдыха, — пока с подъемом Западной Европы и

Америки доминирующей нотой жизни, кажется, просто не стала лихорадочная и непрерывная деятельность — деятельность просто ради деятельности, без какого-либо четкого представления о своей собственной цели или объекте.

Такая перспектива на первый взгляд кажется не очень обнадеживающей; но, поразмыслив, мы видим, что не вынуждены делать из этого никаких особо пессимистичных выводов.

Направление человеческой эволюции не обязательно всегда должно оставаться одним и тем же. Фактически, движение цивилизации с Востока на Запад теперь явно завершилось. Земной шар обошел круг, и мы не можем продвинуться ДАЛЬШЕ на Запад, не вернувшись снова на Восток. Общеизвестно говорить, что наша психология, наша философия и наше религиозное чувство уже приобретают восточную окраску; нетрудно представить и то, что с окончанием нынешнего устройства совершенно естественным образом может наступить новая эра, в которой танец Святого Витта, состоящий из зарабатывания денег и амбиций, перестанет быть главной целью существования.

В истории наций, как и в истории отдельных людей, бывают периоды, когда формирующие идеалы жизни (под каким-то скрытым влиянием) меняются; и, как следствие, меняется образ жизни и эволюция. Я помню, когда я был мальчиком, я хотел — как и многие другие мальчики — пойти в море. Я хотел поступить на военно-морской флот. Я уверен, что я не так уж сильно стремился защищать свою страну. Нет, мотив был гораздо проще и прозаичнее этого. Корабли тех дней с их сложной оснасткой представляли собой идеальный рай для СКАЛОЛАЗАНИЯ, и я знаю, что именно мысль об ЭТОМ повлияла на меня. Иметь возможность бесконечно карабкаться по этим канатам и перекладинам! Как восхитительно! Конечно, я прекрасно понимал, что у меня не всегда будет свободный доступ к снастям; но тогда — когда-нибудь, без сомнения, я стану адмиралом, и кто тогда сможет мне помешать? Я помню, как мысленно увидел себя в треуголке на голове и с подзорной трубой подмышкой, бредущего по собственной воле наверх, невзирая на увещевания, которые могли бы долететь до меня снизу! Таков был мой детский идеал. Но пришло время — излишне говорить, — когда у меня сложилось иное представление о цели жизни.

Говорят, что к Джону Тиндаллу, чьи лекции по науке пользовались таким большим спросом в свое время, однажды, находясь в Нью-Йорке, после его выступления обратился очень успешный американский бизнесмен, который убедил его посвятить свои научные знания и способности коммерческой деятельности, пообещав, что если он это сделает, то он, Тиндалл, легко заработает “большую кучу денег”. Тиндалл очень спокойно ответил: “Ну, я сам когда-то думал об этом, но вскоре отказался от этой идеи, придя к выводу, что у меня НЕТ ВРЕМЕНИ ТРАТИТЬ ЕГО НА ЗАРАБАТЫВАНИЕ ДЕНЕГ”. Долларовый человек едва не провалился сквозь землю. Такая концепция жизни никогда раньше не приходила ему в голову. Но для Тиндалла, без сомнения, было очевидно, что, если бы он приковал себя к коммерческому идеалу, вся радость и слава его дней исчезли бы.

Иногда мы слышим об ужасной участи некоторых русских заключенных в каменоломнях и рудниках Сибири, которые постоянно прикованы (или были) к своим тачкам. Трудно представить себе более ужасную участь: отчаяние, отвращение, смертельную ненависть к проклятому существу, от которого нет спасения ни днем, ни ночью, которое является спутником не только работы заключенного — но и его часов отдыха, с которым он должен спать, питаться, развлекаться, если таковой у него есть, и выполнять все предписания природы. Может ли что-

нибудь быть более сокрушительным? И все же, и все же... разве это не правда, что мы, большинство из нас, по—разному прикованы к своим тачкам - не слишком ли часто бывает правдой, что к этим нищенским вещам мы по большей части приковали САМИХ СЕБЯ?

Позвольте мне быть понятым. Конечно, у всех нас есть (или должны быть) свои дела. Нам нужно зарабатывать на жизнь, содержать наши семьи, заниматься нашим ремеслом, нашим искусством, нашей профессией. В этом смысле, без сомнения, мы связаны; но я полагаю, что эти вещи подобны тачке, которой человек пользуется во время работы. Временами это может раздражать его, но он придерживается этого с добрым сердцем и с определенной радостью, потому что это инструмент благородной цели. Все в порядке. Но быть прикованным к нему, не иметь возможности покинуть его, когда дневная работа закончена, — это действительно позорное рабство. Тогда я бы сказал, позаботьтесь о том, чтобы даже с помощью этих вещей, этих необходимых жизненных искусств вы сохранили свою независимость, чтобы, даже если в какой-то степени они могут ограничивать ваше тело, они не поработали ваш разум.

Ибо главное - это свобода ума. Без сомнения, мы все попали в сети земной жизни. Одним мужчиной в значительной степени управляет чувственное потворство своим желаниям, другим - честолубие, третьим - погоня за деньгами. Что ж, все эти вещи хороши сами по себе. Без чувственных удовольствий мы были бы действительно скучными людьми; без честолубия большая часть жизненной энергии и предприимчивости исчезла бы; золото при нынешнем порядке вещей - очень полезный слуга. Эти вещи достаточно правильны, но быть ПРИКОВАННЫМ к ним, быть неспособным думать ни о чем другом — что за судьба! Сюжет напоминает не такое уж редкое зрелище. Сегодня чудесный день; яркое солнце, маленькие белые облачка плывут в прозрачной синеве — день, когда вы волей-неволей задерживаетесь на дороге, чтобы насладиться пейзажем. Но вдруг появляется человек, который мучительно бежит, весь разгоряченный и пыльный, вытирая голову и явно не обращая внимания ни на что вокруг. В чем дело? Он поглощен одной идеей. Он бежит, чтобы успеть на поезд! И невольно задаешься вопросом, какое это должно быть ЧРЕЗВЫЧАЙНО важное дело, ради которого приносится в жертву вся эта слава и красота и проходит мимо, как будто их не существует.

Далее мы должны помнить, что в своей глупости мы очень часто приковываем себя не только к таким вещам, как чувственные удовольствия и амбиции, которые, так сказать, находятся на грани порока; но и к другим вещам, которые считаются добродетелями и которые, насколько я могу видеть, столь же плохи, если мы однажды станем их рабами. Я знал людей, которые были настолько чрезвычайно "духовными" и "хорошими", что в их обществе действительно чувствовалась настоящая депрессия; я знал других, чье чувство долга, дорогие вещи, было настолько сильным, что они, казалось, были совершенно неспособны ОТДЫХАТЬ или даже позволять своим друзьям отдыхать; и я задавался вопросом, не может ли, в конце концов, беспокоиться о своем долге быть не таким уж плохим — как портить себе репутацию, как огорчать своих друзей — как совершать хороший, тяжкий грех. Нет, в этом отношении добродетели МОГУТ быть ничем не лучше пороков; и быть прикованным к тачке, сделанной из алебаstra, ничуть не лучше, чем быть прикованным к деревянной. Жертвовать бессмертной свободой ума ради того, чтобы стать жертвой эгоистичных забот и тревог, самооценки добродетелей и пороков, самоограничения обязанностями и потакания своим слабостям - это ошибка. И я предупреждаю вас, что это совершенно бесполезно. Ибо судьба Свободы в конечном счете лежит на каждом, и если, отказываясь от нее на какое-то время, вы упорно сосредоточиваете свою жизнь на одной цели — какой бы безупречной сама по себе эта цель ни

была, — Берегитесь! В один прекрасный день — и когда вы меньше всего этого ожидаете — боги пошлют на вас молнию. Однажды то, ради чего вы трудились и провели тяжелые дни и бессонные ночи, будет разбито перед вами — ваша репутация будет разрушена, ваши амбиции потерпят крах, ваши многолетние сбережения будут потеряны - и на мгновение вы будете склонны думать, что ваша жизнь была напрасной. Но вскоре вы проснетесь и обнаружите, что произошло нечто совершенно иное. Вы обнаружите, что удар молнии, который вы считали своей гибелью, оказался вашим спасением — что он разорвал цепь, приковывавшую вас к вашей тачке, и что вы свободны! ----

Я думаю, теперь вы поймете, что я подразумеваю под Отдыхом. Покой - это освобождение от цепей, которые приковывают нас к круговороту мира, это вхождение в центр Циклона; это Успокоение Мысли. Ибо (в отношении этого последнего) это Мысль, это Привязанность Ума, которая привязывает нас к внешним вещам. С самими внешними вещами все в порядке. Только через наши мысли они делают из нас рабов. Получите власть над своими мыслями, и вы свободны. Затем вы можете использовать внешние вещи или пренебрегать ими по своему усмотрению.

Конечно, во всем этом нет ничего нового. Это известно с незапамятных времен и является частью древней мировой философии.

В Катха-упанишаде вы найдете эти слова (перевод Макса Мюллера): “Как дождевая вода, упавшая на горный хребет, стекает со всех сторон, так и тот, кто видит разницу между качествами, бежит за ними со всех сторон”. Это фигура человека, который НЕ знает покоя. И это сильное сходство. Грозовой ливень обрушивается на вершину горы; потоки воды стекают со скал во всех направлениях. Представьте себе состояние ума человека — каким бы мучительным он ни был, — который пытается преследовать и перехватывать все эти потоки!

Но затем Упанишада продолжает: “Как чистая вода, налитая в чистую воду, остается той же самой, таково, о Гаутама, “Я” мыслителя, который знает”. Какой идеальный образ отдыха! Представьте перед собой резервуар с прозрачными стеклянными стенками, наполненный чистой водой. А затем представьте, что кто-то приходит с пузырьком, также с чистой водой, и осторожно выливает содержимое в резервуар. Что произойдет? Почти ничего. Чистая вода будет скользить в чистую воду, “оставаясь прежней”. Не будет никакого смещения, никакого обесцвечивания (как могло бы произойти, если бы туда налили МУТНОЙ воды); будет только совершенная гармония.

Я полагаю, что значение здесь примерно такое. Цистерна - это великий Резервуар Вселенной, который содержит чистый и совершенный Дух всего живого. Каждый из нас и каждое смертное создание представляет собой каплю из этого резервуара — каплю, которая действительно также чиста и совершенна (хотя флакон, в котором она содержится, не всегда может быть таким). Когда мы, каждый из нас, нисходим в мир и встречаемся с великим Океаном Жизни, который обитает там за всеми смертными формами, это подобно маленькому флакону, который выливают в огромный резервуар. Если крошечная частичка, которой является наше “я”, чиста и незапятнанна, тогда, когда она встретится с миром, она сольется с Духом, который наполняет мир совершенной гармонией, без огорчений или смещений. Оно пройдет сквозь вас и станет единым целым с этим. Как можно описать такое положение дел? У вас будет ключ к каждому человеку, которого вы встретите, потому что вы действительно осознали, что истинная сущность этого человека такая же, как и ваша собственная. У вас будет решение каждого

происходящего события. Ибо каждое событие является (и ощущается как прикосновение) великого Духа к вашему телу. Может ли какое-либо описание Отдыха быть более совершенным, чем это? Чистая вода, влитая в чистую воду.... Не нужно спешить, ибо всему свое время. Вам не нужно покидать свое место, ибо все, что вы пожелаете, находится под рукой.

Вот другой стих (из "Вагасанейи-Самхита упанишад"), воплощающий ту же идею: "И тот, кто созерцает все существа в Себе и Самость во всех существах, он никогда не отворачивается от Этого. Когда для человека, который понимает, "Я" стало всем сущим, какая печаль, какая беда может быть для него, когда он однажды узрел это Единство?" — Какая беда, какая печаль, в самом деле, когда вселенная стала прозрачной от присутствия всего, что мы любим, и прочно удерживается в Едином всеобъемлющем Присутствии?

Но будет сказано: "Наши умы НЕ чисты и не прозрачны. Чаще всего они мутные и запачканные — запачканные, если не по своей настоящей сути, то по причине смертного сосуда, в котором они содержатся". И это, увы! правда. Если вы нальете склянку мутной воды в тот резервуар, который мы описали, — что вы увидите? Вы увидите, как образуется странное и уродливое облако. И для скольких из нас в наших отношениях с миром жизнь принимает именно такую форму — странного и уродливого облака?

Так вот, вскоре после того, как были написаны эти Упанишады, в Китае жил великий Учитель Лао-цзы; и он тоже размышлял об этих вещах. И он написал в "Дао-Дэ-Кинге": "Кто там может очистить мутную воду?" Вопрос звучит как головоломка. На мгновение человек колеблется, стоит ли отвечать на него. У Лао-цзы, однако, готов ответ. Он говорит: "Но если вы ОСТАВИТЕ ЭТО В ПОКОЕ, это проявится само собой". Эта мутная вода ума, замутненная всеми этими глупыми мыслишками, которые, подобно осадку, засоряют ее, — но если вы оставите ее в покое, она очистится сама по себе. Иногда, прогуливаясь по обычной дороге после ливня, вы видели лужи воды, лежащие тут и там, грязные и неприглядные из-за грязи, поднятой копытами людей и животных. А затем, возвращаясь несколько часов спустя по той же дороге — вечером, после прекращения движения, — вы посмотрели еще раз, и о чудо! каждый бассейн очистился до состояния совершенного спокойствия и превратился в прекрасное зеркало, отражающее деревья, облака, закат и звезды.

Итак, это зеркало разума. Оставьте его в покое. Позвольте уродливому осадку утомительных мыслей и тревог, а также суеты из-за собственной важности и обязанностей осесть — и вскоре вы взглянете на это и увидите там нечто, чего вы никогда раньше не знали и не представляли себе, нечто более прекрасное, чем вы когда-либо видели, — отражение реального и вечного мира, которое дано только тому уму, который отдыхает.

Не расплескивай безрассудно воды своего ума в том или ином направлении, чтобы не уподобиться источнику, затерянному и иссякающему в пустыне.

Но сведи их вместе в маленький циркуль и держи неподвижно, так неподвижно;

И пусть они станут ясными, такими ясными — такими прозрачными, такими зеркальными;

Наконец-то горы и небо застеклятся в мирной красоте,

И антилопа спустится напиться, и лев утолит свою жажду,

И сама Любовь придет, наклонится и уловит в вас свое собственное подобие. (1)

(1) На пути к демократии, стр. 373.

Да, внутри нас есть эта бесценная вещь, но, бредя по дорогам в грязи, мы не можем ее найти; есть эта область спокойствия, но мировой циклон, бушующий вокруг, не дает нам войти в нее. Возможно, это и к лучшему, что доступ к нему не должен быть слишком легким. Однажды, некоторое время назад, в ходе беседы с Рабиндранатом Тагором в Лондоне я спросил его, что произвело на него наибольшее впечатление при посещении этого великого города. Он сказал: “Беспокойное непрерывное движение каждого”. Я сказал: “Да, кажется, что все они мечутся в поисках чего-то”. Он ответил: “Это потому, что каждый человек не знает о великом сокровище, которое он носит внутри себя”. ----

Как же тогда нам достичь этого сокровища и завладеть им? Как нам достичь этого Успокоения Ума, которое является секретом всякой силы и обладания? Это, без сомнения, трудно; и все же, как я пытался показать в начале этого рассуждения, мы, современные люди, ДОЛЖНЫ достичь этого; мы должны достичь этого — ибо наказанием за неудачу является и должно быть широко распространенное Безумие.

Способность успокаивать ум - способность отмечать себя, когда вы хотите, входить в область Покоя и отклонять свои Мысли или управлять Ими — это условие Здоровья; это условие всей Силы и Энергичности. Ибо любое здоровье, будь то ума или тела, зависит от отношения человека к центральной Жизни внутри. Если человек не может войти в контакт с НЕЙ, то жизненные силы не могут течь вниз, в организм. Большая часть, возможно, все болезни возникают из-за нарушения этой связи. Любая простая спешка, любая простая погоня за внешними вещами (как у человека за ручьями на вершине горы) неизбежно разрушает ее. Дайте пруду спокойно кристаллизироваться под воздействием мороза, и образуются самые красивые цветы и ледяные копы, но продолжайте все время помешивать воду палкой или шестом, и в результате не получится ничего, кроме уродливой массы наполовину замерзшего вещества. Условием проявления силы и энергичности является то, что оно должно исходить из центра Покоя внутри человека. Я настолько убежден в этом, что всякий раз, когда я ловлю себя на том, что тороплюсь со своей работой, я останавливаюсь и говорю: “Сейчас вы не производите ничего хорошего!” - и обычно я нахожу, что это правда. Любопытно, но я считаю очень примечательным, что места, где люди больше всего спешат — как, например, Лондонский Сити или Уолл—стрит в Нью-Йорке, — это как раз те места, где выполняемая работа имеет НАИМЕНЬШЕЕ значение (в основном это азартные игры на деньги); тогда как если вы пойдете и посмотрите на пахаря, который пашет — выполняя, возможно, самую важную человеческую работу, - вы обнаружите, что все его движения наиболее обдуманно и неторопливы, как будто у него действительно в распоряжении бесконечное количество времени; правда в том, что в общении (подобно пахарю) с землей, лошадьми, погодой и явлениями Природы в целом вы можете спешить не больше, чем спешит сама Природа.

Следуя этому направлению мыслей, может показаться, что можно прийти к безнадежному парадоксу. Если верно, что чем меньше человек спешит, тем лучше получается работа, то может показаться, что, сидя неподвижно и просто крутя большими пальцами, можно достичь величайшей активности и эффективности! И действительно (если понимать правильно), даже в этом есть доля истины, которая — как и другие моменты, которые я упомянул, — была известна и преподается давным-давно. Как говорит старый мудрец с чувством юмора Лао-цзы, которого я уже цитировал: “Бездействием нет ничего, чего нельзя было бы сделать”. Сначала это звучит

как простая глупость или того хуже; но впоследствии, размышляя над этим, человек видит, что в этом скрыт какой-то смысл. Существует секрет, с помощью которого Природа и силы вселенской жизни сделают все за вас. В Бхагават-гите также говорится: “Тот, кто обнаруживает бездействие в действии и действие в бездействии, является мудрым среди смертных”.

Стоит ненадолго остановиться на этих текстах. Мы все — как я уже говорил ранее — вовлечены в работу, соответствующую нашему месту и положению; мы в какой-то степени связаны узами действия. Но этот факт не обязательно должен сковывать наш внутренний разум. Действуя даже с чуткостью и энергией по внешнему и необходимому пути, лежащему перед нами, вполне возможно удерживать ум свободным и развязанным — так, чтобы РЕЗУЛЬТАТ нашего действия (которым, конечно, мы не можем командовать) оставался безразличным и неспособным оказать на нас чрезмерное влияние. Точно так же, когда в наши обязанности входит оставаться внешне НЕАКТИВНЫМИ, мы можем обнаружить, что под этим кажущимся бездействием мы, возможно, принимаем участие в потоках более глубокой жизни, которые движутся к определенной цели, к цели или объекту, который в некотором смысле является нашим, а в некотором смысле и НЕ является нашим.

Луч маяка пролетает над сушей и морем с невероятной скоростью, и вы думаете, что сам свет, должно быть, находится в быстрейшем движении; но когда вы поднимаетесь туда, вы обнаруживаете, что лампа абсолютно неподвижна. Двигается только отражение. Всадник на лошади может скакать туда-сюда, куда ему заблагорассудится, но трудно сказать, что ОН действует. Лошадь, ведомая малейшим признаком воли человека, выполняет то действие, которое необходимо. Если мы сможем войти в правильный контакт с необъятными, неисчислимыми силами Природы, есть ли что-нибудь, чего мы, возможно, не сможем сделать? “Если человек поклоняется “Я” только как своему истинному состоянию, - говорится в “Брихад-араньяка упанишаде”, - его работа не может потерпеть неудачу, ибо все, чего он желает, он получает от “Я””. Какое замечательное изречение и как безошибочно верно! Ибо очевидно, что если вам удастся отождествить свое истинное существо с великим “Я” Вселенной, тогда все, чего вы пожелаете, великое “Я” также пожелает, и, следовательно, все силы Природы будут к вашим услугам и будут стремиться удовлетворить ваши потребности.

Здесь есть удивительные вещи, “хорошо упакованные” — их трудно описать, но не невозможно испытать. И все они зависят от этой силы успокаивания Мысли, от этой способности пройти невредимым и не испуганным сквозь ухмыляющиеся легионы низшего разума в самое сердце Рая.

Неизбежно возникает вопрос, как можно обрести эту силу? И на это есть только один ответ — тот же ответ, который должен быть дан для достижения ЛЮБОЙ силы или способности. Королевского пути не существует. Единственный способ (каким бы несовершенным он ни был) - ДЕЛАТЬ то, о чем идет речь, практиковать это. Если вы хотите научиться играть в крикет, единственный способ - это играть в крикет; если вы хотите говорить на языке, единственный способ - это говорить на нем. Если вы хотите научиться плавать, единственный способ - это попрактиковаться в плавании. Или вы хотели бы быть похожим на человека, который, когда его товарищи купались и попросили его подойти и присоединиться к ним, сказал: “Да, я жажду присоединиться к вам, но я не собираюсь быть таким дураком, чтобы лезть в воду, ПОКА НЕ НАУЧУСЬ ПЛАВАТЬ!”

Нет ничего, кроме практики. Если вы хотите обрести эту бесценную силу повелевать Мыслью — использовать ее или отвергать (поскольку эти две вещи идут рука об руку) по своему желанию, — нет иного пути, кроме практики. И практика состоит из двух упражнений: (а) упражнения на концентрацию — в устойчивом удержании мысли в течение некоторого времени на одном предмете или точке предмета; и (б) упражнения на стирание — в стирании любой данной мысли из ума и принятии решения НЕ заниматься ею в течение такого-то времени. Оба эти упражнения сложны. Неудача в их выполнении неизбежна — и может даже растянуться на годы. Но сила, безусловно, растет с практикой. И в конечном счете может наступить время, когда ученик не только сможет выкинуть из головы любую данную мысль (какой бы назойливой она ни была), но может даже преуспеть в изгнании на короткие периоды ВСЕХ мыслей любого рода. Когда достигается эта стадия, завеса иллюзии, окружающая все смертное, прорвана, и найден вход в Рай Покоя (и вселенской силы и знания).

Существует несколько косвенных или вспомогательных методов достижения этого великого вывода. Я считаю жизнь на свежем воздухе если не абсолютно необходимой, то, по крайней мере, наиболее важной. Боги — хотя иногда из сострадания они посещают внутренние помещения домов — не любят такие места и злые испарения, которые они там находят, и избегают их, насколько могут. Речь идет не просто о том, чтобы дышать кислородом вместо углекислоты. В Природе и Открытых Пространствах есть присутствие и влияние, которые расширяют разум и заставляют отбросить разбойничьи заботы - тогда как в замкнутых местах всевозможные глупые и тщетные мысли роятся подобно микробам, затуманивают и скрывают душу. *Experto Crede*. Необходимо только попробовать этот эксперимент, чтобы доказать его истинность.

Еще одна вещь, которая в какой-то степени соответствует физической жизни на свежем воздухе, - это жизнь ментально и эмоционально в атмосфере любви. Большое милосердие ума, который категорически отказывается замыкаться в маленьких укромных уголках предрассудков, фанатизма и презрения к другим и который достигает великого и всеобщего сочувствия, помогает, наиболее очевидно, открыть путь в ту область спокойствия и свободы, о которой мы говорили, в то время как, наоборот, вся мелкая вражда, подлость и злоба сговариваются заключить душу в тюрьму и затруднить ее освобождение.

Нет необходимости трудиться над этими моментами. Как мы уже говорили, путь к достижению заключается в искренних попытках достичь, в последовательной ПРАКТИКЕ достижения. Тот, кто сделает это, обнаружит, что путь будет открываться постепенно, как человеку, выходящему из обширного и мрачного леса, пока из темноты не станет виден путь. Для того, кто действительно СТАРАЕТСЯ, неудачи не бывает; ибо каждое усилие в этой области является успехом, и каждый рывок вперед, каким бы незначительным он ни был и какой бы незначительный результат он ни показывал, на самом деле является движением вперед и на один шаг ближе к свету.

II. ПРИРОДА САМОСТИ

Истинную природу "Я" отнюдь не так легко постичь. Вероятно, все мы в то или иное время пытались постичь глубины личности и были сбиты с толку. Некоторые люди говорят, что они могут довольно отчетливо вспомнить момент в раннем детстве, примерно в возрасте трех лет

(хотя точный период, конечно, является лишь приблизительным), когда самосознание — осознание того, что ты немного обособленное "Я" — впервые зародилось в сознании. Как правило, это происходило в какой-то момент детского напряжения — возможно, в одиночестве в саду или вырвавшись из защищающих рук матери, - и это было началом целого ряда новых переживаний. До определенного такого периода в детстве, строго говоря, нет отчетливого самосознания. Как говорит Теннисон (In Memoriam xlv):

Младенец, впервые познавший землю и небо,
Во сколько прест его нежной ладони
Прижавшись к окружности груди,
Никогда не думал, что "Это я".

У него действительно есть сознание, но нет особого самосознания. Именно это отсутствие или недостаточность объясняет многие вещи, которые на первый взгляд кажутся неясными в психологии детей и животных. Младенец (это часто замечалось) практически не испытывает чувства СТРАХА. Он недостаточно знает, чтобы бояться; у него никогда не формировалось никакого представления о себе, как о существе, которому можно причинить вред. Он может уклоняться от реальной боли или дискомфорта, но он не ОЖИДАЕТ боли в будущем — что является сущностью страха. Страх и самосознание тесно взаимосвязаны. Точно так же и с животными, мы часто удивляемся, как лошадь или корова могут всю ночь стоять в поле, подвергаясь холоду и дождю, с таким летаргическим терпением, которое они демонстрируют. Дело не в том, что они не ЧУВСТВУЮТ дискомфорта, но дело в том, что они не представляют СЕБЕ, что будут терпеть эту боль и страдание все предстоящие часы; и поскольку мы знаем сами, что девять десятых наших страданий на самом деле состоят в предвкушении будущих страданий, мы понимаем, что отсутствие или, по крайней мере, небольшое преобладание самосознания у животных позволяет им переносить формы страдания, которые свели бы нас с ума.

Со временем младенец приходит к самосознанию; и, как и следовало ожидать, растущий мальчик или девочка часто начинают интенсивно осознавать Себя. Его или ее самосознание, без сомнения, примитивно, но в нем очень мало опасений. Если вопрос о природе "Я" предлагается мальчику как проблема, у него не возникает трудностей с его решением. Он говорит: "Я достаточно хорошо знаю, кто я такой: я парень с рыжими волосами, который так здорово отдал Джимми Брауна в прошлый понедельник". Он достаточно хорошо знает — или думает, что знает, — кто он такой. И в более позднем возрасте, хотя его определение может измениться, и он может описывать себя в основном как хорошего игрока в крикет или успешного на определенных экзаменах, его метод практически остается тем же самым. Он фиксирует свой ум на определенном наборе качеств и способностей, которыми, как предполагается, он обладает, и называет этот набор Сам. И более изощренным способом большинство из нас, я полагаю, делает то же самое.

Однако в настоящее время, при более тщательном размышлении, мы начинаем видеть трудности в этой точке зрения. Я вижу, что как только я думаю о себе как о некоем наборе качеств — и, если уж на то пошло, не имеет значения, хороши эти качества или плохи, или в какой очаровательной путанице они смешаны, — я сразу вижу, что я просто смотрю на набор качеств: и что истинное "Я", Самость, - это не этот набор, а существо, РАССМАТРИВАЮЩЕЕ то же самое, нечто, так сказать, за его пределами. Поэтому сейчас я концентрирую свои мысли на

этом внутреннем "Что-то", чтобы выяснить, что это такое на самом деле. Я представляю себе, возможно, внутреннее существо 'астральной' или эфирной природы, обладающее новым набором гораздо более тонких качеств, чем тело, — существо, обитающее в теле и воспринимающее его органами чувств, но вполне способное выжить в доме, в котором оно обитает, и я думаю о нем как о "Я". Но как только я делаю этот шаг, я понимаю, что совершаю ту же ошибку, что и раньше. Я всего лишь созерцаю новый образ, и "я" по-прежнему остаюсь за пределами того, что я созерцаю. Как только я обращаю свое внимание на субъективное существо, оно становится ОБЪЕКТИВНЫМ, и реальный субъект отступает на задний план. И так до бесконечности. Я сбит с толку и не в состоянии положительно сказать, что такое "Я".

Между тем есть люди, которые рассматривают вышеупомянутые рассуждения о внутреннем "Я" просто как непрактичные. Возможно, принадлежа к более материалистическому типу мышления, они сосредоточивают свое внимание на теле. Откровенно говоря, они пытаются определить "Я" через тело и все, что с ним связано, то есть через ментальные, а также телесные качества, которые проявляются в этой связи; и они говорят: "В любом случае "Я", каким бы оно ни было, в некотором роде ограничено телом; каждый человек изучает интересы своего тела и чувства, эмоции и менталитет, непосредственно связанные с ним, и вы не можете выйти за рамки этого; это не в природе человека. "Я" ограничено этим материальным феноменом и, несомненно, оно погибает вместе с гибелью тела". Но и здесь вывод, хотя и кажущийся вначале правдоподобным, вскоре оказывается совершенно неадекватным. Ибо, хотя, возможно, верно, что человек, оставшись один в жизни Робинзона Крузо на необитаемом острове, может в конечном счете опуститься до простого удовлетворения своих телесных потребностей и тех умственных потребностей, которые непосредственно связаны с телом, все же мы знаем, что такой случай ни в коем случае не был бы репрезентативным. Напротив, мы знаем, что огромное количество людей тратят свою жизнь на то, чтобы заботиться о других людях, и часто доходят до того, что жертвуют собственным телесным и психическим комфортом и благополучием. Мать проводит свою жизнь, думая почти день и ночь о своем ребенке и других детях, тратя на них все свои мысли и усилия. Вы можете назвать ее эгоисткой, если хотите, но ее эгоизм явно выходит за рамки ее личного тела и разума и распространяется на личности окружающих ее детей; ее "тело" — если вы настаиваете на своем определении — должно включать тела всех ее детей. И опять же, муж, который трудится ради поддержания семьи, он думает, работает, трудится и страдает ради своего "я", которое включает в себя его жену и детей. Вы имеете в виду, что вся семья является его "телом"? Или человек принадлежит к какому-то обществу, церкви или какой-то социальной лиге, и его деятельность в значительной степени определяется интересами этой более крупной группы. Или он жертвует своей жизнью — как это делают многие в последнее время — с необычайной храбростью и героизмом ради нации, к которой он принадлежит. Должны ли мы тогда говорить, что вся нация на самом деле является частью тела человека? Или, опять же, он отдает свою жизнь и идет на костер за свою религию. Правильна его религия или нет, не имеет значения, дело в том, что в нем есть то, что может вывести его далеко за пределы его локального "я" и обычных инстинктов его физического организма, чтобы посвятить свою жизнь и силы чему-то гораздо более широкому.

Таким образом, в ПЕРВОМ из этих двух примеров поиска природы "Я" нас ведут ВНУТРЬ от точки к точке, во внутренние и все более тонкие области нашего существа, и все же в конце концов мы сбиваемся с толку; в то время как во ВТОРОМ нас уносит во все более и более широкие пределы в наших поисках Эго, и мы все еще чувствуем, что нам не удалось достичь его конечной природы. Фактически, эти два аргумента приводят нас к выводу, что то, что мы ищем, действительно

является чем—то очень обширным - чем-то, простирающимся далеко вокруг, но также похороненным глубоко в потаенных уголках нашего разума. Как далеко, насколько глубоко, мы не знаем. Мы можем только сказать, что, насколько указывают указания, истинное "я" глубже и имеет более далеко идущие последствия, чем все, что мы когда-либо постигали.

В обычной заурядной жизни мы сжимаемся до уровня обычных заурядных "я", но одно из благословений великих переживаний, даже если они трагичны или болезненны, заключается в том, что они выводят нас в то неизмеримо большее "я", которому мы принадлежим. Иногда, в моменты вдохновения, сильного энтузиазма, откровения, какие человек испытывает в разгар битвы, в моменты любви и преданности другому человеку и в моменты религиозного экстаза, изумленному взору внутреннего человека открывается огромный мир, который раскрывает его "я", простирающееся далеко за пределы всего, что он когда-либо представлял. У всех нас был опыт более или менее подобного рода. Я знал довольно много людей, и большинство из вас знало некоторых, которые в какой-то момент, пусть даже всего один раз в своей жизни, испытали такое экстраординарное приподнимание завесы, как бы раскрытие задворков их сознания, и имели такое видение мира, что впоследствии они никогда этого не забывали. Они заглянули в самое сердце творения, и осознали свой союз с остальным человечеством. У них были проблески странного бессмертия, принадлежащего им, проблеск их принадлежности к гораздо более великому существу, чем они когда-либо представляли. Всего один раз — и человек никогда этого не забывал, и даже если это не повторялось, это окрашивало всю его оставшуюся жизнь.

Итак, об этом предмете думали — я собирался сказать, с сотворения мира, — но об этом думали с самого начала истории. Около трех тысяч лет назад определенные группы — мне бы не хотелось называть их философами, — но, скажем так, люди, которые медитировали и размышляли над этими проблемами, имели обыкновение селиться в лесах Северной Индии; и там возникли школы. В случае с каждой школой какой-нибудь учитель уходил в лес и собирал вокруг себя группы учеников, которые жили там в его обществе и слушали его слова. Таких школ было создано очень много, и доктрины этих учителей были собраны вместе, как правило, их учениками, в виде заметок, которые были сведены в небольшие брошюры или трактаты, составившие книги, называемые "Упанишадами" индийских мудрецов. Они содержат несколько необычайных слов мудрости, некоторые из которых я хочу донести до вашего сведения. Сделанные выводы были не совсем тем, что мы должны называть философией в современном смысле этого слова. Они были не столько результатом анализа ума и следования цепочке строгих аргументов; но это были вспышки интуиции и опыта, и на протяжении всех "Упанишад" вы находите эти экстраординарные вспышки включенными в большую часть того, что мы бы назвали довольно мусорными аргументами, и большую часть просто обычных брахманических разговоров тех дней. Но люди, которые писали и говорили таким образом, обладали интуицией в суть вещей, которой, смею сказать, обладают очень немногие люди в современной жизни. Эти 'Упанишады', какими бы различными ни были их темы, практически сходятся в одном пункте — в определении "самости". Они согласны в том, что самость каждого человека неотделима от Самости Вселенной и в некотором смысле идентична ей. Теперь это кажется экстраординарным выводом, который почти приводит в замешательство современный разум. Но это вывод, это нить, которая проходит через все "Упанишады" — идентичность "я" каждого индивидуума с "я" каждого другого индивидуума во всем человечестве и даже с "я" животных и других созданий.

Те, кто читал "Кхандогья упанишаду", помнят, как в этом трактате отец наставляет своего сына Шветакейту именно по этому предмету— последовательно указывая ему на объекты Природы и каждый раз призывая его осознать свое тождество с самой сущностью объекта — “Тат твам аси, КОТОРЫМ ты являешься”. Он обращает внимание Светакету на дерево. В чем СУТЬ дерева? Когда они отвергли внешние характеристики — листья, ветви и т.д. — и согласились с тем, что СОК - это сущность, тогда отец говорит: “ТАТ ТВАМ АСИ - ЭТО ты”. Он дает своему сыну кристаллик соли и спрашивает, в чем его суть. Сын озадачен. Очевидно, что ни форма, ни прозрачность не имеют значения. Отец говорит: “Опусти кристалл в воду”. Затем, когда он растает, он спрашивает: “Где кристалл?” Сын отвечает: “Я не знаю”. “Опусти палец в чашу, “ говорит отец, - и попробуй”. Затем Светакету обмакивают то тут, то там, и везде появляется привкус соли. Они соглашаются, что в этом суть соли; и отец снова говорит: “Тат твам аси”. Я, конечно, не защищаю и не критикую принятый здесь научный подход. Я только указываю на то, что это психологическое отождествление наблюдателя с наблюдаемым объектом проходит через все Упанишады и, я думаю, заслуживает самого глубокого рассмотрения.

В ‘Бхагават-гите”, более поздней книге, автор говорит о “том, чья душа очищена, чье “я” является “Я” всех созданий”. Подобная фраза бросает вызов оппозиции. Она такая смелая, такая размашистая и такая необъятная, что мы не решаемся согласиться с тем, что она подразумевает. Но что это значит — “чья душа очищена”? Я полагаю, что это означает следующее: у большинства из нас наши души далеки от чистоты, они ни в коем случае не прозрачны, так что мы все время обманываем самих себя и создаем облака между собой и другими. Мы все время что-то перенимаем у других людей и, если не на словах, то мысленно хвастаемся собой перед другими, пытаюсь думать о собственном превосходстве над остальными людьми вокруг нас. Иногда мы пытаемся немного принизить наших соседей, просто чтобы показать, что они не совсем равны нашему уровню. Мы пытаемся отнять у других какие-то вещи, которые принадлежат им, или приписываем себе то, на что у нас нет справедливого права. Но все время мы действуем так, что совершенно очевидно, что мы плетем завесу между собой и другими. Вы не можете вести дела с другим человеком исключительно честно и постоянно пытаться обманом вытянуть из него деньги или подмочить его доброе имя и репутацию. Если вы делаете это, то, как бы часто вы это ни делали на заднем плане, вы не смотрите человеку прямо в лицо — между вами все время находится облако. До тех пор, пока ваша душа не очистится от всех этих действительно абсурдных и нелепых маленьких желаний, превосходства и самоудовлетворения, которые составляют так много в нашей жизни, до тех пор, пока это происходит, вы не видите и не можете видеть истину. Но когда это случается с человеком, как это случается во времена великого, глубокого и горького опыта; когда случается, что все эти дрянные мелочи жизни сметаются прочь; тогда иногда душа с удивлением видит это. Это также душа окружающих. Даже если оно не осознает абсолютной идентичности, оно осознает, что между ним и другими людьми существует глубокая взаимосвязь и общность, и оно приходит к пониманию того, насколько это действительно может быть правдой, что для того, чья душа очищена, “я” в буквальном смысле является “Я” всех созданий.

Обычные люди и те, кто придерживается более интеллектуальных и менее интуитивных взглядов, скажут, что эти идеи на самом деле противоречат человеческой природе и природе вообще. Тем не менее, я думаю, что те люди, которые говорят это от имени Науки, крайне ненаучны, потому что очень поверхностный взгляд на природу показывает, что то же самое происходит во всей природе. Рассмотрим мадрепоры, кораллы или губки. Вы обнаруживаете, например, что маленькое “я” коралла или губки постоянно функционирует на конце стебля и

выбрасывает свои щупальца в воду, чтобы добыть пищу и вдохнуть воздух из воды. Та маленькая животинка, которая живет таким образом, без сомнения, воображает, что работает исключительно для себя, и все же она соединена по стеблю, на конце которого стоит, с жизнью всей мадрепоры или губки, к которой принадлежит. Существует общая жизнь целого и индивидуальная жизнь каждого, и в то время как маленькое существо на конце стебля думает (если оно вообще осознано), что вся его энергия поглощается собственным поддержанием, оно на самом деле питает общую жизнь через стебель, к которому оно принадлежит, и, в свою очередь, оно получает питание от этой общей жизни.

Вам достаточно взглянуть на обычное дерево, чтобы увидеть, что происходит то же самое. Каждый маленький листочек на дереве вполне естественно может обладать достаточным сознанием, чтобы верить, что это совершенно отдельное существо, поддерживающее себя на солнечном свете и воздухе, увядающее и умирающее, когда наступает зима — и этому приходит конец. Оно, вероятно, не осознает, что все это время его поддерживает сок, текущий из ствола дерева, и что, в свою очередь, оно тоже питает дерево — что его "я" — это "я" всего дерева. Если бы лист мог действительно понять себя, он увидел бы, что его "я" глубоко, интимно связано, практически едино с жизнью всего дерева. Поэтому я говорю, что эта индийская точка зрения не является ненаучной. Напротив, я уверен, что она полностью научна.

Давайте возьмем другой отрывок из “Шветашватара упанишад”, в котором, говоря о "я", говорится: "Он — единый Бог, скрытый во всех созданиях, всепроникающий, "я" внутри всех, наблюдающий за всеми делами, затеняющий все создания, свидетель, воспринимающий, единственный, свободный от качеств".

И теперь мы можем вернуться к тому моменту, на котором мы остановились в начале этого рассуждения. Вы помните, мы говорили, что "Я" — это, безусловно, не просто набор качеств, что сама природа ума запрещает нам так думать. Ибо каким бы тонким и изощренным ни было какое-либо качество или группа качеств, природа самого ума непреодолимо вынуждает нас искать "Я" не в каком-либо качестве или качествах, а в существе, которое ВОСПРИНИМАЕТ эти качества. В отрывке, который я только что процитировал, говорится, что бытие — это “Единый Бог, скрытый во всех созданиях, всепроникающий, самость внутри всего... свидетель, воспринимающий, единственный, свободный от качеств”. И чем больше вы будете думать об этом, тем яснее, я думаю, вы увидите, что этот отрывок верен — что может быть только ОДИН свидетель, ОДИН воспринимающий, и это единый Бог, скрытый во всех созданиях, “Сарва Сакши”, Вселенский Свидетель.

Испытывали ли вы когда-нибудь это любопытное чувство, нередкое, особенно в моменты ярких переживаний и эмоций, что в глубине вашего сознания есть свидетель, наблюдающий за всем происходящим, но слишком глубокий, чтобы его могла уловить ваша обычная мысль? Разве вам не приходило в голову — скажем, в момент большой опасности, когда ум был до последней степени взбудоражен страхами и тревогами, — внезапно стать совершенно спокойным и собранным, осознать, что НИЧТО не может причинить вам вреда, что вы отождествляетесь с неким великим и универсальным существом, вознесенным высоко над этим бранным миром и незатронутым его бурями? Разве не очевидно, что истинное "Я" ДОЛЖНО быть чем-то подобного рода, существом, воспринимающим все, но само остающимся невоспринимаемым? Ибо действительно, если бы это было воспринято, оно подпадало бы под определение какого-то

определяемого качества, и, таким образом, став объектом мысли, перестало бы быть субъектом, перестало бы быть Самостью.

Свидетель есть и должен быть “свободен от качеств”. Ибо, поскольку оно способно воспринимать ВСЕ качества, оно, очевидно, само по себе не должно быть заключено в тюрьму или связано каким—либо качеством - оно должно быть либо полностью лишено качества, либо, если в нем есть потенциал качества, оно должно обладать потенциалом КАЖДОГО качества; но в любом случае оно не может быть связано каким-либо качеством, и в любом случае казалось бы, что во вселенной может быть только ОДИН такой окончательный Свидетель. Ибо, если бы было два или более таких Свидетеля, тогда мы были бы вынуждены предположить, что они чем-то отличаются друг от друга, и это что-то могло бы быть только различием качеств, что противоречило бы нашему заключению, что такой Свидетель не может быть связан каким-либо качеством.

Тогда я полагаю, что, как говорится в рассматриваемом тексте, во всей вселенной есть только один Свидетель, одно "Я". Она скрыта во всех живых существах, людях, животных и растениях; она пронизывает все творение. В каждой вещи, обладающей сознанием, есть Самость; она наблюдает за всеми действиями, она осеняет все создания, она движется в глубинах наших сердец, воспринимающий, единственное существо, которое осознает все и в то же время свободно от всего.

Как только вы действительно усвоите эту истину и ассимилируете ее в глубинах своего разума, внутри вас произойдут огромные изменения (вы легко можете себе представить). Весь мирпреобразится, и каждая мысль и действие, на которые вы способны, приобретут другой цвет. Действительно, революция будет настолько масштабной, что для меня было бы совершенно невозможно описать ее в рамках данного дискурса. Однако остаток своего времени я посвящу рассмотрению некоторых моментов и выводов, а также некоторым ментальным изменениям, которые совершенно естественным образом вытекают из этого аксиоматического изменения, происходящего в самом корне жизни.

“Свободные от качеств”. Обычно мы немного гордимся своими качествами. Некоторые из нас высокого мнения о своих хороших качествах, а некоторые из нас стыдятся своих плохих! Я бы сказал: “Не стоит сильно беспокоиться обо всем этом. Какими хорошими качествами вы обладаете — ну, вы можете быть совершенно уверены, что на самом деле они не имеют большого значения; а какими плохими качествами, вы можете быть уверены, что они не очень важны! Не поднимайте слишком много шума ни из-за того, ни из-за другого. Ты видишь? Дело в том, что ты, ты сам, не являешься КАКИМ—ЛИБО из своих качеств - ты существо, которое воспринимает их. Главное, о чем нужно позаботиться, это о том, чтобы они не сбивали вас с толку, не вводили в заблуждение и не скрывали вас от познания себя — чтобы они не возводились в ширму, чтобы скрыть вас от других или других от вас. Если вы перестанете гоняться за качествами, то через некоторое время ваша душа очистится, и вы УЗНАЕТЕ, что ваше "я" - это "Я" всех созданий; и когда вы сможете почувствовать это, вы поймете, что другие вещи не имеют большого значения.

Иногда люди настолько ужасно добры, что сама их доброта скрывает их от других людей. Они действительно не могут быть на одном уровне с другими и чувствуют, что другие намного ниже их. Следовательно, их ‘я’ ослеплены или скрыты их ‘добротой’. Это печальный конец! И иногда случается, что очень ‘плохие’ люди — просто потому, что они такие плохие, — не возводят

никаких экранов или завес между собой и другими. На самом деле они будут только рады, если другие узнают их, или если им будет позволено узнавать других. И так, в конце концов, они ближе к истине, чем очень хорошие люди.

“Самость свободна от качеств”. То, что так глубоко, что принадлежит всем, оно либо — как я уже сказал — обладает ВСЕМИ качествами, либо у него нет ни одного. Вы, к кому я сейчас обращаюсь, ваши качества, хорошие и плохие, все мои. Я совершенно готов принять их. Все они в полном порядке и на своем месте — если только удастся найти для них нужные места. Но я знаю, что в большинстве случаев они настолько запутались, что вызывают большой конфликт и боль в душах, которые их укрывают. Если вы достигнете осознания того, что вы отличаетесь от этих качеств и отделены от них, тогда вы окажетесь ниже и выше их всех. Вы сможете принять ВСЕ свои качества и гармонизировать их, и ваша душа обретет покой. Тогда вы будете свободны от господства качеств, потому что вы будете знать, что среди всего их множества нет ни одного сколько-нибудь важного!

Если вам случится когда-нибудь достичь того состояния ума, в связи с которым приходит это откровение, тогда вы обнаружите, что это переживание в высшей степени экстраординарно. Вы осознаете, что на вашем пути нет преград; что путь открыт во всех направлениях; что все мужчины и женщины принадлежат вам, являются частью вас. Вы почувствуете, что вокруг вас раскинулся огромный открытый мир, о котором вы раньше и не подозревали, который принадлежит вам и все богатства которого ваши, ждет вас. Конечно, могут потребоваться столетия и тысячи лет, чтобы полностью осознать это, но это так. Вы стоите на пороге, заглядываете в дверь. Что сказал Шекспир? “Будь верен самому себе, и это должно следовать за днем, как ночь за ночью, тогда ты не сможешь быть лживым ни с кем”. Какая глубокая философия в трех строчках! Сомневаюсь, что где-либо основа всей человеческой жизни была выражена более точно и лаконично.

В одной из Упанишад (“Майтраяна-Брахмана”) говорится: “Счастье, принадлежащее уму, который благодаря глубокой внутренней направленности (1) (или пониманию) был очищен и вошел в “Я”, - это то, что невозможно описать словами: оно может быть воспринято только внутренней способностью”. Обратите внимание на убежденность, интенсивность, с которой описывается эта радость, это счастье, которые приходят к тем, чьи умы были начисто промыты (от всего глупого мусорного осадка самомнения) и стали прозрачными, так что великое вселенское Существо, пребывающее там, в глубинах, может быть воспринято. Какая печаль, в самом деле, что, горе, может прийти к тому, кто увидел это видение? Это действительно то, что невозможно описать словами: это можно только ВОСПРИНЯТЬ - и то с помощью внутренней способности. Внешний аппарат мышления бесполезен. Аргументы бесполезны. Но опыт и непосредственное восприятие возможны; и, вероятно, весь жизненный опыт человечества на протяжении веков постепенно углубляет нашу способность восприятия до той точки, когда видение, наконец, появится перед внутренним взором.

(1) Слово в переводе Макса Мюллера - “медитация”. Но это, я думаю, несколько вводящее в заблуждение слово. Большинству людей это предполагает обращение МЫСЛИТЕЛЬНОЙ способности вовнутрь, чтобы нащупать и углубиться во внутренности ума. Это как раз то, чего не следует делать. Медитация в собственном смысле должна означать внутреннее углубление ЧУВСТВ и сознания до тех пор, пока не будет достигнута область универсального “я”; но МЫСЛЬ

не должна вмешиваться туда. Это следует обратить на внешние вещи, чтобы превратить их в выражение внутреннего сознания.

В другом тексте из “Брихад-Араньяка упанишад” (который я уже цитировал в статье об “Отдыхе”) говорится: “Если человек поклоняется “Я” только как своему истинному состоянию, его работа не может потерпеть неудачу, ибо все, чего он желает, он получает от “Я””. Разве это не великолепно? Если вы действительно осознаете свою идентичность и союз с великим “Я”, которое вдохновляет и информирует мир, тогда, очевидно, чего бы вы ни пожелали, великое “Я” победит в желании, и весь мир сговорился принести это вам. “Он делает ветры своими ангелами, а пылающие огни - своими служителями”. (Мне нет нужды говорить, что я не прошу вас пытаться отождествить себя с великим универсальным “Я”, ЧТОБЫ обрести богатство, “пышность” и другие вещи того рода, которых вы желаете; потому что в этом стремлении вы, вероятно, не преуспеете. Великое “Я” не такое глупое, чтобы быть обманутым подобным образом. Может быть правдой — и это правда, — что если вы будете ПРЕЖДЕ всего искать Царства Небесного, все это приложится вам; но вы должны искать его в первую очередь, а не во вторую.)

Вот отрывок из “На пути к демократии”: “Поскольку пространство распространяется повсюду, и все вещи движутся и изменяются в нем, но оно само не движется и не меняется,

Итак, Я - пространство внутри души, внешнее пространство которой - всего лишь подобие и ментальный образ;

“Ты вселяешься в меня, у тебя есть вход во всю жизнь — смерть больше не разлучит тебя с тем, кого ты любишь.

“Я есмь Солнце, которое светит всем созданиям изнутри — взгляни на меня, и ты будешь наполнен вечной радостью”.

Да, это великое солнце есть, оно светит всегда, но большую часть времени оно скрыто от нас облаками, о которых я говорил, и мы не видим его. Мы жалуемся на то, что находимся на холоде; и в настоящее время, без сомнения, нам холодно; но теперь наше возвращение к теплу и свету стало возможным.

Таким образом, наконец Эго, смертное бессмертное “я”, раскрывающееся сначала во тьме, страхе и невежестве у растущего младенца, ОБРЕТАЕТ СВОЮ ИСТИННУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ. Долгое время он находится в замешательстве, пытаясь понять, что это такое. Он проходит через огромный опыт. Его мучает чувство разделения и отчуждения — отчуждения от других людей и преследования со стороны всех великих держав Вселенной; и его преследует чувство собственной обреченности. Ее гибель поистине бесповоротна. Приближается час свершения, завеса приподнимается, и душа, наконец, видит СВОЕ ИСТИННОЕ СУЩЕСТВО.

Мы привыкли думать об окружающем нас внешнем мире как о неприятной, надоедливой старой штуке, о которой все, что мы можем сказать наверняка, это то, что она работает по “закону ругани” — так что, каким бы путем мы ни хотели пойти, этот путь всегда кажется прегражденным, и мы лишь натываемся на глухие стены, не добиваясь никакого прогресса. Но это неудобное положение дел возникает из-за нас самих. Как только мы преодолеем определенный барьер, который в настоящее время выглядит таким суровым и невозможным, но который исчезает в

ничто сразу же, как мы его преодолеем, — как только мы откроем секрет идентичности, — тогда путь действительно открыт во всех направлениях.

Мир, в котором мы живем — мир, в который нас втягивают детьми при первом зарождении самосознания, — отрицает этот великий факт единства. Это мир, в котором правит принцип разделения. Вместо совместной жизни и союза друг с другом был признан противоположный принцип (особенно в более поздних цивилизациях) — и до такой степени, что всегда преобладает навязчивая идея разделения и убежденность в том, что каждый человек является изолированной единицей. Все наше современное общество было основано на этой обманчивой идее, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЛОЖНОЙ. Вы идете на рынок, и рука каждого человека направлена против других — таков господствующий принцип. Вы приходите в Суды, где вершится или должно вершиться правосудие, и обнаруживаете, что преобладает принцип, отрицающий единство. Преступник (чьи действия действительно были определены окружающим его обществом) изгоняется, лишается признания и приговаривается к дальнейшей изоляции в тюремной камере. "Собственность" — это опять-таки принцип, который управляет и определяет нашу современную цивилизацию, а именно то, что принадлежит каждому человеку или может быть присвоено им в ОТЛИЧИЕ от других.

В моральном мире обреченность на разлуку приходит к нам в форме осознания греха. Ибо грех — это разлука. На самом деле грех — это (и в этом его единственное реальное значение) отделение от других и непризнание единства. И так получилось, что на протяжении всего этого цивилизационного периода чувство греха господствовало и достигло такой экстраординарной степени. Общество было построено на ложном фундаменте, не соответствующем фактам или жизни, и имело смутное тревожное сознание своей фальши. Между тем в основе всего этого — и во всей неистовой внешней борьбе — все время таится эта настоящая великая жизнь. Царство Небесное, как мы уже говорили, все еще внутри.

Слово Демократия указывает на нечто подобное — правление демоса, то есть обычной жизни. Приход этого преобразит не только наши Рынки, наши Суды, наше чувство Собственности и другие институты во что-то действительно великое и славное вместо унылых куч мусора, которыми они являются в настоящее время; но это преобразит наше чувство Морали.

Наша мораль в настоящее время состоит в идее самосовершенствования — одной из самых пагубных и отвратительных идей, которые когда-либо наводняли человеческий мозг. Если кто-нибудь последует и усвоит то, что я только что сказал об истинной природе "Я", он поймет, что для него никогда больше не будет возможности поздравлять себя со своей собственной добротой, нравственностью или превосходством; ибо в тот момент, когда он сделает это, он отделит себя от вселенской жизни и провозгласит грех своего собственного отделения. Я согласен, что для некоторых людей этот вывод является самым печальным и обескураживающим — но с этим ничего не поделаешь! Человек действительно может быть 'хорошим' и 'нравственным' в каком-то реальном смысле, но только при условии, что он не осознает этого. Он может БЫТЬ хорошим только тогда, когда не думает об этом; осознавать свою собственную доброту — значит уже пасть!

Мы начали с того, что стали думать о себе как о маленьком локальном "я"; затем мы распространили это понятие на семью, дело, нацию — на все более крупное существо. Наконец наступает время, когда мы признаем — или видим, что нам придется признать — внутреннее Равенство между нами и всеми другими; конечно, не внешнее равенство — ибо это было бы

абсурдно и невозможно, — но внутреннее, глубокое и всеобщее Равенство. И вот мы снова приходим к мистической корневой концепции демократии.

А теперь вам скажут: “Но после всего этого разговора вы не дали определения "Я" и не дали нам никаких интеллектуальных очертаний того, что вы подразумеваете под этим словом”. Нет — и я не собираюсь этого делать. Если бы я мог, используя какое-либо определение из тетради, описать и показать границы самого себя, я, очевидно, потерял бы всякий интерес к предмету. Ничего более скучного нельзя было себе представить. Возможно, я был бы в состоянии дать довольно исчерпывающее определение и описать эту чернильницу на столе; но для вас или для меня определить границы самих себя, к счастью, невозможно. Это, однако, не означает, что мы не можем ЧУВСТВОВАТЬ и ОСОЗНАВАТЬ самих себя, свои отношения с другими "я" и с великим Целым. Напротив, я думаю, ясно, что чем ярче мы ощущаем наше органическое единство с целым, тем меньше мы сможем отделить локальное "я" и заключить его в рамки какого-либо определения. Я полагаю, что мы можем и действительно начинаем все более ярко осознавать свое истинное "Я", но ментальное утверждение об этом всегда лежало и, вероятно, всегда будет лежать за пределами нашего понимания. Вся жизнь, все наши действия и опыт состоят в постепенном проявлении того, что находится внутри нас, — нашего внутреннего существа. В этом смысле — и читая его почерк во внешнем мире — мы все глубже и глубже познаем истинную природу души; мы проникаем в разум того великого художника, который созерцает себя в своем собственном творении.